

И. В. Базиленко, Н. Н. Дьяков, К. А. Жуков

Россия и мусульманский Ближний Восток (арабские страны, Турция, Иран)

Учебно-методическое пособие

Санкт-Петербург
Президентская библиотека
2015

УДК 327(07)

ББК 63.3(2)6-64(533)я73

63.3(533)6-64(2)я73

*Печатается в рамках реализации
Федеральной целевой программы по подготовке специалистов
с углубленным знанием истории и культуры ислама*

*Рекомендовано
учебно-методической комиссией
восточного факультета СПбГУ*

Рецензенты:

*Е. А. Резван, доктор исторических наук;
А. М. Фарзалиев, кандидат исторических наук*

Базиленко И. В., Дьяков Н. Н., Жуков К. А.

Б 17 Россия и мусульманский Ближний Восток (арабские страны, Турция, Иран): учебно-методическое пособие / И. В. Базиленко, Н. Н. Дьяков, К. А. Жуков ; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2015. – 230 с.

ISBN 978-5-905273-74-2.

Более тысячи лет Россия развивается в прямом контакте с цивилизационным полем ислама, широко представленным как у южных и восточных границ, так и в пределах самого Российского государства.

Россия – важное звено межкультурного взаимодействия народов Запада и Востока. Представляя одновременно и Восток, и Запад («Востоко-Запад», по выражению Н. А. Бердяева), Россия дала особый опыт эволюции связей христианской, русско-православной цивилизации с миром ислама.

Предлагаемое учебно-методическое пособие посвящено истории отношений России со странами мусульманского Ближнего Востока (Турция, арабские страны, Иран) от Средних веков до порога XXI столетия. Рассматриваются основные тенденции в развитии контактов между населением России и народами мусульманского Ближнего Востока (арабские страны, Турция, Иран); последствия захвата турками Константинополя (1453) – столицы Византийской империи – как события всемирно-исторического значения, оказавшего влияние на ход всемирной истории, в частности, на характер отношений России с мусульманским Ближним Востоком в Новое время.

УДК 327

ББК 63.3(2)6-64(533)я73

63.3(533)6-64(2)я73

© Базиленко И. В., Дьяков Н. Н.,
Жуков К. А., 2015

© Президентская библиотека, 2015

ISBN 978-5-905273-74-2

Содержание

<i>Введение</i>	4
Часть I. РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР: ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНТАКТОВ ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ	11
Методические рекомендации – 1	13
Методические указания – 2	22
Методические указания – 3	32
Методические указания – 4	35
Методические указания – 5	45
Методические указания – 6	49
Методические рекомендации – 7	60
Методические указания – 8	66
Методические рекомендации – 9	71
Часть II. РОССИЯ И ТУРЦИЯ	75
Методические указания – 10	77
Методические указания – 11	81
Методические указания – 12	87
Методические указания – 13	103
Методические указания – 14	124
Методические указания – 15	129
Часть III. РОССИЯ И ИРАН	133
Методические указания – 16	135
<i>Информационное обеспечение дисциплины</i>	212

Введение

В рамках вводных лекций преподавателю следует продемонстрировать на основе документальных источников и специальной научной литературы, в т. ч. трудов отечественных и зарубежных авторов, историчность связей народов России и мусульманского Ближнего Востока.

Хронологические и географические рамки курса и их обоснование; основные источники и исследования по истории отношений России со странами мусульманского Ближнего Востока.

Россия, более тысячи лет развиваясь в прямом контакте с историко-культурным полем мира ислама, арабо-мусульманской цивилизацией, представленной как вдоль южных и восточных границ, так и в пределах самого Российского государства, служила важным звеном межкультурного взаимодействия народов Запада и Востока. По выражению русского мыслителя Н. А. Бердяева (1874–1948), Россия исторически выступала как «Востоко-Запад», как «соединитель двух миров...».

Россия была и Востоком, и Западом, являя собою особый мир развивающейся русско-православной цивилизации. В этой связи особый интерес представляет изучение взаимодействия русского мира с мусульманской цивилизацией в ее османском воплощении. В известном смысле каждая из двух сторон этого взаимодействия была наследницей Византийской империи. Борьба двух миров в течение многих веков проходила в рамках Восточного вопроса, от разрешения которого зависела в итоге судьба становления России как отдельного культурно-исторического типа.

Настоящий курс посвящен истории отношений России со странами Ближнего Востока (арабские страны, Турция, Иран) от Средневековья до порога XXI столетия. Основной нижней границей выбрана дата падения Константинополя (1453) – события всемирно-исторического значения. Рассматриваются последствия захвата турками столицы Византийской империи для всемирной истории и, в частности, воздействие этого события на ход русской истории и истории всего ближневосточного региона.

Ближний Восток – один из очагов становления мировых цивилизаций, колыбель древней монотеистической, т. н. «авраамической» традиции, давшей рождение ряду религиозных систем – *иудаизму, христианству, исламу*, две последние из которых имеют статус мировых религий. Как и другие геополитические категории, родившиеся в эпоху европейской колониальной экспансии, например, «Средний Восток» и «Дальний Восток», понятие «Ближний Восток», безусловно, носит отпечаток европоцентристского подхода к географической и историко-культурной классификации стран Азии и Африки – по признаку «близости» или «удаленности» их отдельных регионов относительно Европы, Запада.

В узком значении категория «Ближний Восток», с точки зрения и европейцев, и россиян, фактически совпадает с понятием «Передняя Азия» – расположенными на востоке Средиземноморья полуостровом Малая Азия (совр. Турция) и странами Левантского побережья (Сирия, Ливан, Палестина, Израиль).

В более широком геополитическом значении Ближний Восток охватывает практически всю Западную Азию, в т. ч. Турцию, страны арабского Машрика (араб. «Восток» – Аравия, Ирак, Иордания, Сирия, Ливан), а также Иран и даже Афганистан.

Определенное историко-культурное единство региона Ближнего Востока как составной, системообразующей части арабомусульманского цивилизационного пространства допускает также включение в него стран Северной Африки – в первую

очередь Египта и стран арабского Магриба (Ливия, Тунис, Алжир, Марокко).

Историко-культурное единство мира ислама, этнокультурная и лингвистическая общность Арабского мира, включая оба его «крыла» – Машрик и Магриб, покрывающих значительную часть Западной Азии и север Африки, позволяют нам говорить о мусульманском Ближнем Востоке как о едином историко-культурном регионе (ИКР), а точнее, учитывая его масштабы и значение, как о *макрорегионе*¹.

Ближний Восток – неотъемлемая, а во многих отношениях сердцевинная часть единого цивилизационного пространства: *мира ислама*. Сегодня этот трансконтинентальный ареал в большей или меньшей мере объединен верой и языком Корана, духовными и социально-политическими связями, сложившимися на протяжении многих веков. Со временем в пределах единого некогда исламского мира сформировались основные историко-культурные регионы (ИКР): Ближний Восток, Северная Африка (также – Западная и Восточная Африка), Центральная (также – Южная и Юго-Восточная Азия).

В свою очередь, в каждом из перечисленных регионов выделяются историко-культурные области (ИКО), имеющие характерные этнолингвистические, общественно-политические, хозяйственно-культурные и другие особенности.

Источниковедческий и историографический обзор. Первые сведения по истории мусульманского Ближнего Востока, оказавшие заметное влияние на развитие «ближневосточных штудий»

¹ Растущая роль ближневосточного региона в современном мире объясняет появление в последнее время в международном лексиконе новой геополитической категории «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка» (“Broader Middle East and North Africa” – BMENA), рожденной в стенах Государственного департамента США для обозначения требующего повышенного внимания региона мусульманского мира, включающего названные выше страны Ближнего Востока, Среднего Востока и Северной Африки.

в Европе и России, принадлежали перу известных путешественников, дипломатов и ученых XVIII в. Это были труды Дмитрия Кантемира и Мураджи д'Оссона – об Османской империи и исламе; Ж. де Турнефора – о Кавказе, Персии и Малой Азии; К. Нибура – о Сирии, Египте, Аравии, Персии; Ф. де Вольнея – о Египте и Сирии; Р. Покока – о Египте, Передней и Средней Азии и т. д.

Как и российское востоковедение в целом, *факультет восточных языков (ФВЯ)* Санкт-Петербургского университета, открытие которого состоялось в августе 1855 г., практически с самого своего рождения столкнулся с острой проблемой включения в учебные планы курсов по истории Востока.

По учебным программам, действовавшим с 1855 г., исторические курсы на ФВЯ читались известными «профессорами восточных языков». Таковыми были, в частности, курсы истории Персии (А. К. Казем-бек), истории арабов (М. А. Тантави), истории и географии Оттоманской империи (А. О. Мухлинский), истории монголов (А. В. Попов), маньчжурской истории (В. П. Васильев).

Еще в 1856 г., подчеркивал академик В. В. Бартольд, ФВЯ признавал невозможным существование отдельной кафедры истории Востока, *«потому что исследование Востока представляет еще фактов слишком мало для того, чтобы они могли наполнить собою целую отдельную науку...»*¹.

Историческое направление в российском востоковедении XIX в. в определенной степени было обязано своим развитием первому декану ФВЯ, профессору А. К. Казем-беку (1802–1870),

А. К. Казем-бек
(1802–1870)

¹ Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Соч. Т. 9. М., 1977. С. 120.

оставившему ряд ценных трудов по истории Ближнего Востока. Однако основная заслуга в создании особой научной дисциплины – истории Востока, безусловно, принадлежит В. В. Григорьеву (1816–1881) – автору проекта кафедры истории Востока при Петербургском университете, разработанного еще в 1837 г. В 1863 г. Григорьев стал первым ординарным профессором по кафедре истории Востока на ФВЯ. В этой же области плодотворно работал историк и нумизмат П. С. Савельев (1814–1859), как и В. В. Григорьев, вышедший из школы отцов-основателей петербургского востоковедения О. И. Сенковского и Х. Д. Френа.

Большой вклад в преподавание истории Ближнего и Среднего Востока в Санкт-Петербургском университете внесли И. Н. Березин (1818–1896), К. П. Патканов (1833–1889), основоположник российской османистики В. Д. Смирнов (1846–1922) и Н. И. Веселовский (1848–1918) – преемник В. В. Григорьева на кафедре истории Востока, известный историк и археолог Ближнего Востока, Средней Азии и Южной России.

История семитских народов, в т. ч. арабов, в тот период еще не была достаточно представлена в университетах России. Между тем, в Санкт-Петербурге многие преподаватели ФВЯ весьма основательно занимались изучением арабской истории.

В 1870-е годы начинается научная деятельность выдающегося русского арабиста, выпускника ФВЯ, его декана (1893–1902) академика В. Р. Розена (1849–1908), с чьим именем был связан расцвет русского востоковедения на рубеже XIX–XX вв.

В 1890–1917 гг. профессор кафедры арабской словесности Н. А. Медников (1855–1918) опубликовал фундаментальный 4-томный труд, в котором осветил арабские материалы по истории Палестины VII–XI вв. Профессор А. Э. Шмидт (1871–1939) опубликовал в 1912 г. свои «Очерки истории ислама как религии» и другие работы.

Академик В. В. Бартольд (1869–1930) по праву считается лидером исторического крыла русского востоковедения Нового

времени. Автор сотен работ по социально-политической, культурной и религиозной истории народов Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Кавказа, В. В. Бартольд стоял у истоков новой исторической школы востоковедения. Его научная деятельность, в равной степени пришедшаяся на дооктябрьский и советский периоды, стала мостом, соединившим две эпохи развития исторической ветви российского востоковедения.

Младший современник В. В. Бартольда, также представитель петербургской школы и воспитанник ВФЯ Санкт-Петербургского университета, академик И. Ю. Крачковский (1883–1951) по праву считается крупнейшим отечественным арабистом, чьи труды по литературе, культуре, истории и географии Арабского мира, основанные на фундаментальном исследовании арабских источников – от классического рукописного наследия до произведений новой арабской литературы, – получили заслуженное признание в мире науки далеко за пределами нашей страны.

Геополитические перемены конца XX века, распад СССР, перестройка внутренней и внешней политики «новой России», поиск ею новых союзников и партнеров на Западе и на Востоке сопровождалась как у нас в стране, так и за ее пределами подчас кардинальным изменением методологии, самой концепции развития государства и общества и, соответственно, общественных наук, включая

*Академик
В. В. Бартольд
(1869–1930)*

*Академик
И. Ю. Крачковский
(1883–1951)*

исторические. Это в свою очередь привело к переоценке ценностей, самого смысла и целей «постимперского» российского востоковедения, что напрямую затронуло исследования отечественных ученых, посвященные истории и культуре Востока, в т. ч. мира ислама.

Общая характеристика новейшего периода эволюции отношений России со странами Ближнего Востока, с народами зарубежной Азии и Африки в целом может быть сведена к выражению «от мессианства к прагматизму», которое, на наш взгляд, вполне обоснованно и уместно использовал в своем труде известный отечественный историк-арабист А. М. Васильев¹.

Следует также назвать основные труды современных зарубежных и отечественных авторов (конец XX – начало XXI в.): турецких (Х. Иналджик, И. Ортайлы), арабских (А. Хурани, Ф. Хитти, Э. Саид и др.) и отечественных исследователей истории отношений России, Европы, Османской империи, арабского Востока в Новое / Новейшее время (А. Д. Новичев, А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, Б. М. Данциг, В. Б. Луцкий, В. И. Шеремет, Н. А. Иванов, С. М. Иванов, а сегодня – И. В. Базиленко, Н. Н. Дьяков, Н. А. Жерлицына, К. А. Жуков, С. А. Кириллина, Р. Г. Ланда, М. С. Мейер, В. В. Наумкин, С. Ф. Орешкова, М. Б. Пиотровский, М. А. Родионов и др.).

¹ Васильев А. М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993.

Часть I

РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР:
ЭВОЛЮЦИЯ
МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
КОНТАКТОВ
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Слбгу

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ – 1

При рассмотрении истории российско-арабских связей в Средние века и Новое время преподаватель должен отметить глубокий исторический характер межрегионального и межкультурного взаимодействия. Тысячелетние духовные, политические и торгово-экономические связи народов России со странами арабского Востока (VIII–XVIII вв.). Ислам и христианство у границ и в пределах Древней Руси. «Хождение» русских паломников в Святую землю (Сирия, Палестина, Египет) в Средние века. Игумен Даниил и его «хождение» на Восток в 1106–1108 гг.

Географическое положение Руси–России во многом определило ее культурно-историческое значение. Задолго до крещения (X в.) Русь участвовала в мировой торговле. По сухопутным и речным путям двигались люди, товары, деньги, шел обмен знаниями и духовным опытом.

Три авраамические религии – христианство, ислам, иудаизм – формировали духовный мир и культурное наследие огромной евразийской страны. Восточные источники, в том числе арабско-персидские, способствовали более полному воссозданию истории Древнерусского государства.

Арабско-персидские источники часто упоминают этнонимы «рус» и «сакалиба». Русы встречаются у автора X в. Бал'ами в связи с событиями VI в. на Кавказе. Они фигурируют и как наемники на военной службе у хазар, и как морские пираты у берегов Каспия (ал-Мас'уди, X в., Ибн Мискавейх, XI в., Ибн Исфендийар, XIII в.).

В «Книге путей и сообщений» Ибн Хордадбега (820–912) русы – купцы-христиане, торговавшие мехами. Они принадлежат к славянам. Фигурируют они также в «Книге стран» Ибн ал-Факиха (нач. X в.).

В 921 г. из Багдада в Волжскую Булгарию отправилось халифское посольство, секретарь которого Ахмад Ибн Фадлан составил «Записку» («Рисала»), содержащую богатейший материал о народах Восточной Европы, в том числе о русах.

Знаменитый путь «из варяг в греки», Волжско-Каспийский торговый путь, торгово-ремесленные поселения на Ладоге, под Новгородом, Смоленском, Ярославлем составляли единую сеть путей, двигаясь по которым, арабское серебро достигало Британии, а изделия ирландских мастеров – верховьев Волги. На Балтике сомкнулись тогда западная и восточная ветки «трансевропейской системы торговых связей», образуя «серебряный мост», связавший пространство от Британии на Западе до Прикамья на Востоке, от окраин Скандинавии на севере до причерноморско-каспийских степей на юге Европы.

Со второй половины VIII в. в Скандинавию с территории Древней Руси начинает поступать серебряная монета – арабские дирхемы. Русь пропускала варяжские дружины через свои территории, и они совершали набеги в мусульманские области Закаспия, тем самым облегчая положение Хазарского каганата, враждовавшего с арабами. Со временем ситуация привела к разгрому каганата киевским князем Святославом вместе с варяжским воеводой Свенельдом (X в.).

После христианизации Руси ее связи с Востоком упрочились. Важной частью русской жизни стали паломничества к Святым местам. Христианская традиция паломничества сложилась за несколько веков до крещения Руси. Само название «паломник» восходит к слову «пальма», ибо, возвращаясь с богомолья, его участники несли с собой пальмовую ветвь в память о вхождении Иисуса в Иерусалим, когда встречавшие его устилали дорогу пальмовыми ветвями.

Арабов в ранней русской духовной и летописной традиции называли «агарянами» (по имени Агари), «измаильтянами» (по имени Исаила), «сарацинами» (от греческого именованья арабов), а позднее эти названия распространили на всех мусульман, будь то турки или татары.

В паломничество устремились люди разных сословий, большей частью целыми толпами. Путь к святыням Палестины занимал полтора года. Русские калики – не только странствующие нищие, но и вооруженные дружины, «ватаги богатых удалых щеголей», объединенных стремлением поклониться Святым местам.

В VII–IX вв. у византийцев появились «проскинитарии» – путеводители по Святым местам. Позднее этот порядок утвердился и на Руси.

В 1106–1108 гг. совершил хождение на Восток игумен Даниил. Подлинник его «Хожения» не сохранился, дошедшие до нас списки восходят только ко времени до 1475 г. В наиболее старинных списках автора называли святым – так велико было значение этих памятников для современников и последующих поколений, а само «Хождение» возводилось в ранг жития.

Православное палестинское общество при своем основании (1882) положило начало предполагаемому полному изданию трудов русских паломников-писателей изданием труда игумена Даниила. Изучению этого памятника посвящен целый пласт русской научной литературы, в течение XIX века памятник издавался семь раз.

В своем «Хожении» эпохи крестовых походов Даниил упоминает иерусалимского короля Балдуина I (1100–1118), которого он, Даниил, сопровождал в одном из походов против эмира Дамаска.

В Святой земле Даниил был со своей «дружиной» и встретил там других русских людей. Личные достоинства игумена были столь высоки, что к нему с равным почтением и дружелюбием отнеслись и «сарацины» (т. е. мусульмане) и крестоносцы. Неординарная личность Даниила вызвала споры исследователей

позднего времени. Они сходятся во мнении, что до принятия монашества Даниил был земледельцем или знал земледелие, будучи игуменом монастыря.

Мусульманское население в изображении игумена Даниила – вовсе не разбойники, а «умелые крестьяне, свободолюбивые воины, не покорившиеся рыцарям-чужеземцам, радушные хозяева, оберегающие гостей, прекрасные зодчие – создатели каналов-водоемов, грозных крепостей и несказанной красоты храмов».

Кроме «Хожения» Даниила, XII в. не дает нам более письменных источников о паломничестве в Палестину, нет письменных свидетельств и от XIII в.

В данном разделе на основе разностороннего учебно-методического материала преподавателю следует отметить многоплановость духовных и культурных контактов народов Древней Руси и арабского Востока в эпоху становления российской государственности и эволюции мира ислама при Аббасидских халифах (VIII–XIII вв.) и определить значение данного этапа для развития российско-арабских отношений в последующий период, в условиях становления Московского государства (XIV–XVII вв.)

Христианский Восток в свидетельствах русских паломников XIV–XVII вв.: архимандрит Агрефений, инок Зосима, Варсонофий, купцы Василий и В. Гагара, иеродиакон Иона, А. Суханов и др. Описание Ближнего Востока в сочинении В. Григоровича-Барского (Сирия, Палестина, Синай в 1-й половине XVIII в.); описание Св. земли и Египта о. Игнатия (1766–1776).

Около 1370 г. совершил паломничество архимандрит Агрефений (Грефений), побывавший в Александрии, Каире, Дамаске, Иерусалиме, Антиохии. Местному православному населению приходилось трудно: власти не позволяли ему сноситься с Константинопольским патриархом.

Во время последней из трех поездок в Константинополь московского митрополита Пимена в 1389 г. в свите одного из сопро-

вождавших его епископов был Игнатий Смольнянин, ведший свои записки по прямому указанию Пимена. Записки Игнатия Смольнянина открывают новый этап в развитии жанра, в котором основным объектом описания являются события, быт и нравы местных жителей.

К 1419–1422 гг. относится «Хождение инокa Зосимы» – иеродьякона или иеромонаха Троице-Сергиева монастыря. По одному мнению, это была официальная миссия, согласно другому – чисто паломническое путешествие. Спутниками его были «купцы и вельможи знатные». В Иерусалиме он провел год, потом пробыл несколько месяцев в Царьграде – Константинополе и оставил последнее письменное свидетельство о положении там за тридцать лет до захвата византийской столицы турками.

Зосима стремился к точности в передаче терминов, к примеру, «мезгит саракинская» (ар.-тур. «месджид»). Передвижение по Палестине было сопряжено с большими опасностями – нападениями разбойников, «злых араплъ». Большую ценность представляет перечень округов и правителей, подвластных мамлюкскому султану Египта.

После падения Константинополя (1453) первым русским паломником стал Варсонофий, впервые совершивший паломничество в 1456, а затем – в 1461–1462 гг. Он побывал в Триполи, Бейруте, Дамаске, откуда добрался через Иордан до Иерусалима. Палестинские святыни он описал, систематизируя материал.

Второй маршрут Варсонофия пролегал через Египет и Синай. Он был первым паломником, описавшим храмы и обители Каира, он же дал и первое описание Синая. Впервые в русской литературе Варсонофий включает в описание Сирию, Египет и Синай, Латакию, Триполи, Дамаск и Бейрут. С конца ноября до середины января 1462 г. он жил в Египте, откуда в составе большого каравана двинулся на Синай. Его описание изобилует библейскими и местными легендами. Ни о каких притеснениях христиан местными властями он не сообщает. В Каире он был принят доброжелательно.

Паломникам предоставляли приют в специальном помещении, Варсонофию показали султанские ароматические плантации, разрешили сорвать на память ветку священного дерева. В Иерусалиме он смог провести четыре дня у Гроба Господня. Ему показали городскую крепость, куда иноземцев не пускали. По мнению ученых, такое отношение в мамлюкском Египте к православному паломнику было оказано в надежде на установление дружеских связей с Русью перед угрозой турецкого вторжения.

В 1465–1466 гг. совершил «хождение» гость (купец) Василий, по-видимому, уроженец одного из приокских городов. По пути следования Василий отмечал широкое распространение водяных мельниц, каменные мосты, рынки с водоснабжением и улицы, а также бани. «Халяп» (Халеб) хорошо виден издали за три дня пути; город хорошо укреплен, с бойницами и потайными ходами; в реке, которая «велика приводна и глубока», много рыбы; «да вокруг того града большой град», т. е. город имеет цитадель. Столь же толково описаны города Хама и Дамаск, а в Хомсе Василий отметил преобладание христианского населения: «арапов мало, а христиан много».

Конец XV в. был отмечен установлением дипломатических отношений между Россией и Османской Турцией, что заметно облегчило положение православных подданных султана. Во второй половине 50-х гг. XVI в. состоялся обмен посольствами между Александрийским патриархом и царем Иоанном Васильевичем, который отправил огромные денежные суммы всем восточным патриархам православной церкви и крупным монастырям. Для сопровождения патриаршего посольства были отправлены архидиакон Геннадий и купец Василий Позняков, возглавлявшие русское посольство. Огромные денежные суммы в золотой монете, меха, собольи шубы предназначались патриархам, но истинная цель посольства тщательно скрывалась. Она состояла в том, что патриархи должны были на Соборе благословить венчание Иоанна Васильевича на царский престол, а посольству

было велено всячески подчеркивать, что его цель – раздача милостыни для спасения православных святынь. Архидиакон Геннадий скончался в Константинополе, и вся миссия легла на Василия Познякова. Посольство прибыло в Александрию, оттуда в Каир. Старый Каир находился в запустении. Население его составляли немногочисленные египтяне и цыгане.

В 1634–1637 гг. путешествовал в Иерусалим и в Египет казанский купец Василий Яковлевич Гагара. Этот казанский купец торговал русскими и восточными товарами по Волге и Каспию, отличался распутством, начитанностью не блистал. Но когда умерла жена, а товары погибли в море, он раскаялся и дал обет отправиться в Иерусалим. В Египте он выкупил некоего москвитянина, о чем патриарх дал ему грамоту к царю Михаилу Федоровичу. В Каире внимание В. Гагары привлекли зернохранилища – «житницы каменные».

На Синайской горе он наблюдал благотворительность монастыря Св. Екатерины: монахи ежедневно кормили «арапов по 500 человек для того, чтобы не взяли монастырь и греков не побивали», спуская им на веревках «пшеничную (т. е. рисовую) кашу с маслом деревянным» «в кожаных скатертях». Только в середине XIX века был отменен обычай поднимать путешественников в монастырь в корзине, не открывая ворот из-за боязни бедуинов, хотя их нападения давно прекратились. В деревнях В. Гагара наблюдал инкубаторы, нагретые конским навозом.

Три списка «Жития и хождения в Иерусалим казанца Василия Яковлевича Гагары» хранятся сегодня в Российской национальной библиотеке.

В 1649–1652 гг. иеродиакон Троице-Сергеевой лавры Иона сопровождал вместе с другими духовными лицами Иерусалимского патриарха Паисия, приезжавшего к царю Алексею Михайловичу за милостыней. Паисий содействовал паломничеству Ионы к палестинским святыням. Иона описал порядки, установленные турецкими властями для христианских паломников:

после уплаты «семи ефимков» паломник получал бумагу с печатью «кадыя турского», т. е. местного турецкого кади.

По-видимому, Иона был послан как «дублер» главного царского посланника к восточным патриархам – Арсения Суханова, который был опытным церковным деятелем и находился в свите патриарха Паисия для изучения церковных чинов и обрядов Востока. Свое путешествие (посольство выехало из Москвы в июне 1649 г.) он подробно описал в «Проскинитарии», свидетельствующем о его широком кругозоре.

В конце августа 1651 г. А. Суханов прибыл в Каир, где видел «столп дивный из единого камня изсечен, четверогранен», покрытый снизу доверху «письменами, неведомо какими»: «сабли, луки, рыбы, головы чело́вечьи, руки, ноги, топорки; а иного и знать нельзя, видимая и невидимая; а сказывают, будто некоторая мудрость учинена». В Александрии он обратил внимание на систему водоснабжения города, при помощи которой в городе во время разлива Нила создается годичный запас воды. Суханову знакомы все обозначения названия страны и ее столицы: «поехали до Решита (Розетты) в полдень в Мисири, в Египет по-грецки, а по латыне в Каир».

Для описания минаретов Суханов нашел емкое определение «провозгласницы высокие». По обоим берегам Нила он видел водочерпательные устройства: «все воду колесом волами наливают из реки, поливают сахара и прочие сады, пшено сорочинское». Отметил он и обилие деревень, по большей части из необожженного кирпича, изредка постройки «жженные» и даже каменные, «всюду мечети стройные». Есть в «Проскинитарии» и описание нильского водомера.

Необходимо раскрыть с использованием исторических источников и иллюстративного материала историческое значение паломнического движения из пределов Московского государства в Св. землю в рассматриваемый период (XIV–XVII вв.), его влияние на российско-арабские контакты.

В 1723–1747 гг. путешествовал по Востоку киевлянин Василий Григорович-Барский (Плака-Альбов, 1701–1747), изучивший за время своего странствия арабский язык. Он побывал в Яффе, Иерусалиме, на Синае, в Палестине, а в Антиохии принял монашество. Б. М. Данциг отмечает многогранность наблюдений Григоровича-Барского: «Записки Василия Григоровича-Барского являлись источником правдивых и многообразных сведений для современников»¹.

Одним из поздних является «Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет, 1766–1776 гг.». Курянин по рождению, купец, проведший на Афоне девять лет, составил свое «Описание» в Саровской пустыни. Чтобы сделать описание более понятным читателю, о. Игнатий, описывая реку Иордан, сравнивает ее с Москвой-рекой. Качеством воды объясняет он происхождение названия Мертвого моря. Путешествие по Палестине было опасным: по пути следования паломников разбойничали бедуины – естественно, не от сытой и безбедной жизни.

История «хождений» свидетельствует, как в связи с развитием исторической жизни менялись взгляды и общественные интересы русского общества, как расширялись потребности в познании жизни других народов и стран.

В качестве базовой научной литературы методического и справочного характера по разделу могут быть рекомендованы следующие публикации:

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.

Изд. 2. Л., 1925; Соч. Т. 9. М., 1977.

Батунский М. А. Россия и ислам. Т. 1–3. М., 2003.

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе.

Дюклябрьский период. М., 1973.

¹ Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 63–66.

- Данциг Б. М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников.* Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. Хрестоматия. Т. 3. М., 2009.
- Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX вв.; критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1–2. М., 1896.
- Житенев С. Ю.* История русского православного паломничества в X–XVII вв. М., 2007.
- Кириллина С. А.* Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.
- Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995.
- Ланда Р. Г.* Россия и мир российского ислама. М., 2011.
- Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Панченко К. А.* Османская империя и судьбы православия на арабском Востоке (XVI – начало XIX века). М., 1998.
- Путешествия русских послов XVI–XVII вв.* Статейные списки. СПб., 2008.
- Сипенкова Т. М.* Россия и арабский Восток // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификация в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова и Н. А. Самойлова. СПб., 2011.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.
- Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 2

Начало имперского этапа в истории Российского государства не только не прервало, но и способствовало расширению духовных связей народов России и Арабского мира – как Машрика (арабского Востока), так и Магриба (Запада). Освещая

разные направления и векторы такого взаимодействия, преподавателю следует показать условия и истоки развития межрегиональных контактов, в частности, между Россией и регионом арабского Запада – Магриба.

Установление первых исторических контактов между народами России и мусульманского Магриба также восходит к Средневековью. Можно предположить, что истоки их относятся к эпохе становления самой российской государственности – ко времени походов первых Рюриковичей к «Хвалимскому» или «Хорезмскому», т. е. к Каспийскому морю в 1-й половине X в. Можно также допустить, что и эти, и последующие военные столкновения у границ мира ислама дали последнему немало плененных русичей, очутившихся затем в разных городах и весях – во всех концах гигантского халифата.

К IX–XI вв. относятся первые упоминания о *русах* арабскими авторами – историками, географами, путешественниками (Ибн Хордабех, Ибн Фадлан, аль-Масуди, Ибн Хаукаль, и др.). С уверенностью можно сказать, что уровень и темпы информационного обмена в пределах халифата примерно в тот же период сделали эти сведения о «народах севера» достоянием читателя-мусульманина и на западе мусульманского мира – в Магрибе и Андалусии.

И сами североафриканские авторы внесли немалый вклад в развитие средневековой географии и историографии. Около 1068 г. был завершен известный путеводитель с традиционным названием «*Китаб аль-мамалик ва-ль-масалик...*» («*Книга царств и путей...*») аль-Бакри; около 1154 г. другой выходец с арабского Запада, Абу Абдаллах Мухаммед аль-Идриси, составил один из полнейших географических сводов своего времени: «*Китаб нузхат аль-муштак фи-хтирак аль-афак*» («*Книга улады истомленного в дальних странствиях*»), в котором автор описал для своего сюзерена короля Сицилии Роджера II, известного симпатиями к культуре арабов, Магриб, Аль-Андалус и ряд стран и земель Европы, а также Руси.

В Россию же известия о Северной Африке стали попадать с началом «хождений» русских паломников в Святую землю – в Палестину и Синай. Впервые личные впечатления русских о Египте и севере Африки дошли до нас благодаря уже упоминавшимся путешествиям, предпринятым в середине XV в. иноками Зосимой и Варсонофием, а позже купцами В. Позняковым, Т. Коробейниковым, В. Гагарой и др.

К особому разряду контактов между Россией и странами арабского Магриба можно отнести пребывание на службе турецкой администрации или в янычарских *оджаках* выходцев из России, преимущественно из малороссийских областей, попавших в плен в эпоху Золотой Орды, либо позже, в период войн, которые Россия долгие годы вела против Османов и крымских ханов. Хорошо известна и изучена роль мамлюков – поначалу преимущественно кыпчаков-половцев, а затем и черкесов, как арабы называли практически всех выходцев с Северного Кавказа, – в истории Египта и других, в том числе магрибских провинций Османской империи.

Характерной чертой социально-политической истории Магриба, начиная с античности и до Нового времени, оставался *пиратский промысел*, служивший орудием политического господства поколений местных правителей – от *суфетов* Карфагена и римских проконсулов до султанов Марокко, алжирских *деев* и *беев* Туниса и Триполи. Пиратство служило орудием «джихада на море» – от арабских завоеваний в VII–VIII вв. до войн Реконкисты в XII–XV вв. В позднее Средневековье оно все больше превращается из формы религиозно-политического сопротивления западного мусульманства европейской экспансии в доходную отрасль хозяйствования – торговли христианскими пленниками, в том числе с целью оказания политического давления на западные державы, которые все активнее включались в развернувшееся на пороге Нового времени соперничество за сферы влияния в Средиземноморье.

Невольники, наемники и даже «авантюристы-пираты» из разных областей государства Российского издревле попадали, таким образом, на далекие североафриканские берега, разнообразя и без того пестрый этнокультурный фон, на котором писалась история столь далекого от их родины арабского Магриба.

В допетровскую эпоху сведения о народах Ближнего Востока и Северной Африки поступали в Россию главным образом в переводе с западных языков. Неизменный интерес вызывали популярные в Европе работы по географии, путевые заметки с описанием экзотических стран, в том числе Алжира, Туниса, Египта и пр. Основные европейские издания такого рода стали известны русскому читателю по переводам, вышедшим в XVI–XVII вв.

Отмечая укрепление международных позиций России в Средиземноморье на рубеже XVIII–XIX вв., преподаватель должен отметить исторические условия установления первых политических, торгово-экономических и культурных контактов Российской империи с правителями арабских стран Средиземноморья (Сирия, Египет, Тунис, Марокко и др.).

В качестве одного из важных разделов формировавшейся востоковедной школы русская арабистика с самого начала развивалась в основном на базе классических материалов, средневековых рукописных памятников, связанных с традиционными центрами мусульманской культуры на арабском Востоке – в Машрике. Изучение арабского Запада, Магриба, долго оставалось вне основного русла научной деятельности наших арабистов. Лишь к концу XVIII в., с наступлением екатерининской эпохи, сведения об этих странах все чаще стали появляться на страницах ведущих столичных изданий.

В допетровское время Россия фактически не имела значимых связей с арабскими странами Африки. Главной помехой было господство Османов на Черном море и в значительной части Средиземного моря. О Магрибе, в т. ч. о Марокко, известно было и того меньше, тем более что само название этой страны полу-

чило распространение лишь в середине XVII в. с приходом династии Алаутитских султанов-шерифов.

Развитие связей с арабским Магрибом вполне «вписывалось в рамки геополитики Российской империи, которая была заинтересована в обеспечении свободного выхода в Средиземное море и Атлантику. Имелись также определенные предпосылки для налаживания и развития российско-марокканской торговли...»¹.

Правление Екатерины II (1762–1796) позволило, наконец, России утвердиться на северных берегах Черного моря и выйти со своим флотом в Средиземноморье, развивая контакты в том числе и со странами Северной Африки.

Всплеск внимания нашей общественности к Ближнему Востоку и Северной Африке наметился в период русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. и последующих активных действий русских эскадр на Черном и Средиземном морях. Признанный авторитет по истории отечественных ближневосточных штудий Б. М. Данциг отмечал рост интереса в России в конце XVIII в. к разным сторонам жизни империи Османов. На страницах научно-популярных работ и в периодической печати все чаще появлялись статьи и заметки о Египте, Сирии, Алжире и т. д. На основании донесений русских консулов и моряков в эти же годы в «Санкт-Петербургских ведомостях» были опубликованы, в частности, первые заметки о Марокко².

Победе России в войне с Турцией 1768–1774 гг. немало способствовали действия первой так называемой «Архипелагской экспедиции», вышедшей из Балтики в Средиземное море для отвлечения турецких сил с придунайского и черноморского театров военных действий. Одним из важных следствий этой экспедиции было, по сути, рождение новой для России военно-исто-

¹ Подгорнова Н. П. (автор и составитель). Россия и Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. М., 1999. С. 3.

² Данциг Б. М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Ближний Восток. М., 1976. С. 146–147.

рической литературы, содержащей в том числе и разнообразные сведения об отдаленных средиземноморских провинциях Порты.

Прямым результатом Архипелагской экспедиции стало появление первых подробных описаний «Варварийского берега», опубликованных участником Чесменского сражения (1770) капитаном флота Матвеем Григорьевичем Коковцовым (1745–1793), прадедом известного русского семитолога П. К. Коковцова.

М. Г. Коковцов – первый русский офицер, не просто посетивший, но и подробно описавший города, население, культуру и политико-административное устройство Туниса и Алжира 2-й половины XVIII в. В августе 1776 г. в письме в Адмиралтейскую коллегию М. Г. Коковцов рассказывал о совершенном им вояже в Тунисскую область и о восхитившем его «страннопримстве варваров». С негодованием подчеркивая, что так в Европе еще со времен римлян принято было называть местных жителей, автор пишет, что «народы сии так подлого имени совсем не заслуживают... Имя варваров прилично народу злонравному, беззаконному и жестокосердному; а народы Варварийские вообще казались мне добронравнее и страннопримчивее многих европейцев»¹.

После отставки в 1785 г. с флотской службы в звании бригадира М. Г. Коковцовым при содействии члена-корреспондента Академии наук Ф. О. Туманского были подготовлены и опубликованы заметки о посещении Туниса (1776) и Алжира (1777), по сути, заложившие фундамент отечественной магрибистики и африканистики².

¹ Письмо капитан-лейтенанта Коковцова о совершении им вояжа в барбарийские порты, описании алжирских берегов и Тунисской области... РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 119. Л. 5. 6.08.1776.

² Коковцов М. Г. Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и проч. СПб., 1786; Достоверные известия об Алжире, о нравах и обычаях тамошнего народа, о состоянии правительства и областных доходов, о положении Варварийских берегов, о произрастаниях и о прочем. СПб., 1787.

Высокую оценку трудам М. Г. Коковцова дал академик И. Ю. Крачковский в своих «Очерках по истории русской арабистики»: «Основанные на непосредственных впечатлениях, они обнаруживают некоторое знакомство с арабским языком и до сих пор остаются важным источником для характеристики Алжира и Туниса этой эпохи...»¹.

На основе разностороннего методического и историко-документального материала преподаватель должен показать учащимся, что рост международного авторитета России как великой морской державы, одержавшей над Портой победу в войне 1768–1774 гг. и существенно укрепившей таким образом свои позиции в Средиземноморье, привел к существенному расширению ее контактов со странами Северной Африки. К этому же периоду екатерининской эпохи относятся и первые шаги в установлении прямых отношений между Россией и странами Магриба.

В 1-й половине XVIII в. дипломатические интересы России в западной части Средиземноморья обеспечивались ее представителем, аккредитованным в Мадриде. Консульские представительства России имелись в испанском Кадисе, а также в итальянских государствах. С 1769 г., во время «Архипелагской экспедиции» обязанности нештатного консула России в Гибралтаре выполнял англичанин Лидс Бут, оказывавший содействие русским эскадрам и сообщавший «сведения о внутривосточном положении, взаимоотношениях Марокко с иностранными державами и др.»².

Установление прямых связей между Россией и Марокко произошло во многом благодаря личной позиции марокканского султана – современника Екатерины Великой Мухаммада III бен Абдаллаха (1757–1790), который одним из первых в династии

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 56.

² Мусатова Т. Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990. С. 12–13.

Алауитов высказался за развитие контактов не только с мусульманскими, но и с христианскими странами.

В 1777 г. Мулай Мухаммад б. Абдаллах издал указ-*дахир*, дававший иностранным судам, в т. ч. российским, право свободного захода в порты Марокко для пополнения запасов продовольствия и питьевой воды. В октябре 1777 г. Лидс Бут сообщил в Санкт-Петербург о готовности Марокко открыть свои порты и гавани для европейских судов.

В начале 1778 г. в Ливорно состоялись встречи чрезвычайного посланника марокканского султана Мухаммеда бен Абд аль-Малика с командиром отряда русских кораблей капитаном 1-го ранга Т. Козляиновым, сообщившим о готовности «Ея Императорского Величества» Екатерины Алексеевны развивать дружеские отношения с Марокко и соответственно относиться к марокканским судам. Первые дружественные контакты были подтверждены обменом письмами между Т. Козляиновым и марокканским послом. В знак расположения Т. Козляинов в ответ на просьбу султанского посланника выделил ему два фрегата – «Св. Павел» и «Констанца» – под командой капитана Н. С. Скуратова для возвращения марокканского посольства из Ливорно в Танжер. Выполнив эту миссию, Н. С. Скуратов отбыл затем из Танжера с посланиями марокканского султана Екатерине II, а также вице-президенту Адмиралтейской коллегии графу И. Г. Чернышеву об установлении двусторонних дружественных контактов, прежде всего в области мореплавания и торговли.

Важным итогом этого пребывания русских кораблей в Танжерской бухте стали материалы с описанием марокканского побережья, Танжера и местных ремесел¹.

В июле 1778 г. султан Мухаммад б. Абдаллах обратился к Екатерине II с предложением развивать торговлю и заключить мирный договор. Екатерина II в ответ на послание султана предоставила такие же права марокканским судам в портах России.

¹ Мусатова Т. Л. Указ. соч. С. 18–22; РГАВМФ. Ф. 172, оп. 1, д. 230. 1778.

В июле 1782 г. султан вновь направил Екатерине II предложение о договоре. В мае 1783 г. императрица выражала благодарность и подтверждала готовность соблюдать режим наибольшего благоприятствования. Между тем двусторонний договор тогда так и не был заключен: слишком мало русских судов появлялось тогда на западе Средиземноморья, чтобы учреждать в Танжере генеральное консульство России.

Переписка между Екатериной II и султаном Сиди Мухаммадом бен Абдаллахом продолжалась в последующие годы, готовя почву для подписания межгосударственного договора. Однако дальнейшему развитию двусторонних отношений помешала русско-турецкая война 1787–1791 гг. Тем не менее, приведенные факты, по словам Б. М. Данцига, «ярко характеризуют дружественные отношения между Россией и Марокко в последней четверти XVIII в.»¹.

Подчеркивая активную роль марокканского правительства в поиске путей сближения с Россией, известный марокканский исследователь истории международных отношений А. Тази писал: «Удаленность Москвы от Королевства Марокко не была препятствием для марокканской внешней политики в установлении контактов с царской Россией. Выгодное положение Марокко как важного международного центра привлекало в свою очередь внимание к нему из-за рубежа, в том числе и со стороны соседей России в Османской империи, с которыми марокканцев объединяли узы веры...». В архивах Санкт-Петербурга, отмечает А. Тази, хранились материалы переписки марокканского султана Мухаммада III (Бен Абдаллаха) с императрицей Екатериной, в которых также нашла отражение позиция Марокко в отношении присутствия русского флота в Средиземноморье во время войны с Портой².

¹ Данциг Б. М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Ближний Восток. М., 1976. С. 150–151.

² Тази А. Ал-Муджаз фи-т-тарих ал-'илакат ад-дууалия ли-л-Мамлака ал-Магрибия. (Abregé de l'Histoire diplomatique du Maroc). Rabat, 1985. P. 108.

Безусловно, отношения с Турцией на рубеже XVIII–XIX вв. составляли приоритетное направление российской «Восточной политики». Стремясь обеспечить безопасность своим судам в центральной и западной части Средиземноморья, Россия настояла на включении в текст Ясского мирного договора 1792 г. особой статьи, по которой турецкое правительство брало на себя обязательства по обеспечению интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполитании и возмещению русским купцам всех убытков, причиненных им корсарами.

Внешнеполитические и военные успехи России в конце XVIII в. существенно усилили ее влияние в Средиземноморье, позволив активнее включиться в систему политических и торгово-экономических региональных связей, в том числе со странами Магриба, традиционно составлявшими зону особых интересов Порты и западных держав. Внушительный прорыв России в восточной и средиземноморской политике привел и к первым попыткам официального оформления ее контактов как с суверенным шерифским Марокко, так и с турецкими эялетами на севере Африки – Алжиром, Тунисом и пр., отношения с которыми носили прежде скорее эпизодический характер.

Следующие важные шаги в расширении связей между Россией и арабским миром были предприняты уже в XIX столетии на фоне дальнейшего обострения международного соперничества за влияние на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В качестве основной литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие работы:

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973.

Данциг Б. М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Ближний Восток. М., 1976.

- Дьяков Н. Н. Россия и страны Магриба // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова, Н. А. Самойлова. СПб., 2011.
- Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005.
- Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
- Мусатова Т. Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990.
- Панова М. А. Русские в Тунисе. М., 2008.
- Подгорнова Н. П. (автор и составитель). Россия и Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. М., 1999.
- Россия и Восток / под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб., 2000.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 3

В рамках текущих занятий преподавателю следует, используя учебно-методические пособия и вспомогательный иллюстративный материал, показать студентам, что систематическое изучение мусульманского мира, языка, культуры и истории арабов началось в России при Петре Великом, когда одновременно с укреплением имперских геополитических позиций был заложен фундамент новой академической науки, в том числе восточковедных исследований.

Начало становления научной арабистики и исламоведения в России в XVIII в. Г.-Я. Кер, Г.-З. Байер. Арабский язык и Коран в российской культуре и образовании в эпоху Екатерины Великой. Первые переводы Священного Корана на русский язык. Арабский Восток в русской литературе и периодических изданиях XVIII в.

К 1716 г. относится первое издание в Санкт-Петербурге полного перевода Священного Корана, принадлежавшего «доктору Падуанского университета» Петру Посникову и выполненного на основе первого французского перевода А. Дю Рие (1647)¹.

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 43.

Начальный этап становления научного востоковедения был связан с именами крупных европейских ученых, в том числе приглашенных в Россию немецких востоковедов Г. Я. Кера (1692–1740) и Г.-З. Байера (1694–1738), начинавших изучение арабского языка под руководством дамаскинца Соломона Негри (ум. 1729).

Георг Якоб Кер еще до приезда в Россию на основе анализа 18 монет дешифровал арабский куфический шрифт (1724). Он же установил индийское происхождение арабских цифр. Его проект «Академии или Общества восточных наук и языков в империи Российской» не только не получил поддержки, но и пропал, пока его в 1821 г. не обнаружил Х. Д. Френ. По сути, «планомерная востоковедческая наука» началась в России лишь спустя два столетия.

В 60-х гг. XVIII в. в Европу, где достаточно высокого уровня достигла голландская, германская и английская арабистика, из России была отправлена группа способных молодых людей, срок обучения которых составлял от 5 до 10 лет. Однако никому из них не довелось заниматься арабистикой: в интересах богословия предпочтение отдавалось древнееврейскому языку и семитологии.

В российских землях, населенных мусульманами и расположенных в приграничье, арабский язык преподавался в школах. Указом Екатерины II (1762–1796) от 24 сентября 1782 г. предписывалось ввести арабский язык в народных училищах губерний, прилежавших «к стороне татарской, персидской и бухарской». В Астрахани, само географическое положение которой и состав населения диктовали необходимость преподавания арабского, турецкого и персидского языков, арабский язык преподавался в школе для солдатских детей с 1754 г., в 1788 г. эта школа была преобразована в народное училище, а в 1806 г. – в гимназию. Именно в Астрахани М. Д. Скибиневским была составлена первая грамматика арабского языка на русском языке.

В эпоху Екатерины Великой было также предпринято первое российское издание арабского текста Корана. Это издание полу-

чило известность как «петербургский Коран». Шрифт для издания был отлит на основе письма одного из крупных мусульманских каллиграфов того времени и, по отзывам западных специалистов, представлял образец, недостижимый для западной типографской техники того времени.

Русский читатель, не владевший арабским языком, мог получить представление о Коране благодаря двум переводам с западных языков, в частности, с французского. Этот перевод принадлежал Андре Дю Рие, а русский перевод с него был выполнен М. Веревкиным. С французского же были переведены и изданы в Смоленске в 1796 г. переводы сказок «1001 ночь», а в Калуге в 1787 г. был опубликован сокращенный перевод с французского «Краткого повествования об аравлянах»¹.

Более или менее регулярно стали появляться в русской периодике конца XVIII в. и сведения из арабо-мусульманской истории.

В качестве основной литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.

Изд. 2. Л., 1925; Соч. Т. 9. М., 1977.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9: Работы по истории востоковедения. М., 1977.

Введение в востоковедение. Общий курс / под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011.

Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978.

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973.

Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. 1–4. М., 1998–2003.

¹ Данциг Б. М. Указ. соч. С. 76–77.

История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990.

Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995.

Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.

Россия на Ближнем Востоке и в Северной Африке в XIX – начале XX в.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 4

Раздел посвящен характеристике роли арабского Востока в российской политике, культуре и науке XIX – начала XX в. В ходе занятий преподавателю следует обратить особое внимание на роль России в «Восточной политике» рассматриваемого времени, в борьбе европейских держав за сферы влияния на Ближнем Востоке, в том числе в организации коалиционных действий против державы египетского паши Мухаммеда Али.

Первая половина XIX века была отмечена дальнейшим обострением Восточного вопроса, активизацией соперничества ведущих держав Европы и России за сферы влияния на Ближнем Востоке и на севере Африки, за передел «турецкого наследства».

Британская экспансия на берегах Аравии, французское завоевание и начало колонизации Алжира определили в данный период основные векторы колониальной политики держав в Арабском мире.

Воздерживаясь от активных военно-политических действий в регионе, Россия между тем приняла осязаемое участие в «Восточной политике» европейских держав, поддерживав их усилия, направленные на ограничение влияния египетского правителя-реформатора Мухаммеда Али, претендовавшего на роль властителя арабского Востока, строителя новой арабо-мусульманской империи, в числе прочего за счет захватов территорий, входивших пока в состав державы Османов.

В результате действий коалиционных сил Европы, России и Турции Мухаммед Али вынужден был капитулировать и отказаться от территорий, захваченных на первом этапе его завоеваний и затем потерянных в результате 2-й османо-египетской войны (1839–1840).

Россия при этом смогла укрепить свои позиции в Арабском мире, развивая с арабскими провинциями Порты торгово-экономические и культурные связи, в том числе в рамках просветительской деятельности среди арабов, проживавших в Святой земле – Сирии и Палестине.

Большой вклад в укрепление этих связей и в изучение жизни арабского населения Сирии и Палестины в середине XIX в. внес замечательный российский дипломат и исследователь греческого происхождения Константин Михайлович Базили – автор капитального труда «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях», завершенного им в 1847 г.

Преподавателю следует отметить особую роль русских ученых, дипломатов, офицеров, литераторов в расширении представлений российской общественности о странах арабского Востока в рассматриваемый период (XIX – начало XX в.).

Арабская культура и арабистика в российской науке XIX – начала XX в. Арабистика в университетах и академических центрах России в XIX в.: А. В. Болдырев, В. Ф. Гиргас, В. Р. Розен, Г. С. Саблуков, Д. А. Хвольсон, Н. А. Медников, В. В. Бартольд, А. Э. Шмидт, И. Ю. Крачковский и др.

В России в рассматриваемый период происходит заметный подъем в развитии арабистики и исламоведения, причем самое активное участие в нем также принимали ведущие европейские ученые, работавшие в то время в разных российских университетах и в Академии наук: например, французы Ж. Ф. Деманж и Ф. Б. Шармуа, немцы Г.-Я. Кер, Х. Д. Френ и Б. А. Дорн, финны Г. Гейтлин и Г.-А. Валлин и др.

Особое место в этой плеяде замечательных имен занимали исследователи и преподаватели – носители арабского языка: уроженец Мекки Ахмед ибн Хусейн, сирийцы Ф. Кельзи и Ф. Сарруф, ливанец А. Хашаб и, конечно же, знаменитый шейх Мухаммед Айяад Тантави (1810–1861) – известный египетский ученый, профессор Каирского университета аль-Азхар, а с 1847 г. и Санкт-Петербургского университета.

В Санкт-Петербургском университете изучение и преподавание истории стран Ближнего Востока началось еще до создания факультета восточных языков в 1855 г.¹ Сведения по истории Османской империи, арабских стран, Средней Азии, Ирана и Афганистана содержались в лекциях проф.

О. И. Сенковского (1800–1868), который в 1832–1847 гг. возглавлял кафедру арабской словесности. Из школы О. И. Сенковского и Х. Д. Френа вышли П. С. Савельев (1814–1859) и В. В. Григорьев (1816–1881), которые внесли немалый вклад в разработку истории народов Ближнего Востока.

Создание в 1855 г. факультета восточных языков (ФВЯ) – важный этап в развитии востоковедения в Петербургском университете. Первый декан ФВЯ, профессор А. К. Казем-бек (1802–1870), оставил ряд ценных трудов в области востоковедения, истории народов Ближнего Востока. Уроженец Дербента, А. К. Казем-бек свободно владел русским, английским, французским, арабским,

*К. М. Базили.
Генеральный консул
России в Сирии
и Палестине
(1839–1853)*

¹ Так, известна лекция Н. В. Гоголя о восстании Абу Муслима (VIII в.), которую слушал в свое время А. С. Пушкин.

персидским, турецким языками. В 1832 г. он издал на турецком языке «Ассабе-ус-Сейяр» – историю крымских ханов с 1466 до 1787 г., в 1840-е гг. – исследование «Об уйгурах» и ряд статей по истории ислама.

Некоторые аспекты новой арабской истории, например, восстание ваххабитов, войны Мухаммеда Али и др., были включены в курс истории Османской империи, который вел А. О. Мухлинский (1808–1877).

Важную роль в исследовании и преподавании истории Востока на восточном факультете сыграл В. В. Григорьев, в 1870–1878 гг. бывший деканом ФВЯ. Значительный вклад в преподавание на ФВЯ истории стран Ближнего Востока внесли И. Н. Березин, К. П. Патканов и В. Д. Смирнов. В 1878–1884 гг. В. Д. Смирнов читал курс политической истории Османской империи, уделяя особое внимание ее отношениям с Россией, истории турецкой экспансии и связям турок с крымскими ханами.

В 70-е годы XIX в. начинается научная деятельность выдающегося отечественного арабиста В. Р. Розена (1849–1908), выпускника ФВЯ, его декана (1893–1902) и академика, с чьим именем связан расцвет российского востоковедения на рубеже XIX–XX вв.¹ Совместно с А. А. Куником В. Р. Розен выпустил работу «Известия аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах» (Т. 1–2, 1876–1903). В. Р. Розену принадлежит исследование об арабском путешественнике X в. Ахмаде ибн Фадлане (1904). В трудах В. Р. Розена были затронуты также многие другие вопросы арабской истории и историографии.

В 1896–1930 гг. на факультете проходила научная и педагогическая деятельность крупнейшего отечественного историка-востоковеда В. В. Бартольда (1869–1930), воспитанника ФВЯ (1891), академика (с 1913), автора свыше 700 работ по истории, культуре и религии народов Ближнего Востока и Средней Азии. В 1911 г.

¹ И. Ю. Крачковский. Очерки... С. 139–149.

В. В. Бартольд возглавил журнал «Мир ислама» – орган Общества востоковедения.

В Санкт-Петербурге – Ленинграде жил и работал академик И. Ю. Крачковский (1883–1951). Он также учился на восточном факультете (1901–1906), а в 1908–1910 гг. находился в командировке в Сирии и Египте, позже описанной им в книге «Над арабскими рукописями» (М.; Л., 1945). В 1910 г. он принял участие в инспектировании школ Православного палестинского общества. Выполненный И. Ю. Крачковским перевод Корана долго оставался единственным доступным как ученому миру, так и широкому читателю изданием (1963), благодаря которому с ним могли познакомиться и не владевшие арабским языком мусульмане нашей страны.

В Москве в 1-й половине XIX века преподавание восточных языков, включая арабский, было связано в первую очередь с именем проф. А. В. Болдырева (1780–1842). Выпускник Московского университета, А. В. Болдырев стажировался в Геттингене (Германия), затем во Франции у Сильвестра де Саси. А. В. Болдырев подготовил и опубликовал ставшую популярной арабскую хрестоматию, выдержавшую два издания.

В Московском университете официальное преподавание восточных языков закончилось в 70-х гг. XIX в. Но армянский общественный деятель И. Л. Лазарев (Газарьян) и его брат Иоаким создали Лазаревский институт восточных языков. Сначала, с 1815 или 1816 г., это было училище, а в 1827 г. после продолжительных согласований с властями было утверждено название «Лазаревых институт восточных языков». В качестве официального центра подготовки «переводчиков, необходимо нужных по сношениям Империи с Азиатскими державами», Лазаревский институт стал со временем учреждением общероссийского и международного значения. Особое значение придавалось преподаванию арабского языка. В 1872 г. при институте были организованы специальные трехгодичные классы, давшие науке ряд блестящих ученых, в т. ч. В. А. Гордлевского, А. Е. Крымского, В. Ф. Минорского, Х. К. Бара-

нова. Выпускник Лазаревского института и Московского университета А. Е. Крымский (1871–1942) – крупнейший исследователь в области арабистики, иранистики, тюркологии, изучавший в 1896–1898 гг. арабский язык и литературу в Сирии и Ливане.

В Казани XIX века, после перемещения научной арабистики в Санкт-Петербург, арабский язык преподавался в духовной семинарии. Долгое время его вел ученик А. Казембека Н. И. Ильминский (1821–1891), работавший на Арабском Востоке в 1851–1854 гг. и составивший подробный отчет о своей поездке, в том числе о суфийских братствах.

Крупнейший представитель казанской арабистической школы XIX в. – Г. С. Саблуков (1804–1880), выпускник Московской духовной семинарии, обративший на себя внимание проф. Х. Д. Френа. В 1849 г. Г. С. Саблуков был назначен в Казань для преподавания дисциплин миссионерской направленности. В 1878 г. был издан его перевод Корана, переиздававшийся в 1894 и 1907 гг. и вернувшийся к читателю лишь в начале 1990-х гг. В 1995 г. был издан долгое время сохранявшийся в рукописи перевод Корана, выполненный современником Г. С. Саблукова Д. Н. Богуславским, профессиональным военным, переводчиком Шамиля во время его пребывания в Калуге.

Казанская семинария дала также отечественной науке П. К. Жузе – палестинского араба-христианина, впоследствии профессора Азербайджанского университета.

Участие арабских ученых и писателей в развитии российско-арабских культурных связей в Новое время – важный элемент двустороннего сотрудничества. На примере творческих биографий наиболее ярких представителей арабской культуры рассматриваемого периода преподаватель должен осветить основные этапы двусторонних отношений в данной сфере.

Арабские ученые в российской науке XIX – начале XX в.: А. б. Хусейн аль-Мекки, М. А. Тантави, Ф. И. Кельзи, Ф. И. Сарруф, А. Ф. Хацаб и др.

Выходцы из арабских стран работали в России с середины XIX в. Сначала в Казани, потом в Петербурге преподавал мекканец Ахмед ибн Хусейн ал-Мекки. На ФВЯ Петербургского университета он вел занятия по разговорному арабскому языку в первые годы существования арабской кафедры вплоть до 1858 г.

Особенно яркой фигурой в петербургской арабистике середины XIX в. был уже упоминавшийся выше египтянин профессор Мухаммед Аййад ат-Тантави (1810–1861).

*Мухаммед Аййад ат-Тантави
(1810–1861)*

Шейх Тантави родился в 1810 г. в маленькой деревушке на севере Египта близ г. Танта. В 1830-х гг. еще молодым человеком он был известен в Каире как один из учнейших профессоров университета Аль-Азхар, великолепный знаток арабского языка, рукописного наследия и литературы.

Благодаря широкой известности в Египте и Европе Тантави был приглашен в 1839 г. в Россию по рекомендации Х. Френа и в 1840 г. начал вести курс арабского языка в учебном отделении при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 1847 г. он сменил в Санкт-Петербургском университете вышедшего в отставку О. И. Сенковского и с 1848 г. стал преподавать на кафедре арабского языка.

К сожалению, с первых дней основания ФВЯ Тантави был болен и в 1861 г. скончался. Он был похоронен на старом петербургском «татарском» кладбище у Волковой деревни, где по сей день стоит его памятник с надписью на арабском и русском языках. Русский текст гласит: «Ординарный профессор С.-Петербург-

ского университета статский советник шейх Мухаммед Аййад Тантави. Скончался 27 октября 1861 г...».

Жизнь и творчество шейха ат-Тантави первым тщательно исследовал академик И. Ю. Крачковский, описавший, в частности, уникальную коллекцию рукописей Тантави в Восточном отделе библиотеки СПбГУ, которая насчитывает сотни единиц хранения¹.

Среди рукописей Тантави – классические сочинения по богословию, истории пророков и святых, мистицизму/суфизму, медицине и космологии, этике и стилистике (среди авторов – классики арабской культуры: Ибн Араби, Ибн Кутайба, ал-Бусири, аш-Шарани, аш-Шурунбабили, ал-Йамани, ат-Тарабулуси) и, конечно, по языкознанию, в т. ч. по египетскому диалекту арабского языка (ал-Ансари, ал-Магриби, ал-Фаси и др.).

Описание России – важный раздел творчества Тантави. К сожалению, значительная часть этого труда относится к периоду жизни ученого, уже отмеченному болезнью. Среди обнаруженных И. Ю. Крачковским записей Тантави – оды, заметки и хронограммы, посвященные официальным церемониям и жизни царской семьи: ода в честь Николая I и Александры (1852); хронограмма 25-летия коронавания императора Николая I (1851) и хронограмма на кончину Николая I (1855); хронограмма восшествия на престол императора Александра II (1855) и т. п.

Это было «лучшее сочинение Шейха, – утверждал И. Ю. Крач-

¹ Коллекция шейха Тантави – важная часть собрания арабских рукописей Восточного отдела научной библиотеки СПбГУ, превышающего тысячу наименований и объединяющего также поступавшие в разное время коллекции известных востоковедов, дипломатов, политиков XIX в., в т. ч. И. Диттеля, И. Ф. Готвальда, И. Н. Березина, А. О. Мухлинского, В. Ф. Гиргаса, И. Ю. Крачковского а также генерала Богуславского, министра народного просвещения Глазова, министра иностранных дел Франции Леона Гамбетта (1838–1882) и др. (Дьяков Н. Шейх Мухаммад Аййад ат-Тантави (1810–1861) – профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета // Россия и Арабский мир. К 200-летию профессора СПУ Шейха ат-Тантави. Материалы конференции. 2–3 ноября, 2010. СПбГУ, 2010. С. 12–22).

ковский, – живо отражающее его наблюдательную, отзывчивую ко всем явлениям натуру...». Тантави обстоятельно описал путешествие из Каира в Петербург, подробно говорил о своих впечатлениях о России и русских за десятилетнее пребывание здесь...»¹.

По словам И. Ю. Крачковского, описание путешествия египетского шейха Тантави в Россию, написанное около 1850 г., может занять особое место среди сказаний иностранцев о государстве Российском, «наряду с бытовыми подробностями, оно богато материалом для исторической топографии Петербурга»².

Еще одна видная фигура отечественной арабистики 2-й половины XIX в. – Федор Иванович Кельзи (1819–1912), уроженец сирийского города Алеппо, армяно-католик по вероисповеданию. В 1840-х гг. Ф. И. Кельзи переехал в Россию и с 1856 г. начал вести занятия по арабскому языку для студентов ФВЯ, где он служил в 1863–1881 гг. штатным преподавателем. «Русско-арабские общественные разговоры» (1868) Ф. И. Кельзи стали весьма популярным полезным пособием и не только у петербургских арабистов.

На смену Ф. И. Кельзи на ФВЯ Санкт-Петербургского университета в 1882 г. пришел еще один сириец, уроженец Дамаска, православный араб Фадлаллах Иванович Сарруф (1826–1903), с 1846 г. работавший в русской духовной миссии в Иерусалиме под руководством Порфирия Успенского и немало лично содействовавший укреплению связей русской миссии с представителями императора Абиссинии Федора, прибывшими в Иерусалим. В 1882–1903 гг. Ф. И. Сарруф преподавал на ФВЯ Петербургского университета, подготовив грамматику современного разговорного арабского языка, правда, так и не вышедшую в свет.

В 1904 г. Ф. И. Сарруфа сменил на ФВЯ его выпускник, уроженец ливанского Триполи А. Ф. Хашаб, преподававший в уни-

¹ Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. С. 104.

² Крачковский И. Ю. Очерки... С. 235.

верситете до 1919 г. и выпустивший в 1908 г. фототипические образцы арабских писем и документов, а также грамматику литературного арабского языка (1910)¹.

В Москве в последней трети XIX в. в течение почти тридцати лет вел преподавательскую деятельность Г. А. Муркос (1846–1911), учившийся сначала в греческой семинарии в Турции, а затем окончивший ФВЯ Петербургского университета. В 1906 г. он вернулся в Сирию, оставив заметный след в истории российской арабистики. Главным научным трудом его был перевод описания путешествия Макария Антиохийского в Московию при царе Алексее Михайловиче (XVII в.).

С 1873 г. в преподавании арабского языка Г. А. Муркосу помогал его младший товарищ М. О. Аттая (в Москве 1852–1924), также выходец из Дамаска, почти полвека сотрудничавший с московским Лазаревским институтом. Наряду с занятиями по арабскому языку М. О. Аттая вел курсы мусульманского права и истории арабской литературы. Его учебники, переводы, словарь пользовались популярностью не только среди его многочисленных учеников, но и у всех, кто интересовался в России арабским языком и культурой, в том числе и в послереволюционный период.

Иногда, нередко по политическим мотивам, в Россию прибывали арабские писатели и общественные деятели, также оставившие свой след в истории двусторонних культурных связей на рубеже XIX–XX вв.

И. Ю. Крачковский упоминает, в частности, сирийского поэта Ризкаллаха Хассуна (1825–1880), земляка Ф. И. Кельзи, проводившего несколько лет в Санкт-Петербурге и оставившего свои впечатления о России в ряде поэтических трудов.

В начале XX в. в Петербурге предпринял попытку издавать арабскую газету «ат-Тилмиз» («Учащийся») египетский литератор

¹ Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 244.

Мухаммед Талаат, выпустивший к тому же книгу своих впечатлений о России.

В 1905–1911 гг. в Полтаве обучался сиро-ливанский писатель Михаил Нуайме (1889–1988) – видный представитель новой арабской литературы 1-й половины XX в.¹

Михаил Нуайме
(1889–1988)

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 5

На фоне усиления политической и культурной роли Российской империи на Ближнем Востоке, расширения торгово-экономических и культурных контактов, более регулярного появления российских судов у берегов арабских стран на рубеже XIX–XX вв. деятельность Императорского православного палестинского общества (ИППО, 1882–1917 гг.) стала значительным шагом в утверждении российского присутствия в регионе. Следует обратить внимание на разностороннюю деятельность ИППО в Сирии и Палестине в рассматриваемый период.

Императорское русское православное палестинское общество в конце XIX – начале XX в. играло важную роль в развитии российско-арабских духовных и культурных контактов.

В 1847 г. Николай I направил в Иерусалим духовную миссию, которую до 1853 г. возглавлял епископ Порфирий Успенский (1804–1885). После Крымской войны Александр II назначил в Иерусалим своего консула «для покровительства и защиты наших богомольцев». В 1857 г. духовная миссия возобновила свою деятельность.

Планы Порфирия Успенского касались организации научных исследований, школьного дела, помощи местному населению в преодолении бедности и отсталости. В течение шести лет своего

¹ Крачковский И. Ю. Очерки... С. 197–198.

пребывания на Востоке архимандрит Порфирий не оставлял ученых занятий, постоянно совершая экскурсии по Сирии и Палестине и пополняя свою бесценную научную библиотеку, достигшую 7000 томов. В бытность свою на Востоке Порфирий изучал арабский язык с учителем из Дамаска Фадлаллахом Сарруфом.

В 1859 г. Александром II был учрежден Палестинский комитет. В мае 1859 г., в октябре 1872 г. и в 1881 г. члены царствующей семьи посещают Святую землю. Почти каждое из «августейших паломничеств» было связано тогда с задачами внешней политики, влекло за собой политические, экономические и гуманитарные последствия.

После своей поездки в Святую землю в 1872 г. великий князь Сергей Александрович подал мысль приобрести землю вблизи Иерусалима для учреждения Русского подворья, а также открыть особый Палестинский комитет для устройства в Иерусалиме русских странноприимных и богоугодных заведений.

В 1881 г. палестинские святыне посетили царские братья, и великий князь Сергей Александрович представил доклад, утвержденный императором Александром III, об учреждении Православного палестинского общества и назначении Сергея Александровича его председателем. Общество было открыто 21 мая 1882 г. В 1889 г. император взял его под свое покровительство, дав право называться Императорским. Вся царская семья записалась в него. С 1893 г. стали открываться отделения общества по епархиям. Устав общества был утвержден еще до его открытия 8 мая 1882 г. Общество должно было: а) собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока; б) оказывать пособие православным паломникам этих мест; в) учреждать школы, больницы и странноприимные дома, а также оказывать пособие местным жителям, церквам, монастырям и духовенству.

В 1903 г. в России действовало 41 отделение общества, в том числе Якутский, Тобольский, Енисейский, Олонецкий филиалы. Периодические издания общества были представлены следующими журналами: «Православный Палестинский сборник»

(1881–1914), «Сообщения Императорского Православного Палестинского общества (СИППО)» (1886–1916) и «Отчеты Православного Палестинского Общества» (1882–1888).

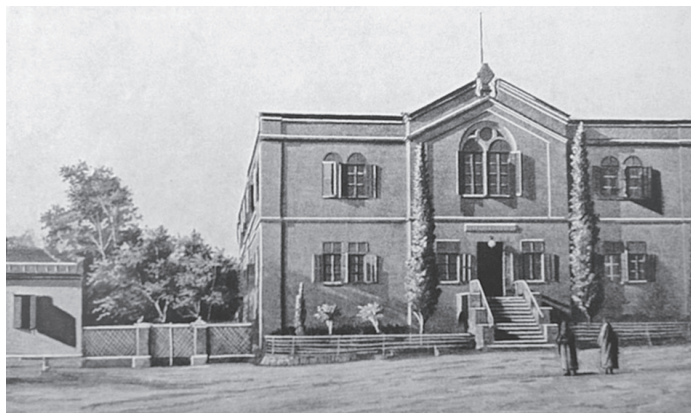
К концу XIX в. паломничество в Палестину становится массовым, в нем ежегодно участвовали 10–12 тыс. чел. В русских паломнических караванах преобладала беднота, в основном крестьяне. ИППО положило начало школьному паломничеству, полагая, что Восток вообще и Палестина в частности многое дадут для школьника-паломника «в смысле прояснения и фактического обновления его взглядов и воззрений по вопросам христианской веры и, по выражению А. А. Дмитриевского, «расширят его умственный и эстетический кругозор»¹.

Помимо заботы о русских паломниках, ИППО приняло на себя заботы о местных православных. Православное население жило в крайней бедности. В опубликованном в 1897 г. обзоре «Современное экономическое положение Сирии и Палестины» отмечалось, что «турецкая система управления подрывает благосостояние страны».

ИППО создало для православных начальные школы, а для малолетних детей при каждой школе учреждалось особое отделение. Школа была трехклассной, каждый класс – по два года. Обучение в семинарии также составляло три двухгодичных курса. Лучшие из окончивших получали преимущественное право на прием в учительскую семинарию.

В школах преподавались русский, арабский и турецкий языки, чистописание, Закон Божий, история, география, арифметика, геометрия, домоводство и огородничество, рукоделия, ремесла. Прогулки по Палестине знакомили учеников с жизнью простых людей, из которых они сами были выходцами.

¹ Цит. по: Сипенкова Т. М. Россия и арабский Восток // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб., 2011. С. 62–163.

*Больница Императорского православного
палестинского общества в Иерусалиме*

Сириец Юлиан Халеби, питомец Московского университета и Казанской духовной семинарии, объяснил узкоутилитарный подход населения тем, что «на первом плане у народа стоит вопрос о куске хлеба». Русские педагоги в учительских семинариях, отстаивавшие русские интересы, «пришли к совершенно верной мысли – поставить изучение русского языка на жизненно-практическую и более благодатную почву».

До Первой мировой войны ИППО открыло на Ближнем Востоке более ста двухклассных школ на селе и четырехклассных в городе, две учительских семинарии (мужскую и женскую), за четверть века выпустило более 10 тыс. учеников.

Большой заслугой ИППО было учреждение больниц в Иерусалиме, Бет-Джале, Назарете и Вифлееме. В периодических изданиях ИППО регулярно печатались отчеты об их работе, в том числе данные о заболеваемости и смертности среди русских паломников.

Среди материалов общества, посвященных местному нехристианскому населению, были публикации о еврейских колониях в Палестине, о вероучениях друзов, сведения о секте «нусайрийя» – «ансариев».

Силами ученых членов общества проводились археологические изыскания, естественно, в гораздо меньших масштабах, нежели щедро финансируемые работы западных ученых. До сих пор не теряет своего научного значения «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (СПб., 1904) Н. Н. Коковцова (1844–1929), который в 1881 г. посетил Синай, а в 1891 г. – Сирию и Палестину. В 1910 г. в инспекционной поездке принял участие И. Ю. Крачковский. Много лет спустя видное место в советской арабистике заняла воспитанница женской семинарии К. Оде-Васильева, писавшая в мемуарах, что она благодарна русскому народу, на чьи трудовые копейки она училась.

В 1915 г. с началом Первой мировой войной ИППО прекратило свою деятельность, все сотрудники уехали в Россию. После Февральской революции 1917 г. оно стало подразделением Академии наук, превратившись в академическое учреждение.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 6

В ходе обзора трудов русских путешественников, ученых, литераторов XIX – начала XX в. (К. М. Базили, В. П. Боткин, Д. В. Дашков, А. Н. Муравьев, К. А. Вяземский, А. В. Елисеев, В. Л. Кигн (Дедлов), Е. П. Ковалевский, А. Н. Куропаткин, А. С. Норов, А. А. Рафалович, Э. И. Эйхвальд, А. А. Адамов, И. А. Бунин, А. Белый и др.) следует показать разнообразие впечатлений представителей российской общественности о жизни арабских стран в рассматриваемый период.

В XIX – начале XX в. не иссякал поток русских путешественников на Восток. Среди них были ученые, литераторы и просто любопытствующие россияне.

В 1835 и 1861 гг. совершил поездки по Востоку Авраамий Семенович Норов (1795–1869), чье двухтомное «Путешествие по Святой земле» содержит обширный материал о жизни Египта в сложный период его истории.

Врач А. А. Рафалович (1816–1851), хорошо известный в России и за рубежом, объехал Турцию, Египет, Палестину, Сирию, Алжир и Тунис. В 1845 г. он отправился на Восток в составе экспедиции, занимавшейся изучением чумы. Для изучения Египта эпохи Мухаммеда Али его «Записки русского врача», а также «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты» (СПб., 1850) содержат богатый материал: природные условия и социальная жизнь, общественное здоровье (точнее, нездоровье), экономика, организация промышленности и многое другое.

Описание Египта эпохи Мухаммеда Али оставил А. Н. Муравьев (1806–1874) – чиновник военно-дипломатической службы, известный религиозный писатель, совершивший два путешествия на Ближний Восток (1828–1829 и 1849–1850); см. тж.: А. Н. Муравьев, «Путешествие по Святой земле в 1835 году» (М., 2008); «Письма с Востока в 1849–1850 гг.». Ч. 1–2. СПб., 1851; «Письма о магометанстве». СПб., 2003). Его сочинения – рассуждения духовного плана, которые, по словам И. Ю. Крачковского, «предвосхищают будущие настроения Казанской миссионерской школы исламоведения»¹.

Велико научное наследие врача А. В. Елисеева (1858–1895), дважды побывавшего в Палестине (1881, 1884 гг.) с целью изучения быта паломников. В 1886 г. он вновь прошел в Палестину через Малую Азию по древнему пути русских пилигримов.

Описание путешествий Елисеева по арабским странам Передней Азии и Северной Африки составило четыре тома и вышло в С.-Петербурге в 1893–1896 гг. под названием «По белу свету. Очерки и картины по трем частям Старого света».

Имя писателя Владимира Людвиговича Кигна (Дедлов, 1856–1908), к сожалению, затерялось в водовороте событий начала XX в. Выпускник юридического факультета Петербургского университета, В. Л. Кигн в 1888 г. издал книгу «Приключения и впе-

¹ Данциг Б. М. Очерки... С. 296–297.

чатления об Италии и Египте. Заметки о Турции». Эти записки Дедлова о Египте относятся к ноябрю 1886 – маю 1887 г.

Немалый интерес представляют наблюдения русского земского деятеля Е. Маркова, чья книга «Путешествие на Восток. Царьград и Архипелаг. В стране фараонов» вышла в Санкт-Петербурге в 1890 г. Как и другие авторы, он отмечает дружелюбное отношение египтян к русским: «Ненависть к Англии сделала из египтян сердечных друзей России, как я не раз имел случай заметить во время своего путешествия по Египту».

Одна из самых интересных книг о поездке на Ближний Восток – «Семь месяцев в Египте и Палестине. Очерки и впечатления» С. Фонвизина (СПб., 1910). Среди первых впечатлений его – книжный базар в Каире: «Большинство хозяев книжных лавок в то же время ученые, и их лавки служат местом собрания ученого сословия Каира... Больше всего изданий Корана, причем иностранцам их показывают неохотно». Колоритны и познавательны описания базаров (суданского, христианского, алжирского, тунисского).

Отдельной книги заслуживает «восточное» наследие И. А. Бунина. С 1903 по 1911 г. он предпринял несколько поездок на Восток. К поездке 1907 г. в Египет, Сирию и Палестину он готовился, изучая Библию, Коран, <...> а также труды по религиоведению, востоковедению, в частности, сочинения французского исследователя Масперо. «Коран в переводе Александра Николаева (московское издание 1901 г.) был для Ивана Алексеевича одной из насущных и постоянно читаемых книг... Исламские мотивы... слились в творчестве Бунина с мотивами библейскими и евангельскими...». В 1910 г. он посетил страны Магриба, в конце 1910 г. побывал в Бейруте, а в Египте провел полтора месяца¹. Ему были знакомы и мотивы бедуинской поэзии («Имр-уль-Кайс»),

¹ Синельников М. Элиф, Лам, Мим... // Незримое благословенье. Н. Новгород – Москва, 2010. С. 18–19.

настроения мусульман, которым «не нужны подачки англичан» («Потомки пророка»). В стихотворении «Зеленый стяг» слышны отголоски борьбы мусульман на раннем этапе истории ислама и в период, когда было написано стихотворение. «Стихи и проза Бунина, рожденные палестинскими впечатлениями, бесспорно, самое значительное после «Хождения Даниила», что написано о Святой земле в русской литературе»¹.

В 80-е гг. XX века были изданы материалы, относящиеся к пребыванию на Востоке поэта Андрея Белого, из Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ)². В 1911–1912 гг. вместе с женой поэт побывал в Тунисе, Египте, Палестине.

Арабский Магриб, «край золотого заката», не меньше привлекал представителей русской культуры как яркостью и разнообразием североафриканских пейзажей, так и экзотикой «мавританской культуры».

В 1847 г. Алжир посетил известный геолог и естествоиспытатель Э. И. Эйхвальд (1795–1871). Для востоковеда прежде всего интересны приводимые им сведения о культуре, хозяйстве и, конечно, социально-политической ситуации в Алжире в эти первые годы французской колонизации. Э. И. Эйхвальд был первым из русских путешественников, кто не просто застал в Алжире последний этап антифранцузского сопротивления под руководством эмира Абд аль-Кадира, но и попытался проанализировать ход военных действий и перспективы колонизации, сопоставляя при этом природные и этнокультурные условия в Северной Африке и на Северном Кавказе.

¹ Романов Б. Н. Звезда Ерусалима // Ветка Палестины. М., 1993. С. 94.

² А. Белый. Африка ждет меня... / Из «Африканского дневника» Андрея Белого / Публикация С. Д. Воронина. – в сб.: Встречи с прошлым. Выпуск 5. М., 1984. С. 150–159. Далее: А. Белый. Африка ждет меня; Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого. Вступит. ст., публ., коммент. Н. В. Контрелева // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. Далее: А. Белый. Письма.

В 1846–1848 гг. в Турции, Сирии и на севере Африки с целью изучения эпидемий чумы и холеры побывал преподаватель судебной медицины одесского Ришельевского лицея доктор А. А. Рафалович. По словам И. Ю. Крачковского, «он считал необходимым прежде всего ознакомиться с арабским языком, знание которого позволило ему сообщить ряд ценных материалов – этнографических, бытовых и даже филологических, вплоть до деталей о египетском разговорном диалекте»¹. После Египта А. А. Рафалович отправился в Магриб. Его пребывание в Алжире пришлось на период подъема массовой европейской колонизации, последовавшего за капитуляцией Абд аль-Кадира, руководившего антифранцузским сопротивлением в 1832–1847 гг.

Яркий пример «колониально-аналитической» литературы дает вышедшая в 1849 г. книга военного историка полковника М. Н. Богдановича. Основанная на широком круге западных публикаций и документов, эта работа фактически открыла «более или менее непрерывную алжироведческую традицию в России»².

Книга русского путешественника-офицера – капитана генерального штаба А. Н. Куропаткина (1848–1925), посетившего Алжир в 1874 г., а впоследствии ставшего военным министром России, выходит за рамки военно-прикладного страноведческого исследования. Первая часть ее представляет собой добротный «военно-исторический обзор» с анализом географического положения, состава населения, хода французского завоевания, военно-административного устройства и, наконец, социально-экономического развития Алжира в начале режима Третьей республики (1870–1940).

¹ Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 119.

² Богданович М. Н. Алжирия в новейшее время. СПб., 1849; Кукуян В. Г. История изучения социально-экономического и политического развития Алжира в России и в СССР. Автореф. дисс. на соискание ученой степени к. и. н. М., ИСАА при МГУ, 1990. С. 13–14.

Большой интерес как в России, так и в Европе вызвала изданная в Париже в 1880 г. книга писем о поездке в Испанию, Алжир и Тунис русского путешественника, геолога и географа П. А. Чихачева (1808–1890)¹. Изданные сначала на французском языке работы П. А. Чихачева, посвященные Магрибу, в частности Алжиру, получили там известность раньше, чем в самой России.

Не менее любопытны путевые заметки уже упоминавшегося доктора А. В. Елисеева о поездке по востоку Алжира – в аль-Кантару, Бискру и др. Автор поражается «колоссальностью работ» колонистов, трудом которых за полвека французского присутствия была значительно преобразована земля, леса и дороги Алжира.

К началу XX в. Алжир посещали уже сотни россиян: моряки и офицеры, ученые и путешественники, врачи, художники, журналисты и литераторы, оставившие многочисленные, как правило, доброжелательные отзывы об этой стране и ее народе.

На фоне возраставшей конфронтации в Средиземноморье и на Ближнем Востоке после подписания в мае 1882 г. договора о «Тройственном союзе» Германии, Австро-Венгрии и Италии, Россия на пороге XX в. постепенно двигалась к союзу с Францией и Англией, заключившими в апреле 1904 г. в Лондоне договор о «сердечном согласии» – Антанте. Завершался раздел державами Северной Африки. Наряду с Алжиром Тунис с 1883 г. на десятилетия стал частью французского Магриба, а в годы Первой мировой войны – одним из главных опорных пунктов Антанты в центральном Средиземноморье.

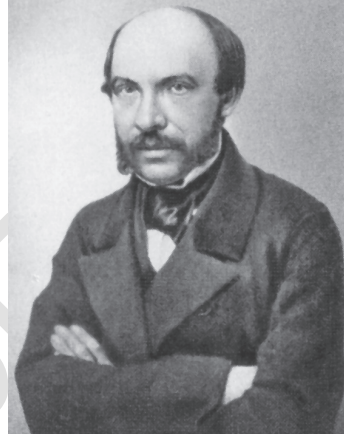
В 1873–1874 гг. Тунис посетил исследователь Африки В. В. Юнкер (1840–1892). В 1875 г. он побывал в Ливийской пустыне, оставив заметки о жизни местных бедуинов и обитателей сахарских оазисов². В 1875 г. в Тунисе побывал путешественник Л. Ф. Костенко (1841–1891), опубликовавший в 1880 г. геогра-

¹ *Tchihatchef P. Espagne, Algérie et Tunisie. Paris, 1880.*

² *См. Dr. W. Junkers Reisen in Afrika. 1875–1886. Wien, 1886.*

фические и этнографические наблюдения об этой стране в книге «Путешествие в Северную Африку».

Культурные контакты между Россией и Марокко получают в основном развитие с середины XIX в. Помимо традиционных встреч мусульман России и Марокко у святынь Аравии в ходе паломничества-хаджа, связи в духовной сфере были отмечены в рассматриваемый период нередкими визитами российских путешественников – журналистов, ученых, врачей, офицеров и т. д., – прибывавших в Марокко целенаправленно либо проездом, с нередким заходом в Танжер – крупнейший порт, известный к тому же как «северная невеста» шерифского королевства.

В. П. Боткин
(1811–1869)

Одним из первых в XIX в. посетил Марокко и опубликовал яркий очерк о Танжере, быте и нравах его жителей, вошедший в «Письма об Испании», известный философ и литератор В. П. Боткин (1811–1869) – брат выдающегося русского врача, посетивший Марокко в 1845 г. Напечатанные вначале на страницах «Современника», «Письма» В. П. Боткина вызвали восторг лучших представителей русской словесности того времени – Гоголя, Тургенева, Анненкова, Фета и т. д.

В декабре 1881 г. в Марокко прибыл член Русского географического общества К. А. Вяземский, известный многочисленными путешествиями по Центральной и Восточной Азии, а также Ближнему Востоку и Северной Африке. Добравшись от Танжера до Марракеша, где ему и его супруге был оказан высочайший прием самим султаном Мулай Хасаном (Мюле Гасаном, как называет его русский путешественник), К. А. Вяземский описы-

вает далее свои встречи с «великим визирем» и другими сановниками марокканского правительства, а также с находившимися на службе султана офицерами из Франции и Англии. На вопрос К. А. Вяземского, чем вызвано столь высокое внимание к его персоне – к обычному частному путешественнику, офицер-француз ответил, что «султан вообще рад видеть русского в своей стране, так как еще ни одного никогда не видел и в особенности теперь к русским благоволит по случаю победы над султаном турецким, считаемым всеми западными арабами за узурпатора, ибо, не быв потомком Магомета, он присваивает себе верховные права ислама». «Мароккский же султан, – продолжал К. А. Вяземский, – числится прямым наследником Магомета и потому долженствовал бы первенствовать у мусульман»¹.

Дважды смог побывать в Марокко, при султанах Мулай Хасане (1873–1894) и Мулай Абд аль-Азизе (1894–1908), русский журналист В. И. Немирович-Данченко (1848–1936), брат известного театрального деятеля. Свои впечатления о посещении Танжера, Тетуана, Феса, Мекнеса, Рабата, Тафилальта и т. д. он впервые опубликовал в сборнике «Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания» (СПб., 1896) и впоследствии не раз возвращался к североафриканским наблюдениям на страницах ряда книг, которые продолжал издавать и после вынужденной эмиграции в 1921 г.²

Поездки, подобные тем, что предприняли с середины XIX в. В. П. Боткин, А. Сумароков, К. А. Вяземский, В. И. Немирович-Данченко и другие деятели русской культуры, способствовали росту взаимного интереса друг к другу в России и Марокко, их дальнейшему сближению и принятию, наконец, давно назревшего политического решения об установлении между обеими странами дипломатических отношений.

¹ К. А. Вяземский. Путешествие в Марокко. Ученый Архив РГО. Разряд 98. Рукописи трудов членов Географического общества. Оп. 1, 16.16.

² См. подробнее: Мусатова Т. Л. Указ. соч. С. 142–150.

Последние десятилетия XIX века дали русской науке немало новых работ, посвященных Магрибу. Это были по-прежнему труды, основанные прежде всего на личных путевых наблюдениях. Существенно расширился круг путешественников, к которым наряду с врачами и дипломатами прибавились известные ученые и писатели, поэты и художники, составлявшие цвет российской культуры на рубеже XIX–XX вв.

Коллизии европейской политики начала XX в. пока не оказывали существенного влияния на развитие прямых культурных контактов между Россией и странами Магриба. Широкую известность в эти годы у нас в стране получили, например, посвященные Магрибу рисунки выпускника Академии художеств В. И. Якоби (1834–1902).

В период с 1907 по 1911 г. в Магрибе неоднократно бывал путешественник из Петербурга А. И. Дмитриев, книга которого была издана уже в 1917 г. Любопытно, что в его дневниках упоминалось и о работе в Магрибе выдающегося отечественного живописца

К. С. Петров-Водкин. Город Константина. Алжир. 1907

К. С. Петрова-Водкина (1878–1939), в 1900-х гг. много путешествовавшего по Европе и Северной Африке. А. И. Дмитриев сообщает, в частности, что рисунки и эскизы, выполненные К. С. Петровым-Водкиным в Алжире (в Константине и Бискре) были помещены в ежегоднике Общества архитектуру-художников¹.

В качестве базовой литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие работы:

Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925; Соч. Т. 9. М., 1977.

Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978.

Вяземский К. А. Путешествие в Марокко. Ученый Архив РГО. Разряд 98. Рукописи трудов членов Географического общества. Оп. 1, 16.16.

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973.

Данциг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.

Дмитриевский А. А. Деятели Русской Палестины. М., 2010.

Дьяков Н. Н. Александрия Египетская в отечественной историографии и материалах Русского Географического общества 2-й пол. XIX в. // Актуальные проблемы мировой политики. Восток в мировой политике. Вып. 4. СПб. 2009.

Дьяков Н. Н. А. К. Казембек и преподавание истории Востока в Санкт-Петербургском ун-те. (К 150-летию кафедры истории Востока) // Наследие Мирзы Казем-Бека: история и современность. Доклады и сообщения междун. научная конферен-

¹ *Дмитриев А. И.* Из поездки в Северную Африку. Пг., 1917. С. 46. См. тж.: *Данциг Б. М.* Ближний Восток. М., 1976. С. 310.

- ция. Казань. 20–21 ноября 2015. Казань–СПб.–Баку: Фолиант. 2015. С. 71–86.
- Дьяков Н. Н.* Шейх Мухаммад Айяд ат-Тантави (1810–1861) – профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета // Россия и Арабский мир. К 200-летию профессора СПУ Шейха ат-Тантави. Материалы конференции. 2–3 ноября, 2010. СПбГУ, 2010.
- Дьяков Н. Н.* Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время // Россия и Восток. Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова и Н. А. Самойлова. СПб., НП-Принт, 2011.
- Дьяков Н. Н.* Тарикаты арабского Магриба и Северного Кавказа в эпоху европейской колонизации // Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время. СПб., 1994.
- Елисеев А. В.* Путь к Синаю в 1881 году. СПб., 1883.
- Куропаткин А. Н.* Алжирия. СПб., 1877.
- Немирович-Данченко В. И.* Базар в Танжере // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. С. 22–27.
- Немирович-Данченко В. И.* Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания. СПб., 1896.
- Россия и Восток* / под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб., 2000.
- Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время* / под ред. Н. Н. Дьякова, Н. А. Самойлова. СПб., 2011.
- Святые места вблизи и издали.* Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX в. М., 1995.
- Сипенкова Т. М.* Россия и арабский Восток // Россия и Восток / под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб., 2000.
- Смилянская И. М.* Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. Вып. 5. 1995.
- Чихачев П. А.* Испания, Алжир и Тунис. М., 1975.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ – 7

На примере развития двусторонних российско-марокканских политических и культурных контактов в Новое время преподавателю следует рассказать об историческом первом опыте развития двусторонних отношений между Россией и суверенным арабским государством (1778–1898 гг.).

После столь быстро обозначившегося в последней четверти XVIII в. по инициативе правящих монархов, Екатерины Великой и Мулай Мухаммада б. Абдаллаха, сближения между Россией и Марокко решение вопроса об установлении дипломатических отношений затягивалось и встало в реальную плоскость лишь в 30-х гг. XIX в.

Ситуация меняется после победы России в войне с Турцией 1877–1878 гг. и активизации колониальной политики Англии в Египте, а Франции – в Тунисе в 1881–1883 гг. Существенно изменился и расклад сил в Средиземноморье. Возросла активность России в регионе, в т. ч. у берегов Северной Африки.

На пороге 80-х гг. XIX в. резко обостряется так называемый «марокканский вопрос». Вслед за Францией и Испанией, добившимися от султана Марокко капитуляционных прав еще в 1767 г., к освоению этой последней сохранявшей свой суверенитет североафриканской страны устремились и другие державы.

Для урегулирования противоречий по «марокканскому вопросу» в 1880 г. была созвана Мадридская конференция с участием Франции, Испании, Англии, Германии и других заинтересованных держав. В ответ на приглашение испанского премьера российский посланник в Мадриде М. А. Горчаков заявил, что Россия не имеет особых интересов в Марокко.

Конференция, завершившаяся 3 июля 1880 г., приняла Мадридскую конвенцию о режиме капитуляций в Марокко, провозгласившую равенство прав иностранных держав и подписанную 14 государствами – участниками встречи, включая Францию,

в Марокко. Россия в 1881 г. присоединилась к конвенции, приняв все права, распространявшиеся на ее участников. Присоединение России к Мадридской конвенции в Марокко восприняли как акт признания его суверенитета¹.

В то же время Мадридская конвенция способствовала развитию официальных контактов между Россией и Марокко, султан которого Мулай Хасан (1873–1894) высказывал пожелание, чтобы российский представитель был направлен в Танжер.

На рубеже XIX–XX вв. Марокко стало одной из главных целей соперничества западных держав за влияние в Африке. Выгодное геополитическое положение привлекло к нему внимание не только ближайших европейских соседей – Испании и Франции, но и непревзойденного авторитета «Восточной политики» – Великобритании, а также недавно вступившей на колониальный рынок кайзеровской Германии.

Отказ России от прямого колониального вмешательства в дела Африки, включая страны, номинально подчинявшиеся Порте – Египет и Тунис, ставило российскую дипломатию в выгодные условия: Россия не участвовала в колониальном разделе Африки, что укрепляло ее позиции в глазах местных правителей. Россия выступила за сохранение целостности и самостоятельности Марокко, чем заслужила высокую оценку и признательность как шерифского правительства-*махзена*, так и широкой марокканской общественности. В этот период подобная политика России стала в значительной мере стабилизирующим фактором в этой части Старого Света².

М. А. Горчаков в марте 1894 г. писал министру иностранных дел: «Марокко призвано представлять собою часть восточного вопроса», и для усиления роли, «которая принадлежит нам в Сре-

¹ Дмитриев А. И. Из поездки в Северную Африку. Пг., 1917. С. 46. См. тж.: Данциг Б. М. Ближний Восток. М., 1976. С. 7.

² Подгорнова Н. П. Указ. соч. С. 4–5.

диземном море» абсолютно необходимо «наше прямое и эффективное представительство в Марокко...».

В условиях обострения «марокканского вопроса» 20 октября 1897 г. Государственный Совет Российской империи принял решение учредить российское консульство в Танжере и назначил министром-резидентом Василия Романовича Бахерахта (1851–1916), долгое время работавшего до того в российских представительствах в Швейцарии, Германии, Италии, Бельгии, Португалии. Это решение получило высочайшее утверждение Николая II, и в декабре 1897 г. первым генеральным консулом России в Марокко был назначен В. Р. Бахерахт. Министерство иностранных дел инструк-

тировало его о приоритетах политики в Марокко, подчеркивая отсутствие у России каких-либо захватнических интересов в отношении этой страны.

Открытие российского генерального консульства в Танжере в 1898 г. совпало с новым обострением соперничества держав за влияние в Магрибе и на Ближнем Востоке, в котором теперь все более активное участие принимала Германия. Как и его более опытные конкуренты в колониальной гонке, Берлин стремился наверстать упущенное, направляя свои канонерки к Северной Африке и Передней Азии, создавая сеть морских баз и угольных станций для обслуживания своего набиравшего мощь флота.

*Султан Марокко Мулай
Абд аль-Азиз (1895–1907)
в форме генерала русской армии*

Двусторонние российско-марокканские отношения получили развитие в этот самый сложный период мировой истории. В июле 1901 г. в Санкт-Петербург прибыло чрезвычайное посольство марокканского султана во главе с министром иностранных дел Сид Абд аль-Каримом Бен Слиманом. Во время аудиенции, устроенной Николаем II в Большом Петергофском дворце, Бен Слиман вручил личное послание султана Мулай Абд аль-Азиза русскому императору – «блистательному и возвышенному величеству царственной империи, главной жемчужине в короне его славных предков...»¹

В своем ответном письме султану Марокко Николай II писал: «Мы усмотрели в решении отправить означенную первую официальную миссию в Россию новый залог искреннего желания Вашего Величества еще теснее закрепить дружественные отношения, столь счастливо установившиеся между империями Нашими, особенно со времени учреждения дипломатического представительства Нашего в Марокко...»²

Начало XX в. несло новые суровые испытания как для России, так и для Марокко, других стран Магриба, да и для всего Старого Света. В первые же годы нового столетия «марокканский вопрос», а точнее, «марокканский кризис», вызванный новым всплеском противоборства держав у границ Марокко, оказался в фокусе мировой политики.

В 1905 г. разгорелся первый марокканский кризис. Стремясь завершить присоединение Магриба к своим колониальным владениям, Франция предприняла новые шаги для завоевания Марокко. В первые годы XX в. французские войска выдвинулись из Алжира и заняли ряд приграничных территорий Марокко,

¹ Подгорнова Н. П. Указ. соч. С. 256. В числе даров Мулай Абд аль-Азиза российскому императору в Петербург были доставлены «десять лошадей арабской породы». Сам чрезвычайный посол султана Марокко лично пожертвовал городскому голове Санкт-Петербурга 2500 фр. «для раздачи неимущему населению города». (Там же, с. 260–276).

² Цит. по: Мусатова Т. Л. Указ. соч. С. 140.

включая оазис Колон-Бешар (1902). Во избежание противодействия со стороны держав, в первую очередь Англии, Франция пошла на заключение ряда соглашений (с Италией – 1900, Испанией – 1904). В подписанном в апреле 1904 г. в Лондоне договоре о «сердечном согласии», «Антанте», Франция обещала «не чинить препятствий действиям Англии в Египте», добившись от Великобритании признания ее права «наблюдать за спокойствием этой страны и оказывать ей помощь во всех реформах: административных, экономических, финансовых и военных...»¹

Германия выступила за созыв международной конференции по Марокко. В январе 1906 г. на юге Испании, в Альхесирасе, собрались представители 10 ведущих европейских держав, а также России, Соединенных Штатов и Марокко. Принятый в итоге Генеральный акт Альхесирасской конференции признал особые интересы Испании и Франции в Марокко и означал крах германской стратегии.

Россия в этих условиях принимает решение о преобразовании своего генерального консульства в полномочную дипломатическую миссию. В продолжавшемся франко-германском противостоянии Россия поддержала Францию, реорганизовав в мае 1910 г. генконсульство в Танжере в дипломатическую миссию².

В декабре 1912 г., с учетом новой международной обстановки, Россия пошла на передачу своих консульских полномочий в Марокко, «соответственно по зонам, во французские и испанские консульские учреждения...». В феврале 1913 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов уведомил Париж об упразднении, «ввиду объявления Марокко под французским протекторатом, российской миссии в названной стране с учреждением взамен этой миссии российского генерального консульства...»³

Накануне Первой мировой войны, в феврале 1914 г., высочайшим

¹ Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 258.

² Подгорнова Н. П. Указ. соч. С. 14.

³ Там же. С. 473.

указом было объявлено об отказе России от режима капитуляций в Марокко¹.

В качестве базовой научной литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

Вяземский К. А. Путешествие в Марокко. Ученый Архив РГО. Разряд 98. Рукописи трудов членов Географического общества. Оп. 1, 16.16.

Гессе А. По югу Алжирии // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911.

Даницг Б. М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Ближний Восток. М., 1976.

Дьяков Н. Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время // Россия и Восток. Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова, Н. А. Самойлова. СПб.: НП-Принт, 2011.

Дьяков Н. Н. Магриб, Машрик, Россия. Материалы по историографии и истории арабского мира. СПб., 2014.

Куропаткин А. Н. Алжирия. СПб., 1877.

Мусатова Т. Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990.

Немирович-Данченко В. И. Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания. СПб., 1896.

Панова М. А. Русские в Тунисе. М., 2008.

Подгорнова Н. П. (автор и составитель). Россия и Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. М., 1999.

¹ «...Государю императору, по всеподданнейшему докладу министра иностранных дел, <...> всемилостивейшее благоугодно было соизволить на обмен с французским правительством деклараций об отмене в французской зоне Марокко режима капитуляций и о распространении на сию зону всякого рода договоров и конвенций, действующих между Россией и Францией...» (там же. С. 522).

Чихачев П. А. Испания, Алжир и Тунис. М., 1975.
Эйхвальд Э. И. Отрывки из путешествия в Алжир. 1847.

Российско-арабские отношения в Новейшее время

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 8

С привлечением соответствующего учебно-методического материала, исторических документов и исследований отечественных и зарубежных ученых преподаватель должен осветить основные этапы и особенности эволюции российско-арабских отношений в Новейшее время.

Советско-арабские связи в 1917–1939 гг. Крах «классических империй» Старого Света в результате Первой мировой войны и перестройка системы отношений на Ближнем Востоке в XX в.

Отношения между Россией и Арабским миром в XX в. прошли сложный путь. К началу XX в. в результате последней большой русско-турецкой войны (1877–1878) Россия существенно укрепила свои позиции на Балканах и в Передней Азии, в первую очередь в Сирии и Палестине, но также в Египте и Аравии, что имело особое значение в условиях усилившегося колониального соперничества европейских держав (Великобритании, Франции, Германии, Италии) за влияние в арабских владениях Османской империи накануне Первой мировой войны.

Первая мировая война привела к краху «классических империй» Старого Света, вызвав после 1918 г. коренную перестройку всей системы отношений на Ближнем Востоке.

«Декларация А. Бальфура» (1917) о готовности Великобритании поддержать создание «еврейского национального очага» в Палестине, обращение Советов «К трудящимся мусульманам России и Востока» – «Письмо Ленина к арабам» (1917) о поддержке освободительных движений народов Востока, меморандум

президента США В. Вильсона (1918) с признанием права народов на самоопределение всколыхнули ближневосточную общественность, вызвав подъем национально-освободительных и протестных выступлений в разных слоях арабского общества.

Державы-победители, бывшие союзники России по Антанте, приступили к давно запланированному переделу «Османского наследства», приняв в 1920 г. утвержденный Лигой Наций режим мандатов для более плотного колониального контроля над стратегически важными территориями Передней Азии и Северной Африки. Англия и Франция при этом продолжали сохранять в регионе и обширные «старые» колонии: от Магриба до Южной и Восточной Аравии.

1920-е гг. – время активной поддержки освободительных движений в Азии и Африке со стороны СССР и Коминтерна. Москва поддержала антиколониальные выступления арабов в Ираке, Сирии, Египте, Ливии, Алжире, Тунисе и Марокко.

Еще в период гражданской войны Советская Россия подписала ряд соглашений с Турцией, Ираном, Афганистаном (1920–1921). СССР выступил затем в поддержку антиколониальных выступлений в Ираке, Сирии, Египте, Ливии, Алжире, Марокко и т. д.

16 февраля 1926 г. СССР официально признал Королевство Неджда, Хиджаза и присоединенных территорий (с 1932 – КСА); в ноябре 1928 был подписан советско-йеменский Договор о дружбе и торговле (продлен в 1938 г.).

Накануне Второй мировой войны отношения Москвы с арабскими и исламскими странами заметно ослабли в связи с начавшимся в СССР преследованием религиозных и национальных лидеров, а также под влиянием германской пропаганды, активно призывавшей мусульман поддержать державы «оси» в их борьбе против союзников, «за освобождение мира ислама» от колониального гнета Лондона и Парижа.

Начало Второй мировой войны не принесло существенных перемен в развитии советско-арабских отношений. Арабские

*Саудовский принц Фейсал ибн Абд аль-Азиз
во время визита в Москву. 1932 г.*

страны, находившиеся под колониальным контролем Франции, после ее капитуляции оказались в ведении режима Виши и германо-итальянских комиссий.

Преподаватель должен показать с использованием широкого учебно-методического и вспомогательного иллюстративного материала, что именно значительные военные успехи антигитлеровской коалиции привели к решающему перелому в ходе Второй мировой войны, что сопровождалось расширением связей между СССР и Арабским миром. В 1943 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Египтом, в июле 1944 г. – между СССР и Сирией, в августе 1944 г. – с Ливаном и Ираком.

Советско-арабские отношения после Второй мировой войны. Победа союзников сопровождалась новым подъемом антиколониальных выступлений в Арабском мире. При поддержке держав-победительниц уже добившиеся независимости арабские

страны в марте 1945 г. на конференции в Каире приняли решение о создании Лиги арабских государств (ЛАГ).

В феврале 1946 г. СССР применил в ООН право вето при голосовании резолюции о длительном сохранении оккупационного режима в Ливане и Сирии.

Важный этап в развитии советско-арабских отношений открылся вследствие образования государства Израиль (1948) и роста борьбы палестинцев за свои права.

Москва оказала существенную поддержку борьбе арабов за национальную и политическую независимость в середине XX в. (Алжир, Тунис, Марокко, Египет, а также Судан, Ирак, Ливия, Йемен, Кувейт, Оман и др.).

В разгар «холодной войны» арабский Восток был расколот на зоны влияния. Часть арабских стран избрали курс антизападной, социалистической ориентации, расширяя сотрудничество с СССР и странами «восточного блока».

В этот же период получает дальнейшее развитие советско-арабское сотрудничество в военно-политической, торгово-экономической и культурной областях. Основные стратегические партнеры СССР в арабском мире в 1960–1980-е гг. это Египет, Сирия, Ирак, Йемен, Алжир, Судан, Ливия и т. д. С 14 арабскими государствами были заключены договоры о всестороннем сотрудничестве. С теми же странами, с которыми СССР не имел тогда дипломатических отношений (Бахрейн, Катар, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), он вел торговлю в форме разовых сделок, через фирмы третьих стран или через частных посредников.

Послевоенные десятилетия ознаменованы существенным ростом объема советско-арабской торговли (в 1961–1990 гг. – в 10,6 раза). 1970–1980-е гг. отмечены дальнейшей диверсификацией структуры экспорта и импорта советско-арабской торговли. Расширяются поставки технического оборудования (рост экспорта машин из СССР в арабские страны в 1961–1991 почти в 9 раз). Главными покупателями-потребителями советской про-

*Ю. А. Гагарин на трибуне
с Г. А. Насером и М. А. Садатом
во время визита в ОАР в 1962 г.*

дукции становятся Алжир, Египет, Ирак, ЙАР, Ливия, НДРЙ, Сирия, Тунис, на которые в 1990 г. приходилось до 94% экспорта советского оборудования в арабские страны. Вплоть до 1990-х гг. в советском импорте из арабских стран преобладали традиционные товары (нефть, сырье, продовольствие).

В целом негативное влияние на развитие отношений СССР со странами

мусульманского Востока оказал ввод советского «ограниченного контингента» в Афганистан в декабре 1979 г. Начавшаяся затем «перестройка» сопровождалась реструктуризацией и в конечном итоге трансформацией в конце XX века отношений партнерства постсоветской России с арабским миром «от мессианства к прагматизму».

В качестве основной литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

Васильев А. М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993.

Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 – конец XX века). М., 1999.

Жерлицына Н. А. Российско-тунисские отношения. 1780–1991. М., 2014.

История Востока. Восток в новейшее время. Т. 5. М., 2006.

История Востока. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в.). Т. 4. М., 2005.

- История Востока. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). Т. 5.* М., 2006.
- История отечественного востоковедения с сер. XIX века до 1917 года.* М., 1997.
- Ланда Р. Г. История Алжира. XX век.* М., 1999.
- Левин З. И. Развитие арабской общественной мысли. 1917–1945.* М., 1979.
- Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца.* М., 1980.
- Милославский Г. В. Интеграционные процессы в арабском мире.* М., 1991.
- Мусатова Т. Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое.* М., 1990.
- Новейшая история арабских стран Азии.* М., 1988.
- Новейшая история арабских стран Африки.* М., 1990.
- Сергеев М. С. История Марокко. XX век.* М., 2001.

Российская Федерация и Арабский мир на современном этапе

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ – 9

Современный этап в развитии российско-арабских отношений должен быть представлен в ходе лекционных и семинарских занятий как качественно новый период в истории двусторонних связей. Одновременно, привлекая разноплановый учебно-методический и научный материал, преподаватель должен показать аудитории преемственность двусторонних связей и перспективы развития российско-арабских отношений в современных условиях.

Распад СССР и ослабление стратегического российско-арабского сотрудничества в 1990-е гг. Развитие прямых «взаимовыгодных двусторонних контактов» между РФ, ее регионами и предприятиями с арабскими странами.

Роль СССР/РФ в ближневосточном урегулировании (БВУ). РФ как участник международного «квартета» по БВУ. Разработка американской концепции «Большого Ближнего Востока» (ББВ) и «перекройка» Государственным департаментом США в начале XXI в. карты мусульманского Востока с выделением зон «напряженности» / «угрозы» для стратегических интересов США и их союзников: 1) собственно Ближний Восток: АРЕ, Сирия, Ирак, Израиль, Палестинская автономия, Иордания, Ливан; 2) «Большой Магриб»: Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Мавритания; 3) арабские страны Персидского залива: КСА, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Оман; 4) Средний Восток: Иран, Афганистан, Турция, а также Южная Азия (Пакистан, Индия, Бангладеш).

Курс на «возвращение России» на Ближний Восток на пороге XXI в. Главные векторы «арабской политики» РФ в новом столетии: развитие двусторонних связей с Египтом, Сирией, Ираком (до и после американского вторжения), со странами Магриба (Алжир, Марокко, Тунис, Ливия), с государствами Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ и т. д.).

Значение сотрудничества в сфере экономики, культуры, обеспечения безопасности в регионе БВ. Активизация «исламского направления» с приходом администрации В. В. Путина (2000). Векторы новой восточной политики РФ, стремление В. В. Путина упрочить консолидацию народов РФ после кризиса на Северном Кавказе в конце XX в. Заявление В. В. Путина о намерении РФ вступить в ОИК на правах наблюдателя (Малайзия, август 2003), участие РФ в деятельности ОИК/ОИС.

Переговоры, официальные визиты, в т. ч. Президента РФ В. В. Путина на Ближний Восток (Египет, Палестина, Израиль – 2005); в Алжир (март 2006 – 1-й официальный визит Президента РФ в АНДР); Марокко (сентябрь 2006); КСА, Катар, Иордания (январь 2007); Иран (октябрь 2007); Ливия (апрель 2008); Израиль, ПНА, Иордания (июнь 2012). Визиты президента Д. А. Мед-

ведева в Сирию (май 2010); АНДР (октябрь 2010); Палестину, Иорданию (январь 2011).

Официальные визиты руководителей арабских стран (Египет, Сирия, Иордания, Марокко, Саудовская Аравия и др.) в Москву в 2000-е гг.

Развитие кризисных явлений и конфликты в арабском мире: «Арабская весна», ее последствия и влияние на российско-арабские отношения на пороге 2-го десятилетия XXI века. Позиция РФ в урегулировании кризиса в Египте, Ливии, Сирии, Ираке, Йемене, других арабских странах. Переговоры руководства МИД и Правительства РФ по ближневосточному урегулированию (БВУ).

Отмечая особенности развития политического и торгово-экономического сотрудничества РФ с арабскими странами Ближнего Востока и Северной Африки в начале XXI в., преподаватель на основе методического материала и публикаций в периодических изданиях отечественных и зарубежных авторов должен проследить основные черты и актуальные проблемы эволюции российско-арабских связей на современном этапе.

В качестве базовой литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие работы:

Васильев А. М., Петров Н. И. Рецепты арабской весны. Русская версия. М., 2012.

Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008.

Дьяков Н. Н. Междуречье в эпицентре политических бурь начала XXI в. К 10-летию агрессии против Ирака // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки / отв. ред. В. Н. Колотов. СПбГУ, 2013. С. 433–450.

- Дьяков Н. Н.* Россия и Марокко: основные этапы и черты эволюции двусторонних связей в XX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение, африканистика. Вып. 4. 2013. С. 3–11.
- Исламские радикальные движения на политической карте современного мира* / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М., 2015.
- Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007.
- Мелкумян Е. С.* Саудовско-российские отношения в контексте глобальных изменений в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». №1 (6). М., 2006.
- Милославский Г. В.* Интеграционные процессы в арабском мире. М., 1991.
- Наумкин В. В.* Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. М., 2013.
- Поляков К. И.* Арабский Восток и Россия. Проблема исламского фундаментализма. М., 2014.
- Подгорнова Н. П.* «Арабская весна» в странах Магриба. М., 2014.
- Примаков Е. М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (2-я половина XX – начало XXI века). М., 2012.
- Российско-египетские отношения* (справочная информация). МИД РФ. Деп. информации и печати. 12.03.2009.
- Россия и Большой Ближний Восток.* Российский совет по международным делам. № 9. М., 2013.

Часть II

РОССИЯ И ТУРЦИЯ

СПбГУ

Слбгу

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 10

При рассмотрении истории русско-турецких отношений московского и имперского периодов российской истории преподавателю следует: 1) ввести эту тему в мировой исторический, культурный и географический контексты; 2) показать необходимость изучения этой темы для адекватного понимания современной политической ситуации на Ближнем Востоке; 3) продемонстрировать возможности применения цивилизационного подхода в изучении означенных проблем.

Для достижения этих целей необходимо сделать следующие вводные замечания. До XX в. и в Западной Европе, и в России в дипломатической практике в ходу был термин «Ближний Восток», под которым понимались тогда все территории, входившие в состав Османской империи, в том числе Балканы. В XX в. в англо-саксонском геополитическом дискурсе появляется понятие «Средний Восток» (территории от Ирана, иногда Турции, вплоть до Индии), которое затем претерпевает ряд трансформаций и в начале XXI в. заменяется термином «Большой Ближний Восток», обнимающим собою почти весь исламский мир за исключением мусульманских стран ЮВА. Таким образом, для эпохи Нового времени термин «Ближний Восток» (в его основных географических, историко-культурных и политических компонентах) практически является синонимом Османской империи.

События конца XX – начала XXI в., а именно распад Советского Союза, развал Югославии, фактическое раздробление Ирака

и Грузии, «арабская весна» и пр. создали зону относительной неустойчивости по всему периметру границ Турецкой Республики. Приход к власти в Турции «умеренных исламистов» в 2002 г. положил начало отходу от прежних идеологических принципов кемализма, в первую очередь от принципа секуляризма. Одновременно устойчивое экономическое развитие Турции последних лет вывело страну на 17-е место в мире по ВВП. В условиях внешнеполитической нестабильности реисламизация турецкого общества и усиление экономической и военной мощи сопровождаются активизацией Турции на международной арене.

В 2005 г. премьер-министром А. Гюлем (президент Турецкой Республики в 2007–2014 гг.) впервые были сформулированы принципы внешнеполитического курса в рамках доктрины «нео-османизма», которая подразумевает: 1) ответственность Турции за территории, когда-либо входившие в состав Османской империи; 2) ответственность Турции за мусульманское население этих территорий; 3) ответственность Турции за тюркоязычное население этих территорий.

Понятно, что в новых условиях особую актуальность приобретает изучение вопросов османского исторического наследия, в частности, более чем пятисотлетней истории русско-турецких отношений, представляющей собою уникальный феномен взаимодействия двух цивилизаций: русско-православной и мусульманской в ее османском изводе.

При изучении этой темы наиболее продуктивным представляется применение цивилизационного подхода, в основных чертах разработанного Н. Я. Данилевским в его фундаментальном труде «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» (первое издание: СПб., 1869) и дополненного впоследствии трудами О. Шпенглера и А. Тойнби. Помимо чисто эвристических преимуществ, применение этого метода избавляет нас от необходимости участвовать в схоластической полемике приверженцев формационного подхода к изучению всемирно-исторического процесса.

В качестве примера можно указать на различие во взглядах востоковедов-марксистов московской и ленинградской (петербургской) исторических школ. Первые эпоху Нового времени в истории Турции относили к середине XVII в. (т. е. связывали ее с английской буржуазной революцией), в то время как вторые увязывали эту эпоху с другим событием, а именно Великой французской революцией.

Применение цивилизационного подхода в изучении истории русско-турецких отношений возвращает классическое понимание самой категории «Нового времени»: «Новое время» во Всеобщей истории фактически совпадает с «Новым временем» в истории Турции. Захват турками Константинополя в 1453 г., безусловно, имел всемирно-историческое значение. Результатом этого события явились, в частности, Великие географические открытия, в том числе открытие Америки (Нового Света) в 1492 г., которое совпало с началом Нового времени в истории самой России. Ожидаемый всеми христианами в 1492 году конец света (Пасхалии были рассчитаны только до этой даты) так и не наступил.

Как следствие, на Московской Руси начинается осмысление своего нового места в новом мире в новое время. Начало этого процесса формально совпадает с установлением официальных русско-турецких отношений.

При осмыслении истории этих отношений центральной научной и мировоззренческой категорией для нас является такое понятие, как Восточный вопрос, однако, понимаемый не в позднейшей западной трактовке XIX в. (как вопрос о механическом разделе уже распадающейся Османской империи), а как вопрос о предназначении и судьбе русского православного мира, имеющего своей имманентной целью восстановить поправную веру и христианскую власть в Константинополе и Святой земле.

Первостепенная роль России в разрешении Восточного вопроса определялась несколькими факторами: в частности, ее

легитимными правами на византийское наследство, а также фактом единоверия и единоплеменности с народами, поработченными турками. Иными словами, именно в рамках Восточного вопроса шло формирование самобытной российской цивилизации (или, по терминологии Данилевского, особого культурно-исторического типа).

В качестве основной научной литературы методического характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1995. 6-е изд.

Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX вв.; критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1–2. М., 1896.

Жуков К. А. Отношения России и Османской Турции в конце XV – начале XX в. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПб., 2011.

Жуков К. А. Формирование представлений об Османской империи в России в XVIII – начале XX в. // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 1.

Иванов С. М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху Средневековья и Новое время) // Россия и Восток. СПб., 2000.

Исаев Г. Г. Политическая регионалистика и Ближний Восток // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. СПб., 2011. Вып. 5.

Кизюков С. В. Внешнеполитические концепции Республиканской Турции: экспансионизм или самоизоляция. Бишкек, 2006.

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средне-

- вековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.
- The Ottoman State and its Place in World History.* Leiden. 1974.

Московский период в истории русско-турецких отношений XV – первая половина XVII в.

Установление отношений между Московским государством и Османской империей (1492 г.). Московское государство при великом князе Иоанне III (1462–1505). Османская империя при султанах Баязиде II (1481–1512). Причины и условия установления межгосударственных отношений. Особенности дипломатической практики. Торговые связи России и Турции в XV–XVI вв. Номенклатура товаров (на Русь – турецкие ткани, сафьян, пряности, драгоценные камни и ювелирные изделия; в Турцию – меха, «рыбий зуб» (моржовый клык), ловчие птицы), маршруты, условия торговли. Начало обмена посольствами: с русской стороны – с 1496 г., с турецкой – с 1499 г. Причины интенсификации обмена посольствами в 1510–1520-е гг.: экономическая заинтересованность, геополитические интересы. Набеги крымских татар на русские земли. Захват Иваном IV Казани (1552) и Астрахани (1556). Начало завоевания Сибири. Превращение Московского царства в мощную евразийскую державу. Военный поход османцев и крымских татар на Астрахань в 1569 г. Русское посольство в Константинополе во главе с Иваном Новосильцевым (1570 г.). Набег крымских татар на Москву в 1571 г.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 11

При изучении этой темы преподавателю следует обратить внимание на следующие важные обстоятельства:

Начало официальных отношений между Московским государством и Османской империей относят к 31 августа 1492 г., когда от

великого князя Иоанна III (1462–1505) была направлена грамота султану Баязиду II (1481–1512). Этот документ в основном был посвящен условиям ведения торговли между подданными османского султана и московского великого князя. Однако история торговых отношений между двумя странами к этому времени насчитывала уже не один десяток лет. Русские купцы наряду с христианскими паломниками были для московских государей одними из главных информантов относительно состояния дел в Османской Турции. Позже еще одним источником сведений о Турции стали православные греки-иммигранты, нашедшие себе убежище на Руси после захвата турками Константинополя в 1453 г.

Таким образом, преподавателю прежде всего следует дать характеристику различных разрядов исторических источников по истории русско-турецких связей, обратив внимание на их специфику, степень их достоверности и определенную избирательность, а в некоторых случаях и тенденциозность авторов в подаче материала.

Падение Константинополя, это событие поистине всемирно-исторического значения, было воспринято на Руси как божья кара, постигшая греков в наказание за вероотступничество – принятие унии с католической церковью на Флорентийском соборе в 1439 г. Укрепление Московского государства по времени совпало с падением Византии и возвышением Османской империи. На Руси идеологическое осмысление этих процессов привело на рубеже XV–XVI вв. к выработке представления о Москве как о Третьем Риме. Созданию этого религиозно-государственного мифа способствовали как внутренние, так и внешние факторы.

В 1472 г. был заключен брак Иоанна III с Софьей (Зоей) Палеолог, что сделало московского великого князя единственным законным наследником византийских кесарей. Иоанн III в качестве русского государственного герба вводит двуглавого орла – герб Восточной Римской империи, а затем принимает титул «самодержец» – оттиск с титула византийских василевсов.

Его преемник Василий III (1505–1533) в своей титулатуре уже широко пользуется титулом «царь» (кесарь), однако официально этот титул был принят только в 1547 г. Иоанном IV Грозным (1533–1584). При Иоанне Грозном к Московскому царству были присоединены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. В 1581 г. началось покорение Сибири. Наконец, в 1589 г., уже при царе Федоре Иоанновиче (1584–1598), русская церковь стала автокефальной, на Руси было учреждено патриаршество.

При изложении данного материала идеологический аспект истории русско-турецких отношений нужно рассматривать в совокупности с геополитическим фактором, уделяя должное внимание особенностям тогдашней международной обстановки, а также с общими культурно-историческими процессами того времени в Европе и на Ближнем Востоке.

Примерно до начала XVI в. становление новой державы проходило в благоприятных геополитических условиях. Католический Запад способствовал растущим амбициям московских государей, рассчитывая привлечь их в качестве союзников для борьбы с Османской империей, которая, присоединив в 1475 г. к своим владениям генуэзские территории на Крымском полуострове, а также ряд областей на Кавказском побережье Черного моря и на побережье Азовского моря, сформировала на этих землях особую провинцию с центром в г. Кафа и превратила крымского хана в своего вассала. В свою очередь, султан тоже предпочитал поддерживать мирные отношения с Московским государством, видя в нем противовес Польше и Великому княжеству Литовскому. Кроме того, Стамбул и Москва по-прежнему были заинтересованы в развитии взаимовыгодных торговых связей. На Русь купцы везли дорогие турецкие ткани (парча, атлас), из Бурсы и Стамбула, привозили сафьян, пряности, драгоценные камни и ювелирные изделия. В Турцию доставлялись меха (соболь, куница, белка, черно-бурая лисица), «рыбий зуб» (моржовый клык), ловчие птицы (кречеты). Обмен посольствами, начавшийся с русской

стороны с 1496 г., а с турецкой – с 1499 г., отражает экономическую заинтересованность Стамбула в отношениях с Московским государством, а также стремление обеспечить себе безопасный тыл во время военных кампаний: на Востоке – против Сефевидов Ирана и на Юге – против мамлюков Египта. Особенно интенсивным был обмен посольствами в 10–20-е годы XVI века.

Фактором, осложнившим в этот период отношения между Стамбулом и Москвой, стало серьезное ухудшение отношений между Крымским ханством и Московским государством. Набеги крымских татар на русские земли начинаются в 1507 г., а после набега крымского хана Мухаммед-Гирея вглубь русской территории в 1521 г. такие вторжения, сопровождавшиеся массовым угоном в рабство мирного населения, приобретают регулярный характер. Москва была вынуждена выплачивать дань крымским ханам.

До конца 1550-х гг. собственно русско-турецкие отношения оставались в основном стабильными. Ситуация изменилась после захвата Иоанном IV Астрахани и превращения Московского царства в мощную евразийскую державу. В 1569 г. происходит первый военный конфликт в истории отношений России и Турции. Соединенные силы османов и крымских татар были направлены к Астрахани. Военный поход закончился неудачей: его цель – занять важный торговый порт на Волге и обеспечить стратегический охват Ирана со стороны Каспийского моря – не была достигнута.

В эти же годы Россия ведет Ливонскую войну (1558–1583) за выход к Балтийскому морю. Ее противниками являются Ливонский орден, Швеция, Польша и Литва. В 1569 г. происходит объединение Литвы и Польши, возникает мощное государство – Речь Посполитая. Затяжная война на Западе делает для России жизненно необходимым восстановление мирных отношений с Турцией. Османская империя также была расположена к тому, чтобы наладить прежние отношения с Россией: султан Селим II (1566–1574) планировал войну на Средиземном море за обладание Кипром. В июне 1570 г. в Константинополь (через турецкие крепости Азов и Кафа)

прибыло русское посольство во главе с Иваном Новосильцевым. На переговорах великий визирь, в частности, поднял вопрос о беспрепятственном пропуске через Астрахань мусульманских паломников, направляющихся в хадж из Бухары и Шемахи.

Таким образом, в практику дипломатических сношений между двумя государствами впервые вошла религиозная проблематика (это же требование было сформулировано в ответной грамоте Селима II, отправленной с русским послом Иоанну IV). Преподавателю рекомендуется подчеркнуть этот момент, сделав краткий экскурс в ситуацию второй половины XVIII в., когда эта проблематика получила свое развитие: признание за османским султаном/халифом прав покровительства российским мусульманам и, в свою очередь, прерогатив российских императоров в вопросе покровительства православным подданным турецкого султана (см. ниже). В целом итоги этих переговоров можно считать успешными: в последующие сто лет прямых военных столкновений между двумя государствами не было.

Осложнения в двусторонние отношения вносили крымские татары (например, в 1571 г. Девлет-Гирей сжег Москву), а также самоуправлявшиеся общины православных казаков, к XVII в. образовавшие в лимитрофных зонах протогосударственные объединения, в частности, на Днепре (Запорожская Сечь) и на Дону. В 1637–1642 гг. донские казаки удерживали захваченный ими у турок Азов и просили царя Михаила Федоровича (1613–1645) принять их в российское подданство, но, получив из Москвы отказ, оставили этот город. Несколько ранее, в 1625–1626 гг., Москва также отказала в поддержке претенденту на османский престол Александру Оттоманусу (султану Яхье). В свою очередь, турки принимали в Стамбуле и самозванцев (Т. Анкудинов, И. Вергуненок) и различные мусульманские депутации из Казани и Астрахани, но далее определенных границ не заходили. Оба государства учитывали интересы друг друга: для Москвы проблемным было польское направление, для Стамбула – иранское.

Всего в течение XVII в. из Стамбула в Москву прибыло 11 турецких посольств и 3 гонца, из Москвы было направлено 16 посольств и 15 гонцов. Наиболее интенсивный обмен посольствами между Москвой и Стамбулом пришелся на период 1622–1649 гг. Запоминающимся было посольство 1628 г., доставившее в подарок султану живого белого медведя. После 1649 г. обмен посольствами прекратился: все 10 российских миссий, направленных в Стамбул, остались без ответа. Исследователи отмечают протокольную и процедурную непаритетность в сфере дипломатических сношений между Россией и Турцией этого периода. Статус османских уполномоченных постоянно уступал чину и рангу российских. Османские султаны, передававшие ключевой элемент титула русского царя словом «крал» (король), лишь в 1634 г. перешли в дипломатической переписке к формуле: «царю всей Московской страны».

В качестве базовой научной литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

- Мейер М. С.* Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.
- Мейер М. С.* Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г. // От Стамбула до Москвы. Сб. ст. в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003.
- Мейер М. С., Фаизов С. Ф.* Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношений. М., 2008.
- Орешкова С. Ф.* Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3.
- Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1–2. М., 1946.

Теплов В. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. СПб., 1891.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.

Русско-турецкие отношения в имперский период

Геополитические сдвиги второй половины XVII в. и русско-турецкие войны XVIII в. Воссоединение России с Украиной в 1654 г. и разгром турок под Веной в 1683 г. Русско-турецкая война 1676–1681 гг. Бахчисарайский мир 1681 г. Определение (впервые в истории) территориальных границ между Россией и Османской империей. Вступление России в 1686 г. в антиосманскую «Священную лигу» европейских государств. Крымские походы русских войск при царевне Софье в 1686–1687 гг. «Скифская история» А. Лызлова (1692) как первая отечественная научная востоковедная работа. Взятие Азова Петром I в 1696 г. Константинопольский мир 1700 г. Граф П. А. Толстой – первый постоянный русский посол в Турции. Посольский приказ (1549–1720) и «статейные списки» П. А. Толстого. Прутский поход Петра I (1711). Адрианопольский мирный договор 1713 г. Дм. Кантемир, его участие в создании первой в России типографии с арабским шрифтом и его книги по турецкой музыке, исламу и истории Османской империи. Провозглашение Петра I императором. История признания османскими султанами этого титула за русскими самодержцами.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 12

В XVIII в. русско-турецкие отношения продолжали развиваться в рамках решения Россией Восточного вопроса, без чего было невозможно становление России как особого культурно-исторического типа – законной наследницы Византийской

Османские владения в начале XVIII в. 1705 г.

империи. В этих рамках произошло столкновение двух миров: русско-православной цивилизации и мусульманской цивилизации в ее османском варианте.

Преподавателю следует подчеркнуть, что особый конфликтный характер русско-турецких отношений в XVIII в. был предопределен двумя крупнейшими геополитическими сдвигами в Европе во второй половине XVII в.: воссоединением России с Украиной в 1654 г. и разгромом турок под Веной в 1683 г. Все это создало для России благоприятную внешнеполитическую конфигурацию, в рамках которой Петр I Великий (царь с 1682 г., правил с 1689 г.; в 1721–1725 гг. – первый российский император) приступил к территориальной экспансии на юг. Ближайшей целью Петра I было обеспечение выхода России к Черному морю и прекращение набегов на русские земли со стороны Крымского ханства.

В результате русско-турецкой войны 1676–1681 гг. были установлены (отметить: впервые в истории двусторонних межгосударственных отношений) территориальные границы между Россией и Османской империей: границей стал Днепр, Киев был закреплен за Россией. Особой статьей Бахчисарайского перемирия 1681 г. обеспечивалось право русских паломников беспрепятственно посещать Святые места в Палестине.

Впервые, таким образом, в дипломатических сношениях между Россией и Турцией были затронуты религиозные интересы православных христиан, на чем следует сделать акцент, поскольку в дальнейшем эта тема получает стремительное развитие: уже в 1692 г. русский гонец в Крым оглашает требование о передаче Святых мест грекам, а в 1711 г. Петр I объявляет (в грамоте славянам Адриатического побережья), что он «самоперсонально» выступает против турок, чтобы «тамошние христианские народы от тиранства поганского освободить, православные церкви там украсить и Животворящий Крест возвысить».

Присоединившись в 1686 г. к антиосманской «Священной лиге» (Австрия, Польша, Венеция), Россия (по Константинопольскому миру 1700 г.) закрепила за собой завоеванный ею в 1696 г. Азов и прекратила выплату дани крымскому хану. Кроме того, русским подданным даровалось право посещать Святые места без уплаты пошлины. Наконец, Россия приобрела право иметь в Константинополе своего постоянного посла, пользующегося одинаковыми правами с послами других дружественных Турции держав. Первым постоянным русским послом в Турции был назначен П. А. Толстой. Посол составлял ежедневные отчеты – «статейные списки», которые затем представлялись в специальное ведомство по делам внешних сношений российского государства – Посольский приказ (1549–1720).

Преподавателю следует объяснить студентам, что свое название эти отчеты получили по причине того, что по установившейся практике русские послы перед своим отъездом полу-

*Дмитрий Константинович
Кантемир
(1673–1723)*

чали письменные инструкции с отдельными вопросами («статьями»), на которые по возвращении из-за границы должны были представлять подробные ответы («отписки»).

Завоевания России были утрачены после неудачного для Петра I Прутского похода (1711) и Адрианопольского мирного договора, заключенного в 1713 г. В период этой военной кампании на сторону Петра I перешел молдавский господарь Дмитрий Кантемир (1673–1723), который

стал советником царя по турецким делам.

При участии Кантемира была создана первая в России типография с арабским шрифтом. В этой типографии в Астрахани в 1722 г. во время Персидского похода Петра I на османском языке (здесь нужно дать справку, что представлял собой этот язык в грамматическом и лексическом отношении: подавляющее преобладание арабской и персидской лексики над тюркской, вычурный стиль, использование арабских и персидских грамматических конструкций) был отпечатан манифест русского императора. В Петербурге Кантемир написал несколько книг, посвященных Востоку: сочинения по турецкой музыке, исламу и истории Османской империи. Популярности сочинения Д. Кантемира «*Incrementa atque decrementa aulae Othomanicae*» (Возвышение и падение дома Османов) в Западной Европе способствовал его сын Антиох – дипломат и поэт. Книги Д. Кантемира явились новым этапом в процессе ознакомления россиян с османскими турками (первым востоковедным трудом на русском языке было сочинение А. И. Лызлова «Скифская история», завершенное

в 1692 г.). Особенным спросом пользовалась его «Система турецкого вероисповедания» (1722), перевод которой с латинского оригинала Петр I повелел напечатать без промедления и срочно переслать ему в действующую армию на Каспий.

При Петре I в стране идут вестернизаторские реформы. Проводятся реформы государственного управления, в частности, Посольский приказ преобразуется в Коллегию иностранных дел (в 1802 г. она была преобразована в Министерство иностранных дел). Проводится важнейшая церковная реформа: упраздняется патриаршество, в 1721 г. создается особое духовное ведомство – Святейший Синод, и, таким образом, с этого времени православная церковь в России подчиняется государству. После завершившего Северную войну со Швецией (1700–1721) Ништадтского мира, по условиям которого Россия окончательно закрепилась на Балтике, Петр I провозгласил себя императором.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. Ее подготовка, ход, итоги. Белградский мирный договор 1739 г.

Планы новой войны с Османской империей возникли в окружении императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Идеологом реванша выступил фельдмаршал Миних. Предварительно были заключены союзы с Австрией и Ираном, которому Россия вернула территории на побережье Каспийского моря, захваченные Петром I во время Персидского похода. Поводом для войны 1735–1739 гг. стали набеги крымских татар на Украину и поход против персов крымского хана Каплан-Гирея, вторгшегося по пути на Кавказ в Кабарду. В 1736 г. русские войска вошли в Крым и сожгли столицу хана г. Бахчисарай, одновременно ими был взят г. Азов. В 1737 г. войну Турции объявила Австрия, однако в 1739 г. австрийцы заключили с Турцией сепаратный мир.

Несмотря на успехи армии Миниха в Молдавии (взятие крепости Хотин и г. Яссы), Россия в этих условиях при посредничестве Франции также пошла на заключение мира. По Белградскому мирному договору 1739 г. Россия вернула себе Азов

и вновь получила право иметь своего постоянного резидента в Константинополе, однако Большая и Малая Кабарда, которые ранее находились под покровительством России, были признаны независимыми. В 1741 г. Турция также признала за русскими царями (царицами) право на императорский титул. Франция за свое посредничество была вознаграждена султаном новыми торговыми льготами – «вечными капитуляциями» 1740 г.

Здесь нужно разъяснить студентам содержание термина «капитуляции» применительно к османской политической и экономической истории. Это название восходит к первому договору между Францией и Османской Турцией (1535 г.), текст которого был разбит на отдельные статьи, именовавшиеся по-латински словом *капитул* – «глава». Строго говоря, подобные «капитуляции» являлись односторонним актом султана, даровавшим иностранным подданным торговые льготы и права экстерриториальности, которые действовали только на время правления данного суверена. «Вечные капитуляции» 1740 г. оставались в силе и при последующих османских правителях. Отмена всех капитуляций была произведена османским правительством в одностороннем порядке в начале Первой мировой войны.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. Значение этой войны в истории русско-турецких отношений и в истории русской культуры. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. Его содержание, значение и последствия. Трактовка этим договором вопросов защиты прав и интересов православных христиан Османской империи. «Греческий проект» Екатерины II. Последствия присоединения к России Крыма и Восточной Грузии в 1783 г. Русско-турецкий торговый договор 1783 г.

Новая фаза решения Восточного вопроса наступает с воцарением Екатерины II (1762–1796). В этот период для России в полной мере проявляется связь Восточного и Польского вопросов. В результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия становится Великой державой. Победа была добыта совокупными

усилиями на военном, дипломатическом (союз с Англией) и пропагандистском (поддержка «философов») фронтах. Впервые в истории русско-турецких войн в боевых действиях принял участие русский флот. В обход Европы в Средиземное море было направлено 5 эскадр, в результате чего был уничтожен турецкий флот в Чесменской бухте (1770) и установлен контроль над архипелагом. В полевых сражениях победы обеспечивались передовой тактикой и превосходством артиллерии, в полной мере использованными такими талантливыми военачальниками, как П. А. Румянцев.

Эта война была развязана по инициативе Турции и началась вторжением крымского хана Крым-Гирея – последним в истории набегом крымских татар на территорию России. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Крымское ханство получило независимость; города Керчь и Еникале переходили к России, что обеспечивало ей свободный выход в Черное море. К России также отошли Большая и Малая Кабарда.

При изложении данной темы надо подробно остановиться на обстоятельствах, которыми сопровождалось присоединение к русским пределам Крымского полуострова. Начатые в независимом Крыму вестернизаторские реформы хана Шагин-Гирея ввергли страну в хаос, что поставило Екатерину II перед необходимостью объявить в 1783 г. о присоединении Крыма. Затем под покровительство России перешла Восточная Грузия (Георгиевский трактат 1783 г.).

Кючук-Кайнарджийский договор имел важные последствия во многих областях. В частности, на основе взаимности были признаны права духовного покровительства султана-халифа над крымскими татарами – с 1783 г. мусульманскими подданными Российской империи, и российской императрицы – над православными подданными османского султана; при этом договор обязывал Турцию применять в отношении российских монархов императорский титул на турецком языке (падишах). Семь статей

договора касались различных вопросов защиты прав и интересов православных христиан Османской империи. Формулировки ряда статей давали простор для распространительных толкований, что вызвало сильное беспокойство в дипломатических кругах Англии и Франции, поскольку фактически Россия могла претендовать на статус единоличной покровительницы христиан в Турции (по Парижскому трактату 1856 г. эта возможность была утрачена).

Военные успехи подтолкнули ближайшее окружение императрицы (Г. А. Потемкин и А. А. Безбородко) к мысли приступить к следующему этапу решения Восточного вопроса. В 1781 г. был заключен союз с Австрией, после которого на свет появился знаменитый «Греческий проект» Екатерины II. В частности, этот проект предполагал создание греческой империи (с центром в Константинополе и во главе с членом дома Романовых), образование Дакии – буферного государства на Дунае, передачу России нескольких островов архипелага, а также передачу некоторых турецких территорий Австрии. Этот проект представлял собой русский вариант разрабатывавшихся в Европе планов полного изгнания турок в Азию.

Следствием Кючук-Кайнарджийского договора явилось не только восстановление позиций российской дипломатии в самом Константинополе (ранг русского представителя в Константинополе повышался до посланника), но и учреждение сети российских консульств в османских провинциальных городах (Смирна, Бухарест, Трабзон и др.). Договор признал за русскими подданными права на капитуляционные льготы, которыми издавна пользовались в Османской империи подданные Англии и Франции. Россия получила свободу торгового мореплавания в Черном море, а ее торговые суда – право беспрепятственного прохода через проливы.

Более полно взаимные обязательства были прописаны в русско-турецком торговом договоре 1783 г., по которому Россия получила права наиболее благоприятствуемой нации. Торговыми

льготами и покровительством России воспользовались греки, в скором времени занявшие доминирующие позиции как посредники не только в русско-турецкой торговле, но и в дипломатической сфере (консулы, драгомань).

Российская черноморская торговля быстро развивается: железо и чугун уральских заводов начинают вытеснять с турецких рынков английскую продукцию, сокращение торговли пушниной (по причине привоза мехов из Канады) компенсируется ростом поставок пшеницы. Важность черноморского направления была отмечена уже в капитальном труде М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции...» (СПб., 1781–1788), в котором автор отвел русско-турецкой торговле специальный раздел.

Присоединение к России Крыма и сопредельных территорий привело к значительным разнонаправленным миграционным потокам населения. Из Крыма в Османскую империю периодически выезжали татары; сюда и в другие прилегающие регионы переселялись греки, сербы, болгары, немцы. Ногайцы-кочевники были переселены из Буджака (Южная Бессарабия) в Предкавказье, а затем – в уральские степи. Все это изменило этно-демографическую картину в Северном Причерноморье и принесло новации в экономическую жизнь края. Здесь строились новые города: Херсон, Севастополь, в 1795 г. была основана Одесса; развивались новые отрасли хозяйства, в частности, виноградарство и виноделие. Существенным элементом русской политики была инкорпорация местного высшего сословия (крымско-татарские мурзы и т. д.) в состав российского дворянства, а также государственная поддержка ислама: был учрежден особый муфтият (Духовное собрание мусульман Таврической губернии), шло строительство мечетей, печатался Коран (знаменитое петербургское издание Корана с 1787 по 1798 г. выходило не менее шести раз).

Преподавателю следует отметить тот факт, что, несмотря на правительственные меры, в целом русско-турецкие войны XVIII в., как правило, сопровождались бунтами и даже воору-

женными восстаниями мусульманского населения Российской империи. Так, в Башкирии поводом к выступлению стал чрезвычайный набор лошадей, вызванный войной 1735–1739 гг. В ходе восстания его предводители поставили вопрос о выходе из российского подданства и признании власти какого-нибудь хана из казахских улусов. История с возмущением башкир повторилась в период Пугачевщины (восстание Салавата Юлаева), по времени совпавшей с войной 1768–1774 гг.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. Князь Г. А. Потемкин-Таврический. Генерал А. В. Суворов-Рымникский. Ясский мирный договор 1792 г. Во время следующей русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) мы видим координацию действий турок и восставших горцев Северного Кавказа под предводительством имама Мансура.

Итоги русско-турецкой войны 1787–1791 гг., начатой вновь по инициативе Турции, официально закрепили предыдущие достижения России. Война, в которой союзником России была Австрия (вновь подписавшая сепаратный мир с турками), закончилась поражением Турции на суше (взятие Очакова, сражение при Рымнике, штурм Измаила) и на Черном море (сражение при мысе Калиакрия). В этих победах проявилась полководческая одаренность генерала А. В. Суворова и адмирала Ф. Ф. Ушакова. По Ясскому мирному договору 1792 г. границей между Россией и Турцией стала р. Днестр.

В России эти победы вызвали всплеск патриотических настроений и рост имперского самосознания, что способствовало расцвету российской культуры, особенно в сфере изящной словесности и изобразительного искусства. Императорская резиденция в Царском Селе украсилась комплексом памятников во славу громких побед русского оружия (Чесменская колонна, Кагульский обелиск и др.). В поэзии расцвел одический жанр. В екатерининской России утверждается новый тип образованности, подразумевающий глубокое знание античной мифологии, классических литературных памятников, истории Древней Греции и Рима.

Важно, таким образом, отметить, что, присваивая новые географические пространства (Крым становится Тавридой, Кафа – Феодосией и т. д.), Россия параллельно стремительно осваивает античное наследие. В результате формируется новое культурно-историческое пространство и легитимизируются права России на обладание античным и, соответственно, византийским наследством.

Уровень информированности российского общества о жизни в Османской империи и уровень информированности турецкого общества о жизни в Российской империи в конце XVII – XVIII в. Николай Спафарий (1636–1708), Савва Рагузинский (1669–1738) и Дмитрий Кантемир – советники Петра I по восточным делам. Переводческая деятельность, возникновение «своего» востоковедения (А. Лызлов). Дипломаты екатерининской эпохи, их печатные труды о Турции. Образование в 1797 г. при Коллегии иностранных дел Азиатского департамента. Представления о России в Османской империи к концу XVIII в. Описания-отчеты («сефарет-наме») побывавших в России османских посланников. Произведения придворной османской историографии. Сочинение «Сок достопримечательного» Ахмеда Ресми-эфенди (пер. О. И. Сенковского).

Военно-политические успехи России в отношениях с Портой вызвали подъем интереса и, соответственно, рост информированности российского общества о разных сторонах жизни в самой Османской империи. Военная необходимость диктует обращение к трудам европейских авторов, посвященным военному и государственному устройству Османской империи. В 1737 г. В. К. Тредиаковский переводит с французского первоклассный для своего времени труд графа Л. де Марсильи «Военное состояние Оттоманской империи...», а в 1741 г. был завершен и напечатан перевод с польского языка сочинения английского дипломата XVII в. П. Рико «Монархия Турецкая...» (рукописный перевод с итальянского издания этого сочинения, осуществленный П. А. Толстым, к тому времени где-то затерялся). Оба рус-

ских издания также сопровождалась гравюрами соответствующего содержания.

Активная переводческая деятельность способствовала тому, что в российский менталитет входили этнические и культурные стереотипы из западной научной и художественной литературы о Востоке; особенно сильным было влияние французской просветительской литературы. Например, в 1769 г. на русский язык были переведены «Статьи из энциклопедии, принадлежащие к Турции (сочинение Дидро, Жокура и др.)». Затем был издан перевод книги Вольнея «Путешествие в Сирию и в Египет», а в 1795 г. появился перевод первого тома сочинения Мураджи д'Оссона, посвященного истории Османской империи. Перевод этого труда был осуществлен М. И. Веревкиным, одним из наиболее продуктивных переводчиков «востоковедной литературы» екатерининского времени. Степень влияния взглядов французских просветителей относительно Османского государства и ислама на тогдашнее российское общество хорошо демонстрирует дневник С. А. Порошина – воспитателя будущего императора Павла I. Например, записи 1764–1765 гг. свидетельствуют о популярности в придворных кругах знаменитой трагедии Вольтера «Магомет» и других сочинений французских просветителей на восточные темы.

В XVIII в. России возникает научное востоковедение (Д. Кантемир, Г.-Я. Кер); наряду с переводными публикуются оригинальные сочинения. Так, выходец из Турции, бывший янычар Ф. А. Эмин не только явился создателем русского авантюрного романа, но и опубликовал в 1769 г. свое «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты». Рост потребностей в знании турецкого языка привел к тому, что в 1776 г. в Петербурге и в 1777 г. в Москве большими тиражами была издана в русских переводах с французского знаменитая «Турецкая грамматика» Гольдермана.

Развитие дипломатических сношений с Турцией порождает плеяду выдающихся дипломатов екатерининской эпохи; ряд из них

оставил о себе память печатными трудами, посвященными Турции. Среди них можно выделить автора нескольких сочинений о Турции П. А. Левашова, а также известного баснописца И. И. Хемницера, в 1782 г. ставшего первым российским генеральным консулом в Смирне. В 1797 г., уже при Павле I (1796–1801), при Коллегии иностранных дел было создано специальное подразделение, отвечавшее за связи с Востоком (Азиатский департамент).

Что касается Османской империи, то бытующие в ней в начале XVIII в. представления о России как о стране «Мужикистан» оставались еще на уровне «Книги путешествия» Эвлия Челеби (сер. XVII в.). Были, однако, и исключения. Например, османский первопечатник Ибрагим Мютефферрика в своем трактате «Основы мудрости», изданном в 1732 г., ставит в пример успешную деятельность Петра I по вестернизации страны. Описания-отчеты («сефарет-наме») побывавших в России османских посланников также расширяли кругозор; причем исследователи отмечают с течением времени все более «толерантный» тон сочинений этого жанра: например, Мустафа Расих-паша, посетивший Россию в 1794 г., в восторженном тоне отзывался о военной организации и административном устройстве Российской империи.

Интересным феноменом придворной османской историографии стал труд Ахмеда Джавид-бея, выполненный на рубеже веков по заказу султана Селима III (1789–1807). В двух томах сочинения автор собрал извлечения о русско-турецких отношениях из работ османских историографов от Наима до Энвери. Хронологические рамки материалов, вошедших в этот труд, охватывают 1623–1799 гг. В приложении дается знаменитое произведение «Сок достопримечательного» Ахмеда Ресми-эфенди – своего рода бестселлер на тему русско-турецких отношений в XVIII в., в котором автор, в частности, сравнивает порядки в российской и османской армиях во время войны 1768–1774 гг.

Уже в XIX в. российскими востоковедами был опубликован ряд блестящих переводов турецких сочинений, посвящен-

ных истории взаимоотношений Османской империи, России и Европы в XVIII в. Такие труды, как «Сок достопримечательного» Ахмеда Ресми-эфенди (пер. О. И. Сенковского), «Записки турецкого посланника Сами эль-хадж Ахмед-эфенди о посольстве его в Пруссию в 1763–1764 году» (пер. В. В. Григорьева) и «Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг.» (пер. В. Д. Смирнова), составили классику этого жанра.

В качестве базовой литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

Густерин П. В. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М., 2008.

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

Жуков К. А., Жевелева А. В. Образ Европы и России в произведениях османских авторов XVIII в. СПб., 2014 (учебно-методическое пособие).

Кантемир Д. Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии / CantemirD. Operecomplete. Т. 8/2. București, 1987.

Кессельбреннер Г. Л. Хроника одной дипломатической карьеры (дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев и его время). М., 1987.

Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.

Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

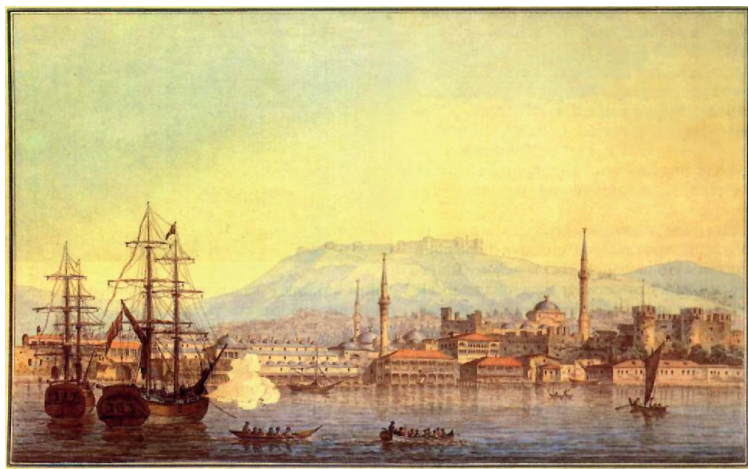
Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М., 1985.

Смилянская И. М. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. Вып. 5. 1995.

- Сок достопримечательного. Записки Ресми-Ахмед-Эфендия, турецкого министра иностранных дел, о сущности, начале и важнейших событиях войны, проходившей между Высокою Портою и Россией от 1182 по 1190 год гиджры (1769–1776). Пер. с турецкого // Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 6. СПб., 1859.
- Стегний П. Посол III класса: Хроники «времен Очаковских и покоренья Крыма». М., 2009.
- Тверитинова А. С. К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. 1949. Т. 6.
- Aksan V. H. An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783. Leiden, 1995.
- Ortaylı I.XVIII. YüzyılTürk-Rusilişkileri // Türk-Rusilişkilerinde 500 yıl 1491–1992. Ankara, 1999.
- Ortaylı I. Reforms of Petrine Russia and the Ottoman Mind // OrtaylıI. Ottoman Studies. Istanbul, 2004.

Русско-турецкие войны и дипломатические отношения в XIX – начале XX в.

Русско-турецкий оборонительный союз 1799 г. против Франции. Подтверждение этого договора в 1805 г. Совместные военные операции русско-турецкого флота под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова. Освобождение о. Корфу и создание Республики семи островов. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. Причины. Действия русского флота на Средиземном море и русских армий на Кавказском и Дунайском фронтах. М. И. Кутузов. Бухарестский мир 1812 г. Его последствия. Греческое восстание 1821 г. Восточный вопрос на Веронском конгрессе Священного Союза 1822 г. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Ее ход, итоги, отражение в русской литературе. Первый египетский кризис 1831–1833 гг. Русский десант на Босфор под командованием генерала Н. Н. Муравьева-

М. Н. Воробьев. Смирна. 1820. Акварель

Карсского. Русско-турецкий Ункяр-Искелесийский союзный оборонительный договор 1833 г. Режим проливов по Лондонской конвенции 1841 г.

Для истории русско-турецких отношений XVIII в. заканчивается первым русско-турецким оборонительным союзом 1799 г., направленным против «безбожной» Франции (в 1805 г. этот договор был подтвержден). Еще в 1798 г. русские военные корабли впервые в истории получили право свободного прохода через проливы. Совместные военные операции против французов русско-турецкого флота под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова привели к освобождению о. Корфу и созданию Республики семи островов.

Победа французов при Аустерлице над соединенной австро-русской армией побудила Селима III официально признать Наполеона императором (падишахом) и разорвать союзные отношения с Англией и Россией, что, в свою очередь, привело к очередной русско-турецкой войне (1806–1812 гг.). На Средиземном море против турок действовала русская эскадра адмирала

Д. Н. Сенявина (победа в морском бою у мыса Афон в 1807 г.); военные действия шли также на Кавказском и Дунайском фронтах. в Рущукском сражении 1811 г. решающее поражение турецкой армии нанес генерал М. И. Кутузов. В 1812 г. был подписан Бухарестский мир, который зафиксировал присоединение к России Бессарабии (границей стали р. Прут и р. Дунай) и Западной Грузии (здесь границы окончательно были установлены по Аккерманской конвенции 1826 г., которая также уточняла условия внутреннего самоуправления Сербского княжества).

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 13

Расширение Российской империи, включение в ее состав многочисленных азиатских народов, а также новый этап в развитии имперского и национального самосознания, вызванный борьбой с Наполеоном и победой в Отечественной войне 1812 г., – все это имело важные последствия для российской культуры. Преподаватель должен отметить, что именно этот историко-культурный контекст определил те значительные успехи, которые были сделаны в России в деле изучения Востока в рассматриваемый период.

Начало XIX в. было ознаменовано появлением нескольких проектов об учреждении в России «Азиатских академий» для изучения Востока и преподавания восточных языков. В частности, в 1810 г. свой «Проект Азиатской академии» представил С. С. Уваров – впоследствии президент Академии наук и министр народного просвещения. К этому времени в России уже были предприняты первые шаги к изучению востоковедных предметов в высших учебных заведениях: например, в 1806 г. в Казанском университете было введено преподавание персидского, арабского и турецкого языков. Первым профессором турецкого языка в Петербургском университете в 1822 г. стал О. И. Сенковский, одновременно проявивший свой талант в качестве популяр-

ного писателя (автора многочисленных «восточных повестей») и успешного журналиста – редактора журнала «Библиотека для чтения». В этом издании в 1835–1836 гг. им были опубликованы «Очерки Константинополя» и «Босфор и новые очерки Константинополя» К. М. Базили – настоящая энциклопедия повседневной жизни османской столицы. Эти сочинения Базили стали настольными книгами для российских дипломатов, работающих в странах Леванта, а для русского читателя сформировали образ Константинополя – Стамбула.

В это же время формируются первые частные коллекции восточных рукописей (одно из таких собраний принадлежало русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому), а также государственные собрания (в 1818 г. был образован Азиатский музей, первым директором которого стал Хр. Д. Френ). Наконец, создается собственная школа профессиональных переводчиков для дипломатической службы на Востоке. Указ о создании при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Учебного отделения восточных языков был подписан императором Александром I (1801–1825) в 1823 г. В создании этого учебного заведения деятельное участие принял А. Фонтон – один из представителей известной династии драгоманов-левантинцев, перешедший в Константинополе с французской службы на русскую в 90-е годы XVIII в.

Необходимо показать студентам, что изучение Востока в России имело две главные цели: цель практическую (информационное обеспечение связей с восточными государствами, управление восточными народами – подданными империи) и цель научную, которая, помимо всего прочего, включала в себя изучение восточных источников по истории самой России.

С последним направлением отчасти была связана меценатская деятельность основателя Румянцевского музея графа Н. П. Румянцева. В целом, однако, **изучение Востока в России опиралось почти исключительно на государственную поддержку.** Основ-

ными центрами преподавания восточных языков во второй половине XIX в. становятся в Москве – Лазаревский институт восточных языков, выпускниками которого были известные туркологи В. А. Гордлевский и А. Е. Крымский, а в Петербурге – факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, первым деканом которого в 1855 г. стал А. К. Казем-бек. Среди выпускников факультета можно выделить основателя российской османистики В. Д. Смирнова, а также В. В. Бартольда.

Греческое восстание 1821 г. и последовавший за ним международный кризис привели к очередной русско-турецкой войне. На Веронском конгрессе Священного союза с участием Англии (1822 г.) в международный дипломатический обиход впервые был введен термин «Восточный вопрос», уже понимаемый на Западе как вопрос о судьбе «османского наследства» (в этой связи надо вспомнить о различных трактовках термина «Восточный вопрос», см. выше), но при этом само греческое восстание подверглось со стороны Великих держав формальному осуждению. Только в апреле 1826 г. между Англией и Россией был подписан Петербургский протокол об условиях урегулирования греческого кризиса; затем к этим требованиям присоединилась Франция.

Дипломатическое давление держав на султана не возымело результата, и 20 октября 1827 г. соединенный англо-русско-французский флот уничтожил в Наваринской бухте турецко-египетский флот, которым командовал Ибрагим-паша. К тому времени этот сын влиятельного султанского вассала – египетского паши Мухаммеда Али уже почти подавил остатки греческого

Султан Махмуд II
(1808–1839)

сопротивления на Пелопоннесе. В ответ султан Махмуд II (1808–1839) заявил об отказе от Аккерманской конвенции 1826 г. и призвал к «священной войне» с Россией. В декабре 1827 г. послы Англии, России и Франции покинули османскую столицу, а 26 апреля 1828 г. Россия объявила войну Турции. Решающим стал 1829 г., когда генерал И. Ф. Паскевич 9 июля занял г. Эрзурум, а армия генерала И. И. Дибича, переправившись через Балканский хребет, овладела 20 августа г. Эдирне (Адрианополем). По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. к России отошел г. Ахалцих и крепость Ахалкалаки в Грузии, а также побережье Черного моря до порта Св. Николая (Кобулет). Еще в 1828 г. из бывших Ереванского и Нахичеванского ханств была создана Армянская область. После заключения Адрианопольского мира сюда начинается массовый исход армянского населения из Османской империи.

В 1860-е годы, после завершения многолетней Кавказской войны, массовый характер примет и переселение с Северо-Западного Кавказа в Турцию адыгов и абхазов, со временем образовавших в Османской империи многочисленную черкесскую диаспору. По Адрианопольскому договору Сербия и Дунайские княжества

Русские на Босфоре в 1833 г.

(Молдавия и Валахия) получили автономию; Греция поначалу также получила автономию, а в 1830 г., в обмен на снижение Россией суммы турецкой контрибуции на 1 млн голландских дукаатов, – полную независимость.

После гибели в результате заговора в 1831 г. первого президента Греции графа И. Каподистрии (уроженца Корфу и бывшего российского статс-секретаря) русское влияние в Греции стремительно падает. В то же самое время значительно улучшаются отношения России с Османской империей. Николай I (1825–1855) благожелательно отозвался на просьбу Махмуда II о помощи против восставшего египетского паши Мухаммеда Али, войска которого в 1833 г. вторглись в Малую Азию. Русская эскадра вошла в Босфор, и в районе мыса Сельви Бурну на азиатском берегу пролива был высажен десант под командованием генерала Н. Н. Муравьева. Военная демонстрация возымела свое действие: войска мятежного паши отступили.

Преподавателю рекомендуется излагать эти события на общем фоне тогдашней европейской политики русского императора. Позиция Николая I определялась его озабоченностью в отношении Франции, оказывавшей поддержку Мухаммеду Али. На русского царя также должно было произвести неблагоприятное впечатление известие о появлении в Турции и Египте сенсимонистов. Борьба с европейской революцией, отождествляемой с распространением атеизма, по-прежнему оставалась приоритетным направлением российской внешней политики.

Результатом первого египетского кризиса стал русско-турецкий Ункяр-Искелесийский союзный оборонительный договор, заключенный в 1833 г. сроком на 8 лет. По этому договору Россия гарантировала Османской империи защиту от внешней опасности; в свою очередь, султан брал на себя обязательства закрывать по требованию России Дарданеллы для иностранных военных кораблей. В том же году между Россией и Австрией была подписана конвенция в Мюнхенграце, по которой Австрия становилась вторым

гарантом власти османского султана. Русское влияние в Турции поддерживалось неоднократным снижением суммы контрибуции, а его отражением явилось введение лестницы турецких чинов, копирующей российскую Табель о рангах; даже новое турецкое военное и статское платье шилось по покрою русских военных мундиров и чиновничьих сюртуков. В память о пребывании русских войск на Босфоре на мысе Сельви Бурну установлен гранитный монумент. В 1845 г. в Константинополе, в районе Пера, было завершено строительство импозантного здания для российской дипломатической миссии (архитектор Г. Фоссати).

1830-е годы – своего рода вершина на пути познания русскими дипломатами, путешественниками, писателями и художниками жизни Османской Турции. Ункяр-Искелесийский союзный договор 1833 г. открыл российским исследователям широкие перспективы для всестороннего изучения Турции. В этой связи следует, конечно, назвать имя М. П. Вронченко, автора «Обозрения Малой Азии в нынешнем ее состоянии...» (Ч. 1–2. СПб., 1839–1840) – обширного труда, составленного по результатам его собственных экспедиций в 1834–1835 гг. Несколько позже исследования Малой Азии были продолжены известным русским географом, геологом и экономистом П. А. Чихачевым, труды которого сразу же получили европейское признание. Памятником той эпохи стала книга Н. Н. Муравьева (Карсского) «Русские на Босфоре в 1833 году», опубликованная в 1869 г.

Уже в XVIII в. Турцию начинают посещать русские художники. Благодаря этим поездкам мы располагаем видами Константинополя Г. С. Сергеева (1790-е годы), замечательной «Смирной» М. Н. Воробьева (1820 г.), сопровождавшего Д. В. Дашкова в его особой миссии на Ближний Восток, любуемся турецким циклом К. П. Брюллова, посетившего Турцию в 1835 г. в составе научно-художественной экспедиции одного из первых русских меценатов графа В. П. Орлова-Давыдова, и акварелями Р. Х. Френа, состоявшего студентом при российском посольстве в Константинополе.

И. К. Айвазовский. Вид Константинополя в лунную ночь. 1846

В османской столице несколько раз побывал И. К. Айвазовский, работы которого в Турции пользовались известностью не меньшей, чем в самой России. Этот список был бы не полон без имени В. В. Верещагина, оставившего на своих полотнах свидетельства о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

С 1820-х годов в России наблюдается постепенное введение в литературный и научный обиход таких связанных с Турцией этнических и культурных стереотипов, каковые были приобретены уже в результате непосредственного знакомства с жизнью османских турок. Рубежным в этом смысле явился 1829 г., когда во время русско-турецкой войны в действующую армию направились В. И. Даль, А. С. Хомяков, А. Н. Муравьев, поэты Вас. Туманский и В. Тепляков (на Балканы) и А. С. Пушкин (на Кавказ). Впервые русский читатель столкнулся с последними новостями и информацией общего плана о Турции и турках, так сказать, из первых рук.

После этой войны в печати появляются роман Н. П. Титова «Бимбаш», «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева и пушкинское «Путешествие в Арзрум». Такие

«писательские командировки» повторялись и во время последующих войн с Турцией. Примечательны в этом отношении записки В. В. Крестовского «Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878)». Уникален жизненный опыт писателя К. Н. Леонтьева, который провел десять лет в Османской Турции (1863–1874), в основном на различных консульских должностях, и оставил огромное творческое наследие.

Приводя все эти примеры, преподаватель должен в итоге показать, что в этот период русская художественная литература стремительно изживает унаследованные от западноевропейской литературы стереотипы, связанные с Востоком, такие как: «азиатская роскошь», «восточная мудрость» и т. п. Представления о жизни и быте османских турок к концу XIX в. окончательно «деромантизируются». Романтический поиск ускользающей красоты Востока наталкивался на те грубые формы, в которых проходило в этот период проникновение в жизнь османского общества новых капиталистических отношений. Неслучайно общим местом в произведениях российских авторов становится критика левантинцев и других торгашей и компрадоров, неприглядный облик которых плохо сочетался с идеальным образом сказочного Востока. Многие российские авторы последовательно придерживались принципа социальной справедливости и не скупились на негативные характеристики в адрес определенных социальных слоев христианского населения империи, а также на положительные отзывы о простом турецком народе.

Итак, десятилетие после победоносной войны 1828–1829 гг., увенчанной Адрианопольским миром, стало временем наивысшего политического влияния России в Османской империи. Однако установленный Ункяр-Искелесийским договором режим проливов был изменен после второго египетского кризиса 1839–1840 гг., закончившегося вмешательством Великих держав (за исключением Франции) и капитуляцией Мухаммеда Али. По бессрочной Лондонской конвенции 1841 г. султан был вынуж-

ден пойти на интернационализацию режима проливов и согласиться с принципом, что в мирное время проливы объявлялись закрытыми для военных кораблей иностранных держав.

Лондонская конвенция явилась свидетельством ослабления российского влияния не только на Турцию, но и на международную политику в целом. Царствование императора Николая I – это «золотой век» русской культуры. В это время Н. И. Лобачевский создает неевклидову геометрию, А. С. Пушкин – свои литературные шедевры, М. И. Глинка – русскую национальную оперу, К. И. Брюллов – картину «Гибель Помпеи». Однако экономические основы этого расцвета были недостаточно прочны. Хотя российская экономика находится на подъеме (растет экспорт хлеба в Европу и ситца в Азию), темпы ее роста значительно отстают от соответствующих показателей ведущих капиталистических стран Западной Европы.

В качестве рынка сбыта промышленных товаров и источника сырья Османская империя, особенно после англо-турецкого торгового договора 1838 г., оказалась более выгодным партнером для индустриальной Англии, чем Россия с ее политикой протекционизма.

Необходимо объяснить, что экономической подоплекой во многом объясняется тот факт, что именно в эти годы в Западной Европе наблюдается всплеск русофобии, включающей в себя избитый стереотип относительно извечной агрессивности России. Позже подобные идеи найдут благоприятную почву в Турции в среде османских интеллектуалов: так, например, крупный историк и государственный деятель Ахмед Джевдет-паша будет повторять мифы относительно фальшивого «Завещания» Петра I.

Революционное движение в Европе в 1848 г. и спасение Австрийской империи русскими войсками в 1848–1849 гг. укрепили провиденциалистские убеждения Николая I в том, что Россия является последним оплотом христианства. В этих условиях старый спор между католиками и православными за преимущест-

венные права в отношении Святых мест в Палестине, возобновленный по инициативе Наполеона III, приобрел метафизический характер межцивилизационного столкновения между Россией и Западом, в котором Османской империи отводилась второстепенная роль.

Таков был историко-культурный контекст, во многом объясняющий быструю кристаллизацию в русской общественной мысли второй половины XIX века особого историософского направления (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев), для которого было характерно представление о «служебной» функциональной роли османского владычества, в течение веков предохранявшего от посягательств Запада славянские народы Балканского полуострова и сохранившего Константинополь для «расцветающего» русского культурно-исторического типа.

Крымская война (1853–1856). Ее причины, ход и итоги. Парижский мирный договор 1856 г. Его последствия для русско-турецких отношений.

Крымская (Восточная) война началась вступлением русских войск в Дунайские княжества и уничтожением адмиралом П. С. Нахимовым турецкой военной эскадры в Синопской бухте 30 ноября 1853 г. 27 марта 1854 г. войну России объявили Англия и Франция. 3 июня вывода русских войск из Дунайских княжеств потребовала Австрия. В августе 1854 г. боевые действия были перенесены в Крым. 20 января 1855 г. к противникам России присоединилось Сардинское королевство. При осаде Севастополя турецкие войска выполняли в основном вспомогательные функции. Высшие офицерские должности в турецкой армии, как правило, занимали ренегаты – перешедшие в ислам польские и венгерские эмигранты-революционеры, либо английские «военные специалисты».

9 сентября русские войска оставили Севастополь. Боевые действия продолжались на Кавказском фронте: 28 ноября русскими был взят Карс. По многим показателям Крымская война

разительно отличалась от предыдущих кампаний: это была война на истощение противника. 13 февраля 1856 г. было заключено перемирие, а 30 марта в Париже был подписан мирный договор, в соответствии с которым была провозглашена нейтрализация Черного моря; кроме того, Россия утратила Южную Бессарабию.

В текст Парижского договора было включено упоминание о султанском указе, *Хатт-и хумаюне от 18 февраля 1856 г.*, провозглашавшем, в частности, свободу вероисповедания и правовое равенство мусульманских и немусульманских подданных османского султана, а также дававшим обязательства провести необходимые реформы. Таким образом, этот документ стал международным обязательством Турции, в соответствии с которым европейские державы, подписавшие Парижский трактат, фактически получили права вмешиваться во внутренние дела империи под предлогом защиты христиан, хотя формально такого права им не предоставлялось. После войны, в марте 1857 г., в Петербурге учреждается постоянное турецкое дипломатическое представительство (миссия, а с июля 1873 г. – посольство).

В 1871 г., после разгрома Пруссией сначала Австрии, а затем и Франции, Россия воспользовалась благоприятной международной обстановкой и добилась отмены нейтрализации Черного моря. По Лондонскому договору Россия получает право восстановить свой военно-морской флот и укрепить на черноморском побережье свои военно-морские базы; аналогичные права получает Турция.

Русское посольство в Константинополе при Н. П. Игнатъеве (1864–1876). Состав, деятельность, организация русской консульской сети в Турции. Турецкое посольство в Петербурге.

1871–1875 гг. – период русско-турецкого сближения. Большим влиянием в Константинополе в это время пользуется российский посланник (с 1867 г. – посол) Н. П. Игнатъев, поддерживающий династические планы султана Абдул-Азиза (1861–1876). При Н. П. Игнатъеве расширяется русская консульская сеть, к его приезду в Константинополь в 1864 г. уже насчитывавшая 30 учре-

ждений, из которых 22 находились в европейской части Османской империи. Среди османских посланников в Петербурге этого периода наиболее известен Халиль Шериф-паша, занимавший этот пост в 1861–1864 гг. Этот кузен египетского хедива и сторонник конституционной монархии впоследствии стал настоящей знаменитостью благодаря своей первоклассной коллекции картин французских художников.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Ее причины, ход и итоги. Вопрос о турецкой контрибуции. Восстания в Боснии и Герцеговине (1875), в Болгарии (1876), а также османский дефолт, частичный в октябре 1875 г. и полный в апреле 1876 г., привели к государственному перевороту в Константинополе: Абдул-Азиз был низложен, а затем убит. «Написанную под диктовку английского посла» турецкую конституцию 1876 г. и турецкий парламент, просуществовавший около года, в России расценили как комедию и бутафорию; такая же оценка в свое время была дана русской дипломатией Гюльханейскому *хатт-и шерифу* 1839 г. После того, как султанское правительство отвергло план реформ в христианских областях империи, выработанный на Константи-

В. В. Верещагин. Победители. 1878–1879

нопольской конференции Великих держав в декабре 1876 г. и на Лондонской конференции в марте 1877 г., Россия, заручившись нейтралитетом Австро-Венгрии и согласием Румынии на пропуск войск, 24 апреля 1877 г. объявила Турции войну. 18 ноября 1877 г. русские войска овладели Карсом, а 20 января 1878 г. войска генерала М. Д. Скобелева заняли Адрианополь. Ввод английской эскадры в Мраморное море вынудил Александра II (1855–1881) воздержаться от занятия Константинополя. 3 марта 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, чьи условия подверглись ревизии на международном конгрессе в Берлине. В соответствии с его решениями между Россией и Турцией был заключен Константинопольский мирный договор 2 февраля 1879 г.

По Берлинскому трактату 13 июля 1878 г. Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину. Получила независимость Румыния, на стороне России принявшая участие в боевых действиях против турок; ей также отошла Северная Добруджа. Была подтверждена независимость Сербии и Черногории. Северная Болгария стала автономным княжеством. Южная Болгария (Восточная Румелия) получила административную автономию в составе Турции. России была возвращена Южная Бессарабия. На Кавказе к России отошли Карс, Ардаган и Батум с округами.

На Турцию также была наложена контрибуция в 300 млн рублей, или, по тогдашнему курсу, 35 млн лир (802,5 млн франков), которую она по соглашению 1882 г. должна была выплачивать ежегодно в течение 100 лет. Россия вновь использовала контрибуцию как орудие политического воздействия на султана. Хронические задержки выплат использовались Россией с целью ограничить военные заказы Турции в Германии, а также для того, чтобы отодвинуть подальше от российских границ строительство железных дорог в Турции западными концессионерами.

После младотурецкой революции, когда объединенная Болгария объявила себя самостоятельным царством (1908), Россия и Турция заключили (21 декабря 1909 г.) договор, по условиям

которого Россия отказалась от получения в течение 40 лет взносов в счет этой контрибуции, а затем (после революции в России 7 ноября 1917 г.) пришедшие к власти большевики объявили об отказе от всех «аннексий и контрибуций».

За свои услуги в период войны 1877–1878 гг. Англия еще 4 июня 1878 г. добилась от султана Абдул-Хаида II (1876–1909) подписания конвенции об оборонительном союзе, в соответствии с которой оккупировала Кипр. Эта «оборона» привела в дальнейшем к английской оккупации Египта в 1882 г. и к поддержке Англией болгарской аннексии Восточной Румелии в 1885 г. Это воссоединение Болгарии не сразу было признано Россией; в 1886 г. произошел разрыв российско-болгарских отношений, что способствовало ослаблению панславистских иллюзий в российском обществе.

Изучение Османской Турции в России. Основные научные центры, проблематика. Русские культурные и образовательные учреждения в Стамбуле. Торговые трактаты России с Турцией 1846 г. и 186 г. Укрепление экономического влияния России в Османской империи перед Первой мировой войной. Деятельность в Османской империи турков-мусульман, эмигрировавших из Российской империи. Пропанганда идей пантюркизма и панисламизма.

Развитие университетского востоковедного образования сопровождалось поездками русских востоковедов в Османскую Турцию, по результатам которых в различных периодических изданиях время от времени появлялись очерки – своего рода отчеты об этих командировках (В. В. Григорьев, И. Н. Березин, В. Д. Смирнов, В. А. Гордлевский и др.). Однако число подобного рода публикаций было невелико. Настоящих профессионалов-знатоков Турции в России в XIX в. можно было пересчитать по пальцам. Помимо В. Д. Смирнова – создателя отечественной османистики, можно назвать имя О. И. Сенковского, а также И. П. Липранди, собравшего первоклассную библиотеку о Турции, которая в 1856 г. была куплена для библиотеки российского Генерального штаба.

В России в условиях большого спроса на профессиональную литературу востоковедной тематики любопытным феноменом литературной и общественной жизни стал рост числа переводной, в первую очередь английской, специальной литературы, посвященной Восточному вопросу. Переводили также иноязычные труды по этнографии Османской империи – здесь можно назвать ряд работ Осман-бея (Ф. Миллингена), книги А. Вамбери, в первую очередь – его «Очерки жизни и нравов Востока», «Турецкие анекдоты» и мемуары М. С. Чайковского (Садык-паши) и др. Одной из первых русских работ в этом жанре стала книга И. И. Голобородько «Старая и новая Турция» (1908 г.).

Тогда же появились первые публикации о Турции, авторами которых были русские женщины. Наблюдательный женский взгляд на жизнь в Османской Турции в середине 1870-х годов представлен в записках Е. А. Рагозиной «Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг.», напечатанных в 1910–1917 гг. Портреты ряда деятелей младотурецкой революции даны в очерках корреспондента газеты «Речь» в Стамбуле в 1911–1912 гг. А. В. Тырковой (псевдоним: А. Вергежский). Впоследствии они были переработаны и собраны в отдельное издание «Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе» (1916). Выдающаяся роль в пропаганде русской литературы в Турции в 1880–1890-х гг. принадлежит переводчице и общественному деятелю О. С. Лебедевой (псевдоним: Гюльнар-ханум).

Наряду с научной ориенталистикой в России в это время развивалось прикладное востоковедение. В этой сфере были достигнуты большие успехи. В 1871 г. завершил свой перевод Корана с арабского оригинала на русский язык первый драгоман российского посольства в Константинополе в 1864–1870 гг. Д. Н. Богуславский. Долгие годы этот перевод оставался в рукописи, и его роскошное издание вышло Петербурге только в 1995 г. (Коран / Перевод и комментарии Д. Н. Богуславского. Публикатор Е. А. Резван, при участии А. Н. Вейрауха). Особо следует отме-

тить труды русского офицера П. П. Цветкова, прослужившего в Османской Турции с 1904 по 1909 г. Во-первых, его «Шариат и суд (Вещное и обязат. право): Пер. применяемого в Оттоман. Империи гражданского свода (Мэджеллэ)» / с тур. перевел и снабдил комментариями П. Цветков. Т. 1.-3. Ташкент, 1911–1912, и, во-вторых, его четырехтомный «Исламизм», вышедший в Ашхабаде в 1912–1913 гг. (переиздание: М., 2011. Т. 1–2).

Русско-турецкие экономические и культурные связи в XIX – начале XX в. Послевоенные русско-турецкие отношения в целом развивались достаточно стабильно, в частности, увеличивался товарооборот – в основном за счет российского экспорта в Турцию. Торговые трактаты России с Турцией 1846 и 1862 гг. меняли таможенные тарифы, но всегда подтверждали льготы российским купцам, предоставленные еще по торговому договору 1783 г.

При анализе развития русско-турецких экономических отношений в указанный период преподавателю следует подчеркнуть, что хотя торговый договор 1862 г. был заключен сроком на 14 лет, он фактически оставался правовой базой русско-турецких экономических связей вплоть до Первой мировой войны. Расширяло свою деятельность созданное в 1856 г. Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), осуществлявшее торговые, пассажирские и почтовые перевозки между российскими черноморскими портами и основными портами Османской империи. При активном российском торговом балансе обороты с Турцией занимали около 2–2,5% в экспорте и 1–1,3% в импорте. В турецкой внешней торговле Россия занимала 5–6-е место в импорте и 8–9-е место в вывозе из Турции. В Турцию Россия ввозила зерно, муку, керосин, лес, сахар, спирт, галоши, металлоизделия, скот, хлопчатобумажные ткани; вывозила – фрукты, орехи, дубильные вещества, кожи, ковры и табак.

После поражения в войне с Японией (1904–1905) и первой русской революции (1905–1907) Россия была принуждена заключить в 1907 г. соглашение с Англией, в результате которого рос-

сийское политическое влияние в Иране и в Турции существенно уменьшилось. В качестве нового явления в истории двусторонних отношений нужно отметить приток мусульманских интеллектуалов и политиков, эмигрировавших из России после поражения российской революции, который способствовал росту популярности идей панисламизма и пантюркизма в Османской империи (пример: журнал «Тюрк юрду»).

Культурное влияние России в Турции на рубеже XIX–XX вв. было весьма слабым. В Константинополе с 1894 г. функционировал Русский археологический институт (первый директор – Ф. И. Успенский), одна русская пятиклассная школа (учреждена в 1892 г.), Николаевская больница (открыта в 1874 г.) и несколько монашеских подворий. Сравнительно успешной была деятельность Императорского православного палестинского общества, созданного в 1882 г.

В российских правительственных кругах постепенно происходит осознание того факта, что «осуществление исторических задач России» невозможно без укрепления экономического влияния в Османской империи. В целях содействия русскому экспорту в 1910 г. в Стамбуле и Смирне при генеральных консульствах были открыты специальные торговые комитеты. В октябре 1913 г. был выработан проект экономического соглашения между Россией и Турцией, представлявшего собой копию франко-турецкого экономического соглашения 1913 г. Одновременно разрабатывались вопросы проникновения российского капитала в банковскую сферу и приобретения концессий на разработку полезных ископаемых в Турции. Особенное внимание уделялось восточным вилайетам Турции. Совместно с другими европейскими державами Россия выступала за проведение султанским правительством реформ в отношении армянского населения Османской империи. В результате 8 февраля 1914 г. по армянскому вопросу было подписано специальное русско-турецкое соглашение.

Первая мировая война. Армянский геноцид 1915 г. Действия русских войск на Кавказском фронте. Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. Аннулирование (20 сентября 1918 г.) советским правительством Брест-Литовского мирного договора в части, касающейся Турции.

Фактически Османская империя вступила в Первую мировую войну 29 октября 1914 г. после нападения германо-турецкого флота на российские черноморские города. Формально Турция объявила войну России, Англии и Франции 11 ноября 1914 г. Начало войны ознаменовалось массовым изгнанием и избиением армян в 1915 г., когда погибли сотни тысяч человек (следует отметить, что Армянский геноцид до сих пор отрицается Турцией, но признан многими странами мира, в том числе РФ). В ходе войны русские войска на Кавказском фронте к 1916 г. овладели городами Эрзурум, Эрзинджан, Байбурт, Трабзон и др. Еще в марте-апреле 1915 г. между союзниками было заключено соглашение о том, что после победоносного окончания войны Константинополь и проливы отойдут к России, однако революция в России изменила ход событий. 3 марта 1918 г. советским правительством был заключен Брест-Литовский мирный договор. Однако 20 сентября 1918 г. он был аннулирован в части, касающейся Турции.

В заключение данной темы следует отметить, что наряду с культурно-мессианскими, продолжающими линию Данилевского, Леонтьева и Достоевского, в российском обществе предвоенного периода уже имели место «цивилизаторские» подходы к Османской империи, отражавшие другие идейные течения и носившие империалистический характер. Эти подходы получили свое крайнее воплощение в фигуре П. Н. Милюкова, который в годы Первой мировой войны заработал красноречивое прозвище «Милюков-Дарданелльский», а затем прославился своим неологизмом «Азиопа». Таким взглядам было абсолютно чуждо религиозно-мистическое отношение к Константинополю, и про-

блема византийского наследства сводилась к вопросу контроля над проливами, в основе которого лежали даже не столько геополитические соображения, сколько экономические интересы растущего российского торгово-промышленного класса.

Исторически развитие русского мира шло через этапы противопоставления и присвоения двух Востоков: внутреннего и внешнего. Освоение «Востока внутреннего» привело в конечном счете к созданию русской цивилизации в ее телесной евразийской ипостаси. Постигание «Востока внешнего» шло в рамках Восточного вопроса, вся история которого, по определению Ф. М. Достоевского, «есть история нашего самознания». Своего разрешения Восточный вопрос не получил, вследствие чего был оборван процесс становления отдельного русского культурно-исторического типа. Тем не менее в имперский период российской истории этот процесс зашел уже настолько далеко, что в настоящее время характеристика России как особого исторического мира (самобытной цивилизации) вряд ли у вызовет кого-либо серьезные возражения. Таким образом, изучение истории взаимоотношений двух цивилизаций, русско-православной и мусульманской в ее османском изводе, по-прежнему остается актуальной исследовательской проблемой.

В качестве базовой научной литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

- Базили К. М.* Очерки Константинополя. Босфор и новые очерки Константинополя. М., 2006.
- Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
- Желтяков А. Д.* Русско-турецкие культурные связи // Россия и Восток. СПб., 2000.
- Жуков К. А.* Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006.

- Жуков К. А. И. А. Зиновьев (1835–1917): магистр восточной словесности и российский посол в Константинополе // Россия и тюркский мир. Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. СПб., 5–7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. СПб., 2007.
- Жуков К. А. Вестернизация османского общества глазами польского ренегата: «Турецкие анекдоты» Михаила Чайковского (Садык-паши) // Христианство и русская литература. Сборник 6-й. СПб. 2010.
- Жуков К. А. Формирование представлений об Османской империи в России в XVIII – начале XX в. // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 1.
- Жуков К. А., Фетисенко О. Л. Русские, турки и греки в 1834 г. (по материалам путевого дневника М. П. Вронченко «Записки русского путешественника в Малой Азии») // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб., 2013. – («Россия – Запад – Восток»: Литературные и культурные связи; вып. 1).
- Иванов С. М. Из истории русско-турецкой торговли в XVII – начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. Сб. ст. М., 2000.
- Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982. 2-е изд.
- Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.
- [Муравьев Н. Н.] Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н. Н. Муравьева (Карсского). М., 1869.
- Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.; Л., 1937.
- Петросян Ю. А. Российская историография Османской империи. XVIII–XX вв. СПб., 2012.
- Сенюткина О. Н. Тюркизм как историческое явление (на мате-

- риалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007.
- Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). М., 1985.
- Хевролина В. М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н. П. Игнатъев // Новая и новейшая история. 2003. № 3.
- Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
- Шеремет В. И. К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII – начале XIX в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2. Л., 1968.
- Шерих Д. Ю. Турецкий Петербург. Из истории российско-турецких отношений. М., 2012.
- Татищев С. С. Внешняя политика Николая Первого. Введение в историю внешних сношений с Россией в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887.
- Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000.
- Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.
- Forsén B., Zhukov K. War and peace: some rarely used Russian and Finnish sources for the history of Russo-Turkish relations in the nineteenth century // Saint-Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2012. Vol.1.

История русско-турецких отношений в советский период (1917–1991 гг.)

Советская помощь кемалистской Турции и ее значение для национально-освободительной борьбы турецкого народа. Письмо Мустафы Кемали В. И. Ленину от 26 апреля 1920 г. Установление дипломатических отношений. Военно-дипломатическая миссия М. В. Фрунзе. С. И. Аралов и его воспоминания. Московский

договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г. между Советской Россией и кемалистской Турцией (Правительством Великого национального собрания Турции). Его значение в настоящее время. Отношения РСФСР/СССР и Турции во время Лозаннской конференции (1922–1923 гг.). Договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией от 17 декабря 1925 г.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 14

Турецкая Республика – национальное государство с центром в Анкаре – появилась на карте после окончания Первой мировой войны в результате распада Османской империи и победы национально-освободительного движения турецкого народа против стран Антанты. Основателем нового государства и его бессменным лидером стал Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938). Официально начало отношениям с Советской Россией положило письмо Мустафы Кемаля Ленину от 26 апреля 1920 г. с просьбой о помощи «для совместной борьбы против империализма».

*Мустафа Кемаль Ататюрк
(1881–1938)*

Важность советской помощи для окончательной победы кемалистов трудно переоценить: уже с осени начались поставки оружия и боеприпасов (всего за 1920–1922 гг. было поставлено около 40 тысяч винтовок, 324 пулемета и 66 орудий, миллионы патронов и десятки тысяч снарядов), а также денежных средств (10 млн рублей золотом).

Преподаватель должен сделать акцент на количественном выражении военно-технической помощи, поскольку и в западной, и в турецкой историографии по

идеологическим соображениям существовала тенденция замалчивания этих цифр.

Московский договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г. между Советской Россией и кемалистской Турцией (Правительством Великого национального собрания Турции) установил новые границы между государствами (возврат Карса, Ардагана и Артвина) и определил основные принципы взаимоотношений.

Следует подробно проанализировать статьи и подчеркнуть значение этого договора, поскольку он продолжает действовать по настоящее время и определяет принципы двусторонних отношений. Военно-дипломатическая миссия М. В. Фрунзе в Турцию. Заключение в 1922 г. договора между Турцией и УССР. Полномочный представитель РСФСР/СССР в Турции в 1922–1923 гг. С. И. Аралов и его воспоминания. Начальный период становления отношений между Советской Россией и Турцией представлен не только официальными документами и отчетами и мемуарами дипломатов, но также материалами другого рода. Например, летом-осенью 1922 г. в Турции побывал известный художник Е. Е. Лансере. Итогом этой поездки стала его книга «Лето в Ангоре. Рисунки и заметки из дневника поездки в Анатолию летом 1922 г.» (Л., 1925). **Преподавателю рекомендуется использовать это издание в качестве дополнительного иллюстративного материала.**

Следует также упомянуть о мемуарах бывшего турецкого посла в Москве Али-Фуада (пропагандистская помощь большевикам со стороны кемалистов при подавлении Кронштадтского мятежа 1921 г.). Особая тема – белая эмиграция в Стамбуле (свыше 130 тыс. человек). Отношения РСФСР/СССР и Турции во время Лозаннской конференции в 1922–1923 гг. **(выявить причины расхождения позиций).** Договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Турецкой Республикой от 17 декабря 1925 г. Договор о торговле и мореплавании 1927 г.

1930-е годы – «Золотой век» советско-турецких отношений. Приезд в Москву турецкой делегации во главе с премьер-министром Исметом (1932 г.). Визит советской делегации во главе с К. Е. Ворошиловым в Турцию в 1933 г. на празднование десятилетия Турецкой Республики. Пятилетняя программа развития Турции (1934 г.).

Экономическое сотрудничество. Контакты в области культуры. Фильм С. Юткевича «Анкара – сердце Турции». Особенности советской и турецкой индустриализации и «культурной революции». Этатизм и секуляризм/лаицизм как компоненты идеологии кемализма. Конвенция Монтре о режиме проливов (1936 г.)

Развитие экономического сотрудничества: советский беспроцентный кредит (8 млн долларов золотом на 20 лет), покрывший треть всех государственных расходов на реализацию первого турецкого пятилетнего плана; строительство «Туркстроем» современных текстильных комбинатов в Кайсери и Назилли в 1934–1937 гг. (с одновременной профессиональной подготовкой специалистов), позволившее Турции отказаться от импорта текстиля; помощь в создании национального Центрального банка, позволившего Турции отказаться от услуг англо-французского Османского банка. Контакты в области культуры: взаимные поездки писателей (Л. Сейфуллина, П. Павленко, Фалих Рыфкы Атай), ученых (П. М. Жуковский, академики Марр и Самойлович, Мехмед Фуад Кепрюлю-заде). **Особое внимание надо уделить** документальному фильму С. И. Юткевича «Анкара – сердце Турции», который полностью посвящен официальному визиту советской правительственной делегации в Стамбул и в Анкару осенью 1933 г. (К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный и др.) на празднование десятилетия Турецкой Республики. **Рекомендуется предварительный просмотр этого фильма студентами (с использованием интернет-ресурсов) с последующим анализом в аудитории.** Особенности советской и турецкой индустриализации и «культурной революции». Этатизм и секуляризм/лаицизм как

компоненты государственной идеологии кемализма. Советские дипломаты в Турции: С. И. Аралов, В. П. Потемкин, Г. А. Астахов (псевдонимы: Г. Гастов, Ю. Тишанский), Я. З. Суриц, Л. М. Каракан. Конвенция Монтре о режиме проливов 1936 г. (рассмотреть позиции СССР и Турции).

Следует подробно проанализировать содержание и подчеркнуть значение этого международного документа, поскольку он действует до сих пор. Попытки США пересмотреть эту конвенцию встречают сопротивление РФ и Турции. Конвенция Монтре отвечает взаимным интересам РФ и Турции и в настоящее время является стабилизирующим фактором в черноморском регионе.

Охлаждение советско-турецких отношений в последний год жизни Ататюрка (причины). Закрытие в 1938 г. советских консульств в Измире и Карсе, турецких – в Баку, Ереване и Ленинграде.

Советско-турецкие отношения в годы Второй мировой войны. Особенности турецкого нейтралитета. Германское влияние в Турции. Активизация деятельности пантюркистов. Советская разведка и покушение на германского посла в Турции. Причины денонсации СССР в 1945 г. Договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией 1925 г. (нарушение Турцией конвенции Монтре, концентрация турецких войск у советской границы летом и осенью 1942 г.). Территориальные претензии СССР к Турции. Антисоветская пропаганда в Турции. **При рассмотрении истории советско-турецких отношений в период Второй мировой войны преподаватель должен стремиться к объемной подаче учебного материала, представляя на рассмотрение позиции обеих сторон.**

Турция в Западном блоке: НАТО (1952 г.), Багдадский пакт/СЕНТО (1955 г.). Заявление советского правительства об отсутствии территориальных претензий к Турции (1953 г.). Советско-турецкие отношения в период правления Демократической партии (1950–1960). Военный переворот в Турции в 1960 г. Воз-

рождение государственного планирования в Турции (пятилетние планы).

Советско-турецкие отношения в 1960–1980-е гг. Экономическое сотрудничество (советская помощь в кредитовании и строительстве «флагманов» турецкой индустрии). Необходимо сделать особый акцент на тех конкретных экономических проектах, которые заложили базу для продолжения двустороннего сотрудничества уже в новый постсоветский период. Великий турецкий поэт Назым Хикмет в СССР. Контакты в области культуры (бум в области перевода художественной литературы). «Афганский синдром» в двусторонних отношениях в 1980-е гг.

В качестве базовой литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

- Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата, 1922–1923. М., 1960.
- Гасанова Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции. Баку, 1966.
- Еремеев Д. Е. Становление Республиканской Турции (1918–1939). М., 2004.
- Еремеев Д. Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.
- Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007.
- Никулин Л. Стамбул, Анкара, Измир. М., 1935.
- Павленко П. Стамбул и Турция (1927). М., 1932. 2-е изд.
- Родионов А. А. Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. М., 2006.
- Сейфуллина Л. В стране уходящего ислама. Поездка в Турцию. Л., 1925.
- Тишанский Ю. По новой Турции. М., 1933.
- Утургаури С. Н. Белые русские на Босфоре: 1919–1929. М., 2013.
- Armağan M. Petersburg'da Osmanlı izleri. İstanbul, 2006. 2-cibaskı.

Российско-турецкие отношения в постсоветский период

Новые тенденции в российско-турецких отношениях в 90-е годы XX – 10-е годы XXI в. Факторы, определяющие эти тенденции. Распад СССР и его последствия. Трудности на пути установления стратегического партнерства. Разнонаправленность геополитических интересов. Реисламизация турецкого общества. История вопроса: возобновление деятельности запрещенных кемалистами тарикатов (накишбенди и др.), появление новых (нурджу). Идеи шейха Саида Нурси и Фетхуллага Гюлена. История возникновения и политика правящей Партии справедливости и развития («умеренные исламисты»). Укрепление военно-экономического потенциала Турции. Турецкая армия и политика: перемены в XXI в. Поправки и изменения в конституцию Турецкой Республики, внесенные в 1990–2010-е гг. Фактический отход от основных принципов кемализма (этатизм, секуляризм).

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 15

Распад СССР привел к новым тенденциям в российско-турецких отношениях в 1990-х гг. как в политической, так и в экономической сферах. Экономические связи к концу этого периода успешно преодолели путь от «времени челноков» («баульная торговля») до осуществления крупных инвестиционных проектов. Анализируя достигнутые успехи в двусторонних экономических связях, преподаватель должен отметить, что предпринимаемые в XXI в. попытки установить многогранное стратегическое партнерство в отношениях между двумя странами (с опорой на взаимодополняемость экономик) наталкиваются на существование объективных разнонаправленных геополитических интересов. Эти две тенденции выражаются в формуле «друзья-соперники»:

1) Евразийское сотрудничество: экспорт российской нефти, газопроводы (построенный «Голубой поток» и планируемый «Турецкий поток»), соглашение о строительстве АЭС в Аккую (цена реализации проекта 20 млрд долл.), совместная реконструкция промышленных предприятий, построенных при содействии СССР в Турции, например: Искендерунского металлургического комбината (100% акций нового производства мощностью 2,5 млн т. листового проката в год принадлежат Магнитогорской металлургической компании), участие «Техностройэкспорта» в строительстве высотной плотины и ГЭС «Деринер» на р. Чорох (100 млн долл.) Турецкие инвестиции в РФ: подрядные строительные работы (например, терминалы «Шереметьево-3» и «Пулково-3»), строительство промышленных предприятий (бытовая техника, стройматериалы, предприятия химической, легкой и пищевой промышленности), торговые сети («Рамстор»), сотрудничество турецких инвесторов с ОАО «Особая экономическая зона промышленно-производственного типа *Алабуга*» в Татарстане) и др. Увеличение взаимного товарооборота (в 2011 г. – 31,8 млрд долл.; РФ занимает 2-е место среди внешнеторговых партнеров Турции, а Турция занимает 7-е место во внешнеторговом обороте России; заявленная стратегическая цель – выход двустороннего товарооборота на объем в 100 млрд долларов в год), развитие туристического бизнеса (в последнее время ежегодно Турцию посещают более 3 млн российских туристов).

2) Евразийское соперничество: строительство и проектирование «альтернативных» нефте- и газопроводов через территорию Турции (БТД, «Набукко», TANAP), железнодорожная линия Карс–Тбилиси и ее значение в завершении строительства нового транспортного евразийского коридора – «Нового Великого шелкового пути» в обход РФ (конкуренция Транссибу). Споры вокруг режима торгового судоходства в проливах (Регламент 1994 г. и его изменение в 1998 г.).

Необходимо также дать общий фон, в контексте которого развиваются двусторонние связи на современном этапе. Некоторое ослабление военной и экономической мощи России в нулевые годы происходило на фоне динамично развивающейся турецкой экономики и укрепления военно-технического оснащения турецкой армии. Преподаватель должен упомянуть, что укрепление военно-экономического потенциала Турции в нулевые годы XXI в. в шло в условиях интенсивной реисламизации турецкого общества. История вопроса: возобновление деятельности запрещенных кемалистами тарикатов (накшибенди и др.) и появление новых (нурджу). Идеи шейха Саида Нурси и Фетхуллаха Гюлена. История возникновения и политика правящей Партии справедливости и развития («умеренные исламисты»). Тандем премьер-министра Р. Т. Эрдогана и президента А. Гюля. «Зеленый капитал» в Турции. Турецкая армия и политика: перемены XXI в. Поправки и изменения в конституцию Турецкой Республики, внесенные в 90-е годы XX – 10-е годы XXI в. Фактический отход от основных принципов кемализма (этатизм, секуляризм).

Политика правящей Партии справедливости и развития по Курдскому вопросу. Северокавказская (черкесская) диаспора в Турции и ее роль. Проблема международного терроризма в двусторонних отношениях (деятельность чеченских сепаратистов и Рабочей партии Курдистана). Кипрский вопрос после принятия Республики Кипр (Южного Кипра) в ЕС в 2004 г. Связи Турции с бывшими тюркскими республиками СССР. Отношения с Азербайджаном (лозунг: одна нация – два государства). Попытки установить свое лидерство в тюркском мире. Создание при турецком МИДе Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию (ТИКА) в 1992 г. Его деятельность. Особые отношения Турции с Татарстаном и Башкортостаном. Действия властей РФ в отношении организаций под патронатом Гюлена, а также других турецких фондов на территории РФ. Иракская и сирийская проблемы. Особое внимание следует уделить новой турецкой внеш-

неполитической доктрине «неоосманизма», впервые озвученной в 2005 г. Рекомендуется проанализировать российскую и турецкую позиции по этим и другим внешне- и внутривосточным вопросам, выявив сходство и различие.

В заключение следует привести существующие прогнозы относительно развития РФ и Турции на ближайшую перспективу. Турция: экономические и демографические прогнозы к 2030 г. (ежегодный рост ВВП в этот период выше среднемирового уровня, увеличение численности населения до 100 млн человек).

В качестве базовой литературы методического и справочного характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

Еремеев Д. Е. Турция на рубеже XX и XXI веков (1991–2007). М., 2007.

Зиганишин М. К. Россия и Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству (2001–2006). Бишкек, 2007.

Зиганишина Г. М. Ислам во внешнеполитической жизни Турции (1980–2000-е гг.). Москва–Бишкек, 2007.

Кизюков С. В. Внешнеполитические концепции Республиканской Турции: экспансионизм или самоизоляция. Бишкек, 2006.

Киреев Н. Г. Проблемы утверждения в Турции светской модели общества / От Стамбула до Москвы. Сб. ст. в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003.

Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003.

Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014.

Цибенко (Иванова) В. В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (нурджулар) // Сектоведение. Минск, 2014.

http://www.turkey.mid.ru/hron_r.html //Посольство РФ в Турции. Текущая хроника двусторонних отношений России и Турции.

Часть III
РОССИЯ И ИРАН

СПбГУ

Слбгу

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ – 16

При рассмотрении истории российско-иранских отношений московского и имперского периодов российской истории преподавателю следует: 1) ввести эту тему в мировой историко-культурный и географический контексты; 2) показать необходимость изучения этой темы для понимания современной политической ситуации на Среднем Востоке.

В качестве основной научной литературы методического характера по означенным проблемам могут быть рекомендованы следующие публикации:

Россия и Восток. Программы и методические указания. СПбГУ, 1996.
Васильев Л. С. История Востока. В 2 т. М., 1993.

История российско-иранских отношений в XVI – нач. XVIII в.

Эпизодические контакты торгового и политического характера сопровождали историю отношений России и Ирана на протяжении всего периода обозримого прошлого. Регулярные дипломатические и торговые связи между Российским и Иранским государствами в эпоху достоверной истории были установлены с приходом к власти в Иране династии Сафавидов (1502–1736). Самый известный монарх новой династии – Аббас I (1587–1629), прозванный впоследствии Бозорг (Великий), проводил политику,

направленную на создание сильной державы с опорой на древние богатые традиции иранской государственности. Основным внешним врагом шиитского Ирана в это время выступала суннитская Османская империя, войны с которой велись за стратегически важные территории и торговые пути. В борьбе с Турцией Аббас I стремился опереться не только на внутренние силы, но и заручиться поддержкой иностранных государств, противников экспансионистских планов Высокой Порты.

К этому времени Россия, обретя своего первого царя в лице Иоанна IV Грозного (1547–1584), завоевав Казань (1552) и покорив Астрахань (1556), увеличила славу своего оружия настолько, что многие правители искали ее благорасположения вплоть до добровольного перехода под ее власть, подобно князьям пятигорских черкесов (1554). Помимо политических мотивов у персидского шаха появился и известный экономический интерес к северному соседу после открытия английскими купцами морского пути в Россию через Белое море (1553). Последнее событие открыло новый этап в отношениях Ирана с Европой, заинтересованной в установлении торговых отношений с Ираном, минуя Османскую империю. После успешных действий русских против крымских татар в 1559 г. в Москву потянулись среди прочих послы удельных иранских правителей с дарами и просьбами разрешить торговлю с Россией и транзит товаров в Европу.

При описании экономической составляющей взаимного интереса преподавателю необходимо акцентировать внимание учащихся на то, что приоритетной в российско-иранских отношениях данного периода оставалась все же политическая – «турецкая» проблема.

В 1589 г. ко двору царя Феодора Иоанновича (1584–1598) прибыло иранское посольство с обещаниями передать России Баку и Дербент, если Россия отобьет эти города у турок. Очевидно, что власть православного русского царя над этими territori-

ями рассматривалась иранскими монархами-шиитами в качестве меньшего зла, чем правление турецкого султана-суннита.

Иран, терпя тяжелые поражения от Турции, был крайне заинтересован в союзе с Россией. Россия, желая помочь кавказским христианам, притесняемым турками более, чем иранцами, подавала надежды европейским державам и Ирану на создание антитурецкой коалиции и рассчитывала при помощи Ватикана и австрийского двора заключить мир с Польшей на выгодных условиях. Европейцы надеялись, что Россия отвлечет Турцию от Венгрии, где император Рудольф II (1552–1612) с трудом сопротивлялся турецкой армии. Шахский данник царь Кахетии Александр II (1574–1605) полагал, что Россия удержит турок от притеснения грузин скорее, чем нерегулярное иранское войско, и присягнул русскому царю.

При известном прагматизме российско-иранских связей в рассматриваемый период стоит отметить интенсивность дипломатических контактов и уважение, которое обе стороны проявляли друг к другу. Отправленный в 1588 г. в Иран посланник Григорий Борисович Васильчиков вез с собою царские грамоты на имя шаха Мухаммада «Ходабанде», поскольку в России еще не было известно о приходе к власти его сына Аббаса I. Посольство узнало о смене шаха уже в Иране. Поскольку возвращаться за новыми грамотами не было возможности, посол переписал грамоту на имя Аббаса I и привесил к ней печать от запасной грамоты.

Главная задача посольства заключалась в упрочении российских владений на Кавказе и получении подтверждения намерения иранцев уступить Дербент и Баку в случае их освобождения от турецких войск.

Стоит обратить внимание слушателей на то, что в нарушение придворного этикета и иранских традиций Аббас I отменил положенное для всех послов целование туфли шаха и согласился соблюсти обычай русского царя возлагать руку на голову посла по завершении его речи.

В это время при персидском дворе находились турецкие послы с предложениями султана о мире и обещаниями вернуть все завоеванные территории за исключением Ширвана, Шемахи, Баку и Дербента при условии заключения брака между султаном и сестрой шаха. Тем не менее Аббас I подтвердил все обещания, данные России, и отправил вместе с Васильчиковым ответное посольство в Москву.

Начиная с 1589 г. Россия и Иран регулярно обменивались посланниками и гонцами. Иранцы чаще отправляли своих официальных и полуофициальных представителей, которые совмещали дипломатию с торговлей.

Вслед за посольством князя А. Д. Звенигородского (1594), который обсудил с иранцами совместные действия против турок и освободил из-под залога грузинского князя Константина, в Иран было отправлено посольство князя В. В. Тюфякина и дьяка С. Емельянова. Посол умер при пересечении Каспийского моря, а на персидской земле скончался дьяк Емельянов, на месте смерти которого шах распорядился поставить каменную гробницу. Оставшихся в живых членов миссии было решено доставить ко двору. В результате эпидемии неизвестной болезни по дороге скончалось еще 38 человек. Уцелевшие были людьми простыми и не облеченными полномочиями, однако шах усадил их на места более почетные, чем те, на которых сидели находившиеся при дворе грузинские и бухарские послы.

Россияне, не имевшие в отсутствие посла и его заместителей права вручать грамоты шаху, стали утверждать, что посол перед смертью сжег их. Шах потребовал грамоты под угрозой вернуть все царские подарки и выслать посольство из Персии. Россияне позволили иранцам найти часть грамот, после чего посольство с почетом отпустили в Москву.

Преподавателю необходимо упомянуть, что по мере укрепления на престоле Аббас I реформировал страну, усиливал влияние в регионе и менял внешнюю политику. Из своей

новой столицы, Исфахана (с 1598 г.), расположенного подальше от границ с Турцией и Россией, иранский монарх настороженно смотрел на усиление России на Кавказе и подстрекал своих кавказских вассалов на агрессивные действия (задержание и ограбление посла Петра Неелова шавкальским ханом в 1600 г.).

Прибывший в 1600 г. ко двору Бориса Годунова (1598–1605) Пергули-бек требовал от России снести военный городок на р. Койсу, простить шавкальского хана и не пытаться переманить его в российское подданство. В Иран дошли слухи о непрочности власти нового царя, и ответному посольству А. Ф. Жирового-Засекина, Т. В. Засецкого и дьяка И. Шарапова было поручено разъяснить, что Годунов вззошел на престол по завещанию предшественника.

Преподавателю следует обратить внимание на то, что охлаждению русско-иранских отношений в это время способствовала переменчивая политика грузинских царей. Царь Кахетии искал покровительства России, но хотел расположить турецкого султана и иранского шаха, и отправил каждому в залог сыновей. Его преемник Давид, «готовый присягать каждому»¹, в 1602 г. целовал крест на верность русскому царю в присутствии послов И. Нащокина и И. Леонтьева.

Аббас I Великий
(1587–1629)

¹ [Броневский С. М.] Историческая Выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне. Изд., пред., указ. И. К. Павловой. СПб., 1996. С. 41.

Аббас I надеялся на антитурецкий военный союз и в 1600 г. отправил в Москву посольство во главе с Хусайн-Али-беком и англичанином А. Шерли, которое затем проследовало в империю Габсбургов, Германию, Ватикан и Испанию.

В заключение следует особо отметить, что основной темой русско-иранских отношений в области торговли являлось возрождение транзита через Россию европейских и иранских товаров. При Иоанне IV А. Дженкинсон, сопровождавший британского посла Ченслера, отправился из Москвы в Бухару (1558–1559), а затем по Волго-Каспийскому пути – в Иран (1561–1563), после чего на некоторое время был налажен вывоз иранского шелка в Европу через Россию. Транзит прекратился из-за незаинтересованности сторон в «русском пути» и отсутствия организованного русского торгового капитала.

Россия и Иран в период Смутного времени.

«Хождение» Ф. Котова.

Российско-иранские отношения в XVII в.

При изучении этой темы преподавателю следует обратить внимание на следующие важные обстоятельства:

Со вступлением России в период Смутного времени отношения с Ираном прекратились. Иранское посольство амира Али-бека было задержано под Москвой и ограблено войсками Лжедмитрия II. Впоследствии по приказу В. Шуйского посольство отправили до весны 1613 г. на жительство в Нижний Новгород. С установлением власти новой династии иранцев пригласили в Москву, где их принял царь Михаил Федорович (1613–1629). По прошествии пяти лет с момента отправки иранцев в Москву международная обстановка и внутривластное положение в обеих странах изменились настолько, что задачи, стоявшие перед амиром Али-беком и его людьми, перестали быть актуаль-

ными. В 1612 г. Иран победоносно завершил войну с Османской Турцией и заключил удачный мирный договор в то время, когда Россия после десятилетия потрясений и иностранной интервенции находилась в состоянии разрухи. Посольство ограничилось восстановлением отношений, признало законность Романовых и повезло шаху доклад о плачевном состоянии российских дел. Из Москвы отправили ответное посольство во главе с М. Н. Тихоновым (Тихоновым).

Преподаватель должен акцентировать внимание на том факте, что историки неоднозначно оценивают российскую политику Аббаса I в период Смутного времени. Ослабевшее Московское государство все еще было велико и людно, шах старался поддерживать традиционные дружественные связи с русскими. При этом Аббас I, несомненно, пытался увеличить авторитет Ирана с учетом изменившейся международной обстановки. Питая искреннее расположение к царю Михаилу Федоровичу, шах часто отправлял послов с ценными дарами. В марте 1625 г. иранский посол привез в Москву в дар от шаха Аббаса I Ризу Христову.

Торговые отношения в этот период развивались медленно. Русские купцы редко отправлялись в Персию, посредниками чаще выступали закавказские торговцы. Московское государство, узаконившее статус шахских купчин с различными льготами и привилегиями с 1616 г., чувствовало себя уязвленным тем, что шахский двор всячески уклонялся от аналогичных обязательств по отношению к русским и предоставлял торговые льготы другим иностранцам (шахский указ от октября 1616 г. о льготах Ост-Индской компании). Некоторое оживление торговли по Волго-Каспийскому пути намечилось в 20-е годы XVII в. Самым заметным событием со времен знаменитого путешествия в 1471–1474 гг. Афанасия Никитина стала поездка в 1623–1624 гг. по царскому указу «купчины московского гостя Федота Афанасьева сына Котова, а с ним в товарищах 8 человек», которые

«ходили за море в Персицкую землю в купчинах з государевой казною» и, благополучно вернувшись, сообщили множество разнообразных сведений о состоянии ремесел, сельского хозяйства, торговли Иранского государства, а также географии, этнографии, быте и нравах народонаселения.

Торговля между Ираном и Россией увеличилась в царствование Алексея Михайловича (1629–1676), у которого сложились дружеские отношения с Аббасом II (1642–1666). В это время Россия вывозила в больших количествах из Ирана шелк-сырец и шелковые ткани, извлекая огромную прибыль из налаженной торговли по Волге и Каспию. Конфликт между странами возник в 1650 г. после ограбления каравана ширванских торговцев, виновниками которого иранцы называли гребенских казаков. В ответ кавказские вассалы шаха разорили пограничную русскую крепость Сунжу, иранские купцы были задержаны в России, а русские – в Иране. Благодаря шахскому указу 1664 г. россияне были освобождены в Иране от пошлин за постой и наем помещений. Главным препятствием к развитию торговли являлись попытки иранских производителей отправлять в Россию шелковую материю худшего качества и разбои казаков.

В 1667 г. при новом шахе Сафи II /Сулеймане I/ (1666/1667–1694)¹ прикаспийские области подверглись нападению донских казаков под предводительством С. Т. Разина (ок. 1630–1671), которые грабили и разоряли центры российско-иранской торговли (Астрахань, Решт и пр.). Иранцы понимали, что вторжение казаков-разбойников наносит урон не только Ирану, но и России, и воздержались от ответных враждебных действий.

¹ Коронован 1 ноября 1666 г. как Сафи II. Получил гаремное воспитание, страдал плохим здоровьем и пристрастием к алкоголю. Первый год правления был ознаменован рядом природных катаклизмов и опустошительными набегами разинцев. Решив, что коронация была проведена в неудачное время, суверенный шах во время повторной коронации 20 марта 1667 г. взял новое имя – Сулейман I.

Завершая данный исторический раздел, следует отметить, что впоследствии восстановление прежних связей и развитие экономических отношений значительно замедлились вследствие влияния самого важного фактора в поливариантном спектре контактов между соседними странами – личности первого лица иранского государства. Шах мало интересовался государственными делами.

**Персидский и кавказский аспекты
Восточного вопроса
в российско-иранских отношениях
нач. XVIII в. при последних Сафавидах**

Последовавший XVIII в. ознаменовал новый этап в российско-иранских отношениях, связанный прежде всего с активизацией европейской внешней политики на Востоке вообще и российской политики в частности. Это было обусловлено не только изменением международной обстановки и обострением пресловутого Восточного вопроса, но и сложной внутривнутриполитической ситуацией, в которой оказался Иран в первой четверти XVIII в.

При изложении данного материала идеологический аспект истории русско-иранских отношений нужно рассматривать в совокупности с геополитическим фактором, уделяя должное внимание особенностям тогдашней международной обстановки, а также с общими культурно-историческими процессами того времени в Европе и на Среднем Востоке.

В зарубежной и отечественной историографии зачастую принято рассматривать Восточный вопрос как вопрос, связанный исключительно с отношением европейских государств к Османской империи, которая в XVIII в. столкнулась с рядом серьезных проблем и вступила к концу столетия в стадию распада.

Не ставя под сомнение приоритетное значение борьбы государств Западной Европы и России за «турецкое наследство», представляется вполне оправданным рассматривать Восточный вопрос в более широком контексте борьбы европейских держав за контроль над регионами Ближнего и Среднего Востока. Восточный вопрос всегда содержал несколько составляющих, таких как Средиземноморский вопрос (соперничество за господство в Средиземном море и на его побережье), Балканский вопрос (борьба за контроль над Балканским полуостровом, осложнявшаяся национально-освободительным движением народов), Арабский вопрос (борьба арабов за независимость от османских правителей) и др. В рамках Восточного вопроса следует рассматривать также Кавказский и Персидский вопросы, которые со временем приобрели чрезвычайную актуальность.

Персидский вопрос, связанный с борьбой держав за преобладание в Иране, на Кавказе, в Средней Азии и Индии, был традиционно обусловлен устойчивым многовековым стремлением России и Европы использовать Иран как противовес Османской империи. Успеху в реализации этого стремления способствовали суннитско-шиитские религиозные противоречия, осложненные наличием подвластных султану общемусульманских святынь в Хиджазе и основных шиитских святынь в Ираке, территориальные споры, вызванные отсутствием общепризнанных сухопутных и водных границ между Османской и Сафавидской империями, проблема исторического Курдистана и ряд других болезненных вопросов. Турецко-иранское региональное противостояние Великобритания, Франция и Россия неизменно использовали в своих интересах с большей или меньшей эффективностью в зависимости от активности противодействия соперников и складывавшейся вследствие этого международной обстановки.

Легкому вовлечению Ирана в орбиту интересов могущественных держав промышленно развивающейся Европы способство-

вало объективное ослабление страны, вызванное во многом, как это часто бывало на протяжении иранской истории, вполне субъективным фактором – многочисленными и систематическими ошибками в управлении страной совершенно неподготовленного к исполнению своих прямых обязанностей монарха, пришедшего к власти благодаря капризу придворных евнухов. Отказавшись от основ политики веротерпимости, заложенной Аббасом I, шах Султан-Хусайн устроил гонения на суннитов в Курдистане, Афганистане, Северном Азербайджане и на Кавказе. В дальнейшем именно под лозунгами суннизма развернулось самое грозное антигосударственное выступление афганцев-гильзаев, лидер которых правитель Кандагара Мир Вайс (1673–1715) во время хаджа¹ получил разрешение мекканских суннитских богословов на поднятие восстания против государя-шиита.

На севере Ирана многие местные правители отказались подчиняться шаху и решили отложиться от центральной власти. Усилила свое влияние в регионе Турция. Многие кавказские князья формально признали власть турецкого султана, подобно вождям Сурхай-хану казикумукскому и хаджи Давуд-беку лезгинскому, которые в 1712 г. захватили Ширван и во время разграбления Шемахи убили около 300 русских купцов.

В 1715 г., желая укрепить позиции России на Востоке и приумножить отношения с Ираном, деятельный российский император Петр I (1672–1725) отправил в Исфахан освобожденного из турецкого плена полковника Артемия Волынского (1689–1740), который в 1717 г. подписал торговый трактат с иранской стороной, предоставивший новые значительные материальные и моральные привилегии отечественным купцам. В силу того, что отношения с Османской империей оставляли желать лучшего, Петр рассматривал Иран в качестве транзитной страны

¹ Хадж – паломничество в Мекку и Медину, считающееся одним из пяти столпов ислама.

в торговле со странами Дальнего Востока. Император хотел учредить в Персии русское торговое общество, поскольку армянские посредники в иранской торговле систематически нарушали свои обязательства не торговать шелком с другими европейскими купцами, кроме русских.

В преддверии Персидского похода посланец Петра особое внимание уделил военным делам. Волынский невысоко отозвался о боеспособности иранской армии и объяснил это обстоятельство тяжелым экономическим положением и финансовыми трудностями Ирана.

В 1716 г. российский император послал топографа А. И. Кожина (гг. рожд. и смерти неизв.) и В. А. Урусова (1690–1741) описать берега и притоки восточной части Каспия. В 1719 г. на Каспий по приказу Петра I был отправлен перешедший на русскую службу голландец капитан-лейтенант Карл Петрович Верден (ум. 1731). Вместе с лейтенантом Ф. И. Соимоновым (1692–1780) в течение нескольких месяцев они изучали берега и описывали острова неизвестного моря с задачей найти надежный торговый путь от Москвы вглубь Азии.

В 1720 г. Ф. И. Соимонов, К. П. Верден, В. А. Урусов и А. И. Кожин описали западный и южный берега Каспийского моря. В результате удалось составить подробную карту Каспийского моря, отправленную в Парижскую академию.

Персидский поход 1722–1723 гг.

Преподавателю следует объяснить студентам, что к 20-м гг. XVIII в. политическая карта Европы претерпела значительные изменения. После успехов в Европе российский император вновь заинтересовался Востоком.

Сведения о плохом внутривнутриполитическом положении в Иране, доставленные в Санкт-Петербург А. П. Волынским, вскоре получили подтверждение. Шах Султан-Хусайн, неспособный спра-

виться с повсеместными мятежами в стране, трижды отправлял послов к России за помощью, и в 1721 г. Петр отдал распоряжение астраханскому губернатору Волынскому подготовить все необходимое к Персидскому походу.

Петр I планировал выступить из Астрахани, идти берегом Каспия, захватить Дербент и Баку, дойти до р. Куры и основать там крепость, оказать грузинам помощь в борьбе с Османской империей и оттуда вернуться в Россию. Казань и Астрахань превратились в основные центры организации Персидского похода.

15 июня 1722 г. император прибыл в Астрахань, где обнародовал манифест, в котором объяснялось на нескольких языках, что Россия выступает против мятежников с целью защиты российских подданных и их торговых интересов в регионе. Согласно переговорам, которые вели российские представители, за военную помощь законному престолонаследнику Иран должен был уступить России ряд городов и провинций по западному побережью Каспия. Для России было чрезвычайно важно не допустить захвата всего региона войсками Османской империи.

25 июня 1722 г. русскому резиденту в Исфахане Семену Аврамову (1696–1735) Петр I писал, чтобы тот дал следующее разъяснение шаху: «Что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали. И ежели им при сем крайнем разорении надобна помощь, то мы готовы им помогать и очистить от всех их неприятелей и паки утвердить постоянное владение персидское, ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всюю Персию завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, ни себе оную владеть»¹.

¹ РГАДА. Ф. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 151.

18 июля 1722 г. вся флотилия численностью 274 корабля вышла в море под начальством генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина (1661–1728). 27 июля пехота высадилась у Аграханского мыса. 15 августа войска подошли к Таркам, а 19 августа было отбито нападение 10-тысячного отряда Султан-Махмуда (ум. 1748). 23 августа войска без боя заняли Дербент, который был стратегически важным городом, поскольку прикрывал береговой путь вдоль Каспия. 28 августа к городу стянулись все русские силы, в том числе и флотилия. Дальнейшее продвижение на юг приостановила сильная буря, которая потопила все суда с продовольствием. После этого Петр I решил оставить гарнизон в Дербенте и вернулся с основными силами в Астрахань, где начал подготовку к кампании 1723 г. Это был последний военный поход, в котором он принимал непосредственное участие¹.

Государственной канцелярией в Персидском походе заведовал отец последней фаворитки императора выдающийся государственный деятель и ученый Д. К. Кантемир (1673–1723). По его инициативе была образована специальная типография с арабским шрифтом, в которой напечатали сочиненный и переведенный Кантемиром манифест Петра I к народам Кавказа и Персии на татарском, турецком и персидском языках. В перерывах между военными действиями Д. К. Кантемир занимался рядом географических, исторических археологических исследований, собирал материалы по истории Дагестана, изучал древние памятники Дербента.

Пока шах Султан-Хусайн сопротивлялся афганцам в осажденной столице, русская армия вела бои с местными правителями в Дагестане и в окрестностях Дербента. В октябре 1722 г., когда большая часть армии возвратилась в Астрахань, царь получил известие от российского консула о том, что гилянцы просят прислать русские войска для защиты провинции от бун-

¹ РГАДА. Ф. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 151. С. 69.

товщиков. По распоряжению Петра два батальона под командованием полковника Шипова заняли Решт и с переменным успехом разрушали замыслы местных честолюбцев, стремившихся к независимому правлению в Гиляне. Почти одновременно с этим событием пришло известие о падении столичного Исфахана и передаче Султан-Хусайном знаков шахской власти и ключей от города главарю афганцев Мир Махмуду. Незадолго до капитуляции шах отправил к царю посла с просьбой о помощи и предложением военного союза, но император к этому времени уже вернулся в Санкт-Петербург, и послу пришлось отправиться в Россию¹.

Во время кампании 1723 г. в Иран был послан значительно меньший отряд под командованием генерал-аншефа М. А. Матюшкина (1676–1737), а Петр I руководил действиями Матюшкина из России. 6 июля сухопутные войска подошли к Баку. На предложение Матюшкина добровольно сдать город его жители ответили отказом. 25 июля был намечен штурм со стороны моря через образованные в стене проломы, но поднялся сильный ветер, который отогнал российские суда. Жители Баку успели этим воспользоваться, заделав в стене все бреши, однако 26 июля 1723 г. город капитулировал без боя.

12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был заключен русско-иранский договор, согласно которому за помощь в восстановлении в Иране власти законных Сафавидских шахов и прекращении мятежей иранцы обещали передать России Баку, Дербент и прибрежную полосу Каспия с шелководческими провинциями Гиляном, Мазандераном и Астрабадом. К этому времени Ширваном уже завладели турки, которые с неудовольствием смотрели на усиление роли России в регионе и грозили разрывом дипломатических отношений. Центральным Ираном вместе со столицей распоряжались афганцы, превратившиеся из угнетенных

¹ История Ирана. С. 201.

Карта Персидского похода
1722–1723 гг.

в угнетателей. Престолонаследника признавали формально шахом Тахмаспом II (1722–1732) только в Гиляне, Мазандеране и южном Азербайджане при поддержке русских войск и отрядов кызылбашского племени каджаров.

При изложении данной темы надо подробно остановиться на том обстоятельстве, что Петр I объяснял российские территориальные притязания простой необходимостью содержать войско: «Сие требуется для того, когда не будем иметь сих провинций, то нечем нам содержать там свои войска, ежели доходов там с вышеписанных провин-

ций иметь не будем»¹. Это обстоятельство нашло свое отражение и в вышеупомянутом русско-иранском трактате. В дальнейшем Петр предусматривал возродить в Гиляне прежнюю русско-иранскую торговлю шелком и подготовить местных жителей к принятию российского подданства предоставлением различных милостей и покровительства.

¹ История Ирана. С. 71–72.

Преподавателю следует подчеркнуть, что особый характер русско-иранских отношений в первой четверти XVIII в. был предопределен предшествующим ходом исторических событий во второй половине XVII в.

Необходимо обратить внимание на то, что в целом Персидский поход 1722–1723 гг. можно рассматривать в качестве вполне успешного предприятия Петра I, хотя современники его таковым не считали: это хорошо заметно в связи с судьбой одного из организаторов и вдохновителей похода – А. П. Волынского. Враги Волынского при дворе объяснили Петру ряд неудач российской армии в 1722 г. якобы недостоверными сведениями, доставленными Волынским, и указали на его взяточничество. Еще до завершения похода в 1723 г. он был устранен от дальнейшего участия и лишен большей части военных полномочий.

В заключение данной темы следует отметить, что во избежание войны с Османской империей в качестве следствия Персидского похода Петра I в 1724 г. был подписан при посредничестве Франции и Великобритании русско-турецкий договор, который закрепил российские и турецкие приобретения в Иране. Стамбульский договор позволил России без помех заняться расширением торговых отношений с Ираном и Индией, а Турции – начать боевые действия против афганцев.

Российско-иранские политические и экономические связи при Надир-шахе Афшаре (1736–1747)

Тем временем на севере Ирана определился центр сопротивления захватчикам, во главе которого стал усилившийся и обогатившийся разбоями сын пастуха из кызылбашского племени афшар Надир (1688–1747). Поступив в 1726 г. на службу к Тахмаспу II, он сделал головокружительную карьеру, разбив со своей дружиной в 1726–1729 гг. поочередно всех соперников за

власть в Иране – от местных владетелей до афганской и турецкой армий. В 1729 г. Тахмасп торжественно вступил в Исфахан, а Надир стал его первым министром и фактическим правителем всех освобожденных провинций. При первых успехах Надира шах незамедлительно выразил Екатерине I (1725–1727) свое неудовольствие русско-турецким соглашением 1724 г. и попросил помощи в борьбе с Турцией. При Анне Иоанновне (1730–1740) Россия согласилась добровольно вернуть Ирану все области от Астрабада до р. Куры и пообещала передать земли от р. Куры до Дербента в случае вывода турецких войск из Закавказья. Взамен российские купцы получили право беспошлинной торговли в Иране, а иранцы обещали компенсировать убытки россиян от разграбления в 1712 г. русских товаров в Шемахе.

Из трактата, заключенного в Реште 21 января 1732 г. от имени императрицы Анны Иоанновны В. Левашовым и П. Шафировым и от имени иранского шаха Мухаммад-Ибрахимом Мустафой Саркари Хасе, явствует, что Россия не искала территориальных приобретений за счет иранской стороны и главным образом стремилась не допустить захвата стратегически важного региона Османской Турцией.

В 1735 г. Надир, пришедший к власти в 1732 г. в качестве регента при малолетнем Аббасе III (1732–1736), добился от России передачи всех остальных земель при обоюдном условии не заключать сепаратный мир с Турцией. Соответствующий трактат был подписан при Гандже 10 марта 1735 г. Надиром и от имени императрицы России – посланным в Иран тайным советником, полномочным министром и бывшим президентом Камер-коллегии князем С. Д. Голицыным (1696–1738).

При осаде турецких крепостей Надир широко пользовался помощью русских инженеров и артиллерии, но не преминул нарушить договор с Россией. В конце 1735 г. он начал сепаратные переговоры с официальными представителями Османской Турции и в 1736 г. заключил мирное соглашение, по которому Тур-

ция обязалась вернуть Ирану все земли, принадлежавшие стране до 1722 г., т. е. до отречения шаха Султан-Хусайна от престола. Стоит отметить, что обман России не принес Надиру желанных выгод, поскольку турки так и не ратифицировали этот договор¹.

Преподаватель должен отметить с использованием широкого учебно-методического и вспомогательного иллюстративного материала, что к концу правления Анны Иоанновны Россия практически лишилась всех приобретенных в регионе преимуществ перед другими державами за исключением торговых льгот, которые продолжал соблюдать Надир-шах Афшар (1736–1747).

В целом Надир стремился проводить политику мира с северным соседом. После успешного индийского похода 1739 г. Надир отправил в Россию большое посольство с богатыми дарами, в числе которых были 14 обученных боевых слонов. В 1740 г. после взятия Хивы Надир позволил русским пленникам без выкупа вернуться на родину.

Новая императрица Елизавета Петровна (1741–1762) стремилась вернуть внешнюю политику страны в русло, проложенное ее великим отцом, и российская политика в Иране, направленная на упрочение авторитета России в регионе, не стала исключением из этого правила. Честолюбивые замыслы Надира о завоевании всего Каспийского побережья, походы в Дагестан против российских подданных и попытка строительства иранского флота на Каспии при помощи британского авантюриста капитана Джона Эльтона (предположительно, застрелен иранцами в апреле 1751 г.) осложнили русско-иранские отношения в 40-х гг. XVIII в. и вызвали концентрацию русских войск на иранской границе.

При освещении этого исторического отрезка особое значение следует придать тому факту, что успешная внешняя политика (в том числе и в отношении России) и громкие военные победы талантливого полководца Надир-шаха (покорение силь-

¹ История Ирана. С. 203.

*Надир-шах (1736–1747).
Гравюра 1770 г.*

ных узбекских ханств, воинственных афганских племен, разгром могучей армии Великих Моголов, затратные, но победоносные походы в горный Кавказ, Юго-Восточную Аравию и пр.) не принесли Ирану ожидаемого процветания вследствие **нерациональной внутренней политики** основателя династии Афшаров.

Российские полномочные представители, проживавшие в Иране в это время, чутко реагировали на неблагоприятные изменения внутреннего положения в стране и сообщали о плохом состоянии государственного

аппарата при Надире, растущих расходах на содержание армии, крайне тяжелом налоговом бремени.

Преподавателю следует привести описания российских резидентов, которые осуждали жестокие карательные меры Надир-шаха против многочисленных повстанцев, поднимавших мятежи против его тиранического образа правления не только по окраинам, но и в Центральном Иране, население которого прежде поддерживало Надира и видело в его лице освободителя от иностранных оккупантов и узурпаторов верховной власти в стране.

Россия стремилась к развитию разносторонних отношений с Ираном на прочной основе. Желая обеспечить российских официальных представителей в стратегически важном регионе постоянным духовным окормлением, в феврале-апреле 1745 г. по согласованию со Священным Синодом Русской православной церкви российское руководство искало возможности отправки в Иран 3 священников и 4 причетников.

Убийство Надир-шаха в своем шатре собственными гвардейцами во время карательного похода на Систан в июне 1747 г. открыло новый период смут и борьбы за власть в Иранском государстве. Всякие отношения с Россией были временно прерваны.

До 1734 г. российский торговый капитал не встречал на Востоке конкуренции ни с чьей стороны. Позже торговый договор с Англией открыл путь в Иран капиталу британских подданных. Но уже в 1746 г. по политическим соображениям они были лишены преимуществ этого договора. Европейская торговля с Ираном перешла главным образом в руки армян. В середине и конце 40-х гг. XVIII в. российско-иранская торговля переживала упадок, вызванный нестабильностью внутреннего положения Ирана, участвовавшими разбоями и грабежами на традиционных караванных путях.

Учрежденное при Елизавете Петровне в 1758 г. «Персидское торговое общество» почти не оказало никакого влияния на оживление товарообмена России с Ираном, а в 1762 г. в связи с закрытием монопольных товариществ это общество прекратило свое кратковременное существование.

**Российско-иранские отношения
во второй половине XVIII в. при Зандах
и первых Каджарах.
Поход В. А. Зубова (1771–1804)**

Преподавателю следует отметить тот факт, что к 60-м гг. XVIII в. большую часть страны захватил глава иранского кочевого племени занд из Луристана по имени Карим-хан (ок. 1705 – 1779).

Карим-хан был первым этническим иранцем, который пришел к власти в Иране, со времени падения в середине XI в. династии Бувайхидов (Буидов). Карим-хан не стал основывать новую

династию, ограничившись титулом «вакил» («наместник»), и правил страной от имени выдвинутого им марионеточного шаха Исмаила III Сафавида, который находился под охраной в изоляции от внешнего мира. При Карим-хане страна наслаждалась относительной стабильностью и восстанавливала разрушенную междоусобицами хозяйственную жизнь в течение почти двух десятилетий. В этот период наметился подъем в русско-иранской

Карим-хан Занд
(ок. 1705–1779)

торговле и политико-дипломатических отношениях между нашими странами. В 1766–1767 гг. в Иране находилась русская миссия, которая вела переговоры о заключении союза против Турции.

В 1773 г. Хедаят-хан гилянский предложил России по смерти Карим-хана ввести трехтысячное войско и принять Гилян в российское подданство при условии уплаты всех российских издержек и значительной ежегодной дани. Россия сочла возможным ответить отказом, поскольку не хотела портить отношения с Ираном из-за Гиляна, удаленность кото-

рого от постоянных мест дислокации российской армии могла потребовать присылки гораздо более многочисленного войска для подавления мятежей местных ханов. Оскорбленный отказом гилянский правитель содействовал в 1775 г. захвату и ограблению двух русских торговых судов, после чего российский консул был вынужден покинуть Гилян в знак протеста¹.

¹ [Броневский С. М.] Исторические выписки... С. 125; Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 12.

В 1778 г. в Иран было отправлено русское посольство для подписания русско-иранского военного союза против Турции, но смерть Карим-хана в 1779 г. помешала выполнению поставленной задачи.

Последующий период политических смут и междоусобиц отбросил Иран в своем развитии на несколько десятилетий назад и осложнил характер традиционных русско-иранских связей. В ходе борьбы за власть в Иране выдвинулись представители кызылбашского племени каджаров.

*Ага-Мухаммад-шах Каджар
(1796–1797)*

В 1782 г., оказавшись в затруднительном политическом положении, Ага-Мухаммад-хан отправил своего посланника к российской императрице Екатерине II (1762–1796) с предложением восстановить дружественные отношения, но посол не был принят при российском дворе, так как являлся представителем незаконного (некоронованного) правителя Ирана.

В начале 80-х гг. XVIII в. в период борьбы за власть в Иране между каджарами и зендами старший в доме Каджаров Ага-Мухаммад-хан (1741–1797) назначил своего брата Муртазу-кули-хана (1750–1800) правителем прикаспийских провинций.

Разногласия, честолюбивые замыслы, вражда среди самих каджаров вскоре заставили и Муртазу-кули-хана искать покровительства северного соседа Ирана. Отстраненный Ага-Мухаммад-ханом от управления прикаспийскими землями, Муртаза-кули-хан через посредничество российского консула в Талыше обратился к Екатерине II с просьбой принять его в российское подданство

как владельца Гиляна, Мазендерана и Астрабада, обещая уступить России п-ов Энзели с портом и прилегающим районом и содержать там за свой счет российский гарнизон. Кроме этого, он обязался построить крепость, предоставив необходимое количество людей и материалов, а также освободить торгующих в регионе русских купцов навечно от всех податей. Взамен он просил предоставить ему два фрегата, один бот и 300 солдат для борьбы со старшим братом Ага-Мухаммад-ханом. Несмотря на желание Екатерины помочь Муртазе-кули-хану, астраханский генерал-губернатор И. В. Гудович (1741–1820) убедил императрицу, что военную помощь оказывать неудобно, поскольку это станет откровенным вмешательством во внутренние дела Ирана. Решено было дать Муртазе денег, продовольствие и боеприпасы из расчета, что помощь войсками ему окажут дербентский, аварский и бакинский ханы, которые готовились перейти в российское подданство. Последнее обстоятельство стало причиной крайней неприязни Ага-Мухаммад-хана к России, которую он начал проявлять еще в 1780 г., когда вероломно арестовал приглашенного в гости командующего Каспийской флотилией капитана М. И. Войновича (1750–1807) и заставил его уничтожить земляное укрепление на астрабадском берегу, сооруженное для складирования российских товаров.

В сентябре 1787 г. Муртаза-кули-хан вернулся в Иран и стал правителем Гиляна и Астрабада, благодаря чему Россия получила возможность безопасно содержать в Энзели Каспийскую флотилию. Прервав свои походы на юге Ирана, Ага-Мухаммад-хан поспешил на север и разбил войска брата. Потерпев ряд поражений от превосходящего по численности войска Ага-Мухаммад-хана, Муртаза и часть его сторонников на российских судах выехали в Россию.

В 1787 г. Ага-Мухаммад-хан обменялся дружественными посланиями с российским канцлером Г. А. Потемкиным (1739–1791) и заверил, что будет соблюдать все русско-иранские согла-

шения и развивать российскую торговлю. В то же время он постоянно склонял закавказских ханов к антирусскому союзу, который поощряла Османская Турция¹.

В отместку за поддержку русскими Муртазы-кули-хана по приказу Ага-Мухаммад-хана был разграблен сооруженный россиянами на иранском берегу порт Энзели, разорены русское консульство и все местные русские поселения².

Преподавателю рекомендуется излагать эти события на общем фоне тогдашней европейской политики русского императора.

Укрепив свою власть в Иране, Ага-Мухаммад-хан, несмотря на неоднократные предостережения России и подписанный Георгиевский трактат 1783 г. о российском протекторате над Грузией, в 1795 г. отправился походом на Тбилиси. Поход сопровождался небывалой жестокостью, разорением населения, массовыми убийствами. Тбилиси был разрушен, 15 тыс. жителей увели в рабство, была захвачена сокровищница грузинских царей и пр. Весной 1796 г. Россия объявила войну Ага-Мухаммад-хану, и в Грузию были отправлены войска под командованием генерал-поручика графа В. А. Зубова (1771–1804). Боевые действия российской армии пришлось вести только с местными правителями, часть из которых ориентировалась на турецкого султана, а другие – на Ага-Мухаммад-хана. Сам виновник войны после удачного набега на Грузию устранился от решительных столкновений с российской армией и в мае 1796 г. короновался в Муганской степи в качестве основателя новой иранской династии Каджаров³.

Опальный Муртаза-кули-хан, приглянувшийся Екатерине II, жил в Астрахани в 1787–1794 гг. и в С.-Петербурге в 1795–1796 гг. После занятия в 1796 г. Баку русскими войсками он прибыл

¹ Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 25.

² Куканова Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX века. Саранск, 1977. С. 171.

³ Кузнецова Н. А. Указ. соч. С. 16–17.

*Муртаза-кули-хан Каджар
(1750–1800)*

в лагерь В. А. Зубова морем из Астрахани и обнародовал манифест к местным владельцам с призывом объединиться для борьбы с Ага-Мухаммад-ханом. Впрочем, к этому времени его в Иране стали забывать, поскольку «посредство в делах Муртазы кули хана было ничтожно, по малому его в Персии значению и по нетрезвой жизни, в каковую он впал во время нахождения его в российском лагере»¹.

Особое благоволение российской императрицы к Муртазе-кули-хану сказало-сь и на милостях, которыми осыпал личных друзей и свиту видного иранца

последний фаворит Екатерины II П. А. Зубов (1767–1822). Одному из соратников Муртазы-кули-хана, который попал на время в руки Ага-Мухаммад-хана, отрезали по приказу последнего нос. По просьбе Муртазы-кули-хана П. А. Зубов заказал и щедро оплатил искусному механику Санкт-Петербургской Академии художеств О. И. Шишорину (1758 – после 1811) два носовых протеза для несчастного и два медных штампа для последующего изготовления качественных копий. После смерти императрицы Муртаза-кули-хан вернулся в Астрахань, где и скончался в 1800 г.

¹ [Броневский С. М.] Указ. соч. С. 140.

Смерть Екатерины II помешала дальнейшему продвижению русской армии, занявшей к этому времени значительную часть Закавказья. Основная часть армии перешла через р. Аракс, когда Павел I (1796–1801) отдал распоряжение о прекращении Персидского похода. Вдохновленный новым поворотом событий, Ага-Мухаммад-шах в 1797 г. решил окончательно установить свое господство над Грузией, захватил Карабах, форсировал Аракс и остановился в крепости Шуша в ожидании ухода русских войск. Положение Грузии было безнадежным, но спустя несколько дней после взятия Шуши Ага-Мухаммад-шах был зарезан ночью своими слугами (вероятно, вследствие заговора), и нашествие на грузинские земли было предотвращено¹.

Здесь преподавателю прежде всего следует дать объективную характеристику иранской и российской историографической традиции этого периода.

Каджарские придворные историографы часто грешат необъективностью, описывая Зубовский поход как сплошную цепь закономерных поражений и случайных побед России, закончившуюся полным провалом. Справедливости ради стоит заметить, что и в самой России поход долгое время оценивался как «исполнение химерического проекта П. А. Зубова»² и, следовательно, как неудачный, не принеший России ничего, кроме больших издержек. Как представляется, здесь сказались не только, по большей части, негативные личностные характеристики, данные современниками и историками всему семейству Зубовых, но и стремление при Павле I к постоянному вскрытию недостатков предшествующего царствования при умалчивании определенных достижений. Несмотря на отдельные тактические промахи командования, для укрепления русского влияния в Закавказье поход имел большое значение и был очень удачен. В самое короткое время русские

¹ Кузнецова Н. А. Указ. соч. С. 21–22.

² Брокгауз Ф. А. и Эфрон И. А. Зубов Валериан Александрович. Т. 24. СПб., 1894.

войска взяли Дербент, Кубу, Баку, Шемаху, Ганджу, Талыш, дошли до Мугани; один из отрядов был отправлен в Грузию. Местное население в целом доброжелательно относилось к русским войскам и оказывало им поддержку¹. Прекращение похода и утрата всех достижений были связаны с желаниями нового императора, более заинтересованного в совместных действиях с Великобританией против Франции в Европе и не хотевшего обострять англо-русские отношения из-за восточных дел.

Обострение Восточного вопроса в начале XIX в. Российско-иранская война 1804–1813 гг.

На основе разностороннего методического и историко-документального материала преподаватель должен показать учащимся, что по количеству вооруженных столкновений и конфликтов первые три десятилетия XIX в. занимают печальное первое место в отношениях между россиянами и иранцами в сравнении со всем предыдущим периодом достоверной истории.

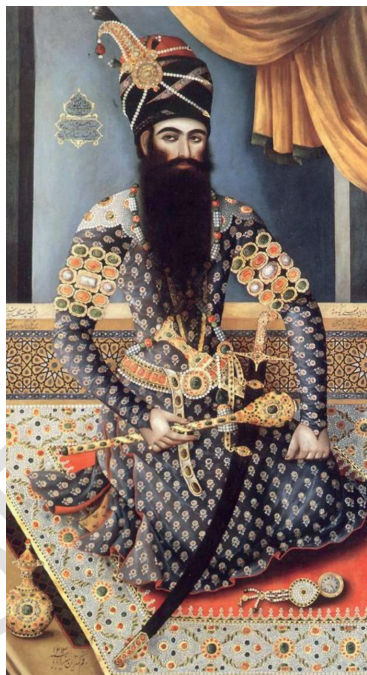
Век XIX не в последнюю очередь стал таковым в русско-иранских связях вследствие крайнего обострения Восточного вопроса в мировой политике, когда коммерческие, политические интересы европейских держав вступили в острое противоречие. Еще при начальном этапе деятельности Ага-Мухаммад-хана Франция и Великобритания (каждая из стран независимо от другой) прилагали всевозможные усилия для разрыва русско-иранских отношений, организации затяжной войны между Россией и Ираном, которая призвана была отвлечь Россию от европейских дел и османского наследства.

Россия при Павле I после удачных войн с Турцией и присоединения Крыма взяла курс на непосредственное включение православных Грузии, Армении и ряда закавказских ханств в импе-

¹ Кузнецова Н. А. Указ. соч. С. 27.

рию. 18 января 1801 г. Павел подписал манифест о присоединении Восточной Грузии к России и договорился с Наполеоном I (1769–1821) о совместном походе в Британскую Индию через Иран. Как известно, в марте того же года Павел был убит в результате заговора, в котором самое активное участие приняли отечественные и европейские масоны, и поход не состоялся¹.

Император Александр I (1801–1825) 12 сентября 1801 г. подписал «Манифест об учреждении нового правления в Грузии». Согласно статьям манифеста генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу (1762–1802), назначенному главнокомандующим на Кавказе, предписывалось договориться

*Фатх-Али-шах Каджар
(1797–1834)*

о создании антииранского союза с закавказскими ханами на фоне усилий иранского Фатх-Али-шаха (1798–1834) по захвату Грузии и мусульманских ханств Закавказья. Весной 1803 г. шах по просьбе грузинских царевичей Юлона, Александра и других проирански настроенных грузинских правителей намеревался вторгнуться с войсками в Грузию. Тем временем Картли-Кахетинское царство вошло в состав России и стало Грузинской губернией империи. Позднее добровольно присоединились Бакинское, Кубинское, Дагестанское и другие царства. В 1803 г. присоединились Менгрия и Имеретинское царство.

¹ Брачев В. С. Масоны и власть в России. М., 2003. С. 225–227.

В острую политическую борьбу оказались вовлеченными не только грузинские, но и армянские правители и мусульманские ханы, интересы которых разделились между Россией и Ираном сообразно симпатиям к той или иной стороне. Напряжение в регионе усиливалось и вскоре переросло в открытое военное столкновение, положившее начало русско-иранской войне 1804–1813 гг.

Следует обратить внимание студентов, что в зарубежной и даже в современной отечественной историографии считается, что непосредственным поводом к войне стало взятие русскими войсками города-крепости Ганджа 16 января 1804 г., и Россия согласно этой версии выглядит агрессором¹. На самом деле командующий российскими войсками князь П. Д. Цицианов (1754–1804), отправленный из Санкт-Петербурга для разрешения ряда сложных вопросов русско-грузинских и русско-иранских отношений, по прибытии в Грузию столкнулся с необходимостью принимать меры по делу об аресте и ограблении грузинских купцов в 1803 г. правителем Ганджи Джавад-ханом. До прихода к власти в Иране династии Каджаров Ганджа платила дань грузинскому царю Ираклию. Именно Джавад-хан, перешедший на сторону Каджаров, являлся одним из основных виновников разорения Тбилиси в 1795 г. П. Д. Цицианов (по происхождению грузин из княжеского рода Цицишвили) принял решение наказать Джавад-хана, отказавшегося компенсировать нанесенный грузинским торговцам ущерб, захватом Ганджи с областью и присоединением ее к Грузии². Это и стало поводом к начавшейся российско-иранской войне.

Приводя все эти примеры, преподаватель должен в итоге показать, что Россия войны не хотела и не готовилась к ней. Цицианов полагал свою задачу выполненной и дальнейшего

¹ История Ирана. М., 1977. С. 226; Кузнецова Н. А. Указ. соч. С. 34.

² [Броневский С. М.] Указ. соч. С. 152.

наступления на иранские владения не предпринимал. Иначе думали и действовали иранцы.

Следует особо отметить, что лишь через полгода после вступления российских войск в Ганджу, в июне 1804 г., Фатх-Али-шах, предварительно заручившийся поддержкой англичан и заключивший союз с Великобританией, официально объявил войну России. 8 июня авангард отряда П. Д. Цицианова под командованием генерал-майора С. А. Тучкова (1767–1839) выступил по направлению к Эривани и 10 июня у урочища Гюмри заставил отступить персидскую конницу¹.

19 июня отряд Цицианова подошел к Эривани, где встретился с армией наследника иранского престола Аббас-мирзы (1789–1833). Авангард генерал-майора С. А. Портнягина (1764–1827) в тот же день не смог с ходу овладеть Эчмиадзинским монастырем и вынужден был отступить. 20 июня в ходе битвы под Эриванью основные силы русских разбили персов и вынудили их бежать. 30 июня отряд Цицианова перешел р. Зангу, где в ходе яростного боя захватил иранские редуты. 2 июля русские полностью окружили Эриванскую крепость. 17 июля под Эриванью армия под командованием Фатх-Али-шаха атаковала русские позиции, однако успеха не достигла. 4 сентября из-за больших потерь русские сняли осаду с Эриванской крепости и отступили в Грузию².

В начале 1805 г. отряд генерал-майора П. Д. Несветаева (ум. 1808) занял Шурагельский султанат и присоединил его к владениям Российской империи. 14 мая 1805 г. между Россией и Карабахским ханством был подписан Кюрекчайский договор. По его условиям хан с наследниками и все население ханства переходило под власть России. Незадолго до этого карабахский Ибрагим-хан наголову разбил при Дизане иранское войско. Вслед за этим,

¹ Шишов А. В. Схватка за Кавказ. М., 2007. С. 172.

² Там же. С. 178.

21 мая, шекинский Селим-хан изъявил желание вступить в подданство России, и с ним был подписан аналогичный договор¹.

В июне 1805 г. Аббас-мирза занял крепость Аскеран. В ответ русский отряд под командованием полковника П. М. Карягина (ум. 1807) 29 июня выбил персов из замка Шах-Булах. Узнав об этом, Аббас-мирза окружил замок и начал вести переговоры о его сдаче. Узнав о приближении основных сил иранской армии под командованием Фатх-Али-шаха, русский отряд ночью покинул замок и ушел к Шуше. У Аскеранского ущелья отряд столкнулся с войском Аббас-мирзы, но все попытки последнего разбить русских не имели успеха². Отряд под командованием П. М. Карягина и майора П. С. Котляревского (1782–1852), имевший на вооружении всего две пушки, был вынужден отходить с боями к замку Мухрат.

Заняв Мухрат, отряд выдержал атаку 20-тысячного персидского войска и в составе оставшихся в живых 100 воинов пробился к шедшему на помощь Цицианову.

Узнав, что основные силы русских покинули Елизаветполь (Ганджу), Аббас-мирза прошел обходным путем и осадил город. В случае успеха иранцам открывался путь на Тбилиси, который остался без прикрытия. Однако 27 июля 1805 г. русский отряд в 600 штыков неожиданно атаковал лагерь Аббас-мирзы под Шамхором и наголову разбил персов.

23 июня каспийская флотилия под командованием генерал-майора И. И. Завалишина (1769–1821) заняла порт Энзели, а 12 августа 1805 г. бросила якорь в Бакинской бухте. Поскольку переговоры о переходе в российское подданство успеха не имели, 11 дней каспийская флотилия бомбардировала Баку. К концу августа 1805 г. высадившийся отряд овладел передовыми укреплениями перед городом. Из-за нехватки боеприпасов русские

¹ [Броневский С. М.] Указ. соч. С. 157.

² Шишов А. В. Указ. соч. С. 184.

вынуждены были 3 сентября снять осаду с Баку и 9 сентября полностью покинули бухту¹.

30 ноября 1805 г. отряд Цицианова форсировал р. Куру и вошел в пределы Ширванского ханства. 27 декабря ширванский Мустафа-хан подписал договор о переходе в российское подданство².

30 января 1806 г. Цицианов с 2 тыс. войска подошел к Баку. Одновременно к Баку вновь подошла каспийская флотилия и высадила десант. 8 февраля во время торжественной церемонии мирной сдачи города и перехода Бакинского ханства в подданство Российской империи Цицианов и подполковник Э. Ш. Эристов были предательски убиты двоюродным братом хана Ибрахим-беком. Потеряв командира, небольшое русское войско вынуждено было отступить. Отрезанная голова Цицианова была отправлена Фатх-Али-шаху³.

Новый главнокомандующий войсками И. В. Гудович летом 1806 г. разгромил Аббас-мирзу при Каракапете (Карабах). В октябре 1806 г., когда русские войска вновь подошли к Баку, хан бежал, а ханство перешло к России⁴.

Начавшаяся в ноябре 1806 г. очередная русско-турецкая война заставила русское командование заключить зимой 1806–1807 гг. Узун-Килисское перемирие с Ираном. В мае 1807 г. Фатх-Али-шах заключил антирусский союз с Францией, и в 1808 г. военные действия возобновились. Русские взяли Эчмиадзин, в октябре 1808 г. разбили Аббас-мирзу при Карабабе и заняли Нахичевань. После неудачной осады Эривани Гудович был заменен графом А. П. Тормасовым (1752–1819), который в 1809 г. отразил наступление армии во главе с шахом в районе Гумры-Артик и сорвал попытку Аббас-мирзы захватить Ганджу. Иран разорвал договор с Фран-

¹ Шишов А. В. Указ. соч. С. 185.

² [Броневский С. М.] Указ. соч. С. 158.

³ Там же. С. 159.

⁴ Шишов А. В. Указ. соч. С. 189.

цией и восстановил союз с Великобританией, которая инициировала заключение ирано-турецкого соглашения о совместных операциях на кавказском фронте. В мае 1810 г. армия Аббас-мирзы вторглась в Карабах, но немногочисленный (около 400 штыков, без пушек) отряд полковника П. С. Котляревского нанес ей поражение у крепости Мигри. Обойдя хорошо укрепленную крепость ночью по горным кручам с тыла и произведя ложную атаку с одного фронта, он атаковал крепость с другого и взял ее приступом. В течение двух недель отряд Котляревского оборонялся в крепости от подошедших войск Аббас-мирзы. Когда иранцы под командованием Ахмад-хана сняли безуспешную осаду и двинулись к границе, Котляревский настиг их на переправе у р. Аракс и разгромил, получив при этом пятое с начала кампании ранение. 5–6 сентября 1810 г. иранские войска под командованием Хусайн-кули-хана были разбиты под Ахалкалаки отрядом генерал-майора Ф. О. Паулуччи (1779–1849). В 1811 г. Котляревскому было поручено остановить наступление персов и турок со стороны Ахалциха, для чего он решил овладеть крепостью Ахалкалаки. Взяв всего 2 батальона своего полка и сотню казаков, Котляревский в 3 дня перевалил горы, покрытые глубоким снегом, и ночью штурмом взял Ахалкалаки. В результате иранская армия не смогла соединиться с турецкой армией и выступить совместно против русских сил на Кавказе.

После завершения в январе 1812 г. русско-турецкой войны и заключения мирного договора Иран стал склоняться к мысли о примирении с Россией. Вести о нападении объединенной Наполеоном I (1769–1821) Европы на Россию в 1812 г. и вступлении французов в Москву укрепили военную партию при шахском дворе. В Южном Азербайджане для нападения на Грузию была сформирована армия под началом Аббас-мирзы. Почти все силы России были брошены на войну с Наполеоном, а на Кавказе русские войска в ослабленном составе продолжали борьбу с Ираном.

Новый главнокомандующий (с 1811 г.) генерал-лейтенант Н. Ф. Ртищев (1754–1835) надеялся на скорейшее заключение мира и старался не предпринимать активных военных действий на Кавказе, однако Котляревский считал, что противник понимает только язык силы, и готовился к новым сражениям. Когда войска Аббас-мирзы вторглись в Талышинское ханство и взяли Ленкорань, Котляревский получил от главнокомандующего разрешение действовать на свой страх и риск. Переправившись 19 октября 1812 г. через р. Аракс, отряд русского генерала атаковал персидские войска под Асландузом, обратил их в бегство и штурмом взял крепость. Во время бегства наследник престола Аббас-мирза свалился с лошади в яму, и иранцы, потеряв главнокомандующего, посчитали его погибшим и временно предались совершенной панике.

13 января 1813 г. после отказа иранского коменданта сдать крепость Котляревский в кровопролитном сражении штурмом взял Ленкорань. в критический для атакующих момент тридцатилетний генерал лично повел солдат на приступ и выиграл битву. От русского отряда осталось около одной трети личного состава. Котляревского, получившего одну пулю в ногу и две – в голову, с трудом нашли в гуще павших тел и еле спасли стараниями полкового врача. Потери иранцев были еще более впечатляющими. Комендант Ленкорани Садык-хан и 10 других ханов, оставшиеся верными своему обещанию не сдаваться и не бежать, пали вместе с гарнизоном на стенах крепости. Русские казаки едва не захватили в плен самого Аббас-мирзу.

Аббас-мирза (1789–1833)

*Котляревский П. С.
(1782–1852)*

Победа русского оружия в Отечественной войне 1812 г. окончательно убедила Фатх-Али-шаха в том, что его надежды на ослабление России в борьбе с европейскими оккупантами оказались тщетными. Шаху пришлось вступить в мирные переговоры, и 24 октября 1813 г. был подписан русско-иранский Гюлистанский договор, по которому Иран признал вхождение в состав Российской империи Восточной Грузии и Северного Азербайджана, Имеретии, Гурии, Менгрелии и Абхазии. Россия заклю-

чила с Ираном выгодный оборонительный и наступательный союз и получила исключительное право держать военный флот на Каспийском море (ст. V).

Следует подробно проанализировать статьи и подчеркнуть значение этого договора для принципов двусторонних отношений.

Лучшим свидетельством отношения иранского народа к войне с Россией можно считать слова французского генерала и дипломата Клод-Матье де Гардана (1766–1818). Прибывший в Иран после подписания франко-иранского договора 1804 г. с миссией по реорганизации иранской армии, он признавал в своих посланиях французскому министру иностранных дел Ш. Талейрану (1754–1838): «...Аббас-мирза и его братья жаждут войны, но сановники и вообще народ любят покой»¹. Только упрямство тегеранского двора в сочетании с англо-французскими усилиями по затягиванию военных действий между Ираном и Россией не позволили

¹ Gardane A. Mission du general Gardane en Perse sous le Premier Empire. P., 1868. P. 73–74.

заключить мирный договор в 1808 или даже в 1807 г., когда исход кампании уже был очевиден для многих. Отношения русских и иранцев были несравнимо лучшими, чем отношения с турками – давними и общими противниками. Российские солдаты чаще дезертировали в Иран, где отношение местного населения было вполне терпимым, особенно в вопросах вероисповедания, которые зачастую являлись основными для мировосприятия россиян в рассматриваемую эпоху.

При анализе этого обстоятельства в указанный период преподавателю следует подчеркнуть, что традиционными причинами дезертирства российских солдат во время войны 1804–1813 гг. были: плохая забота командиров о своих подчиненных, некачественное питание, задержка или невыплата положенного жалования, деятельность иранских агентов, подстрекавших к переходу в лагерь противника, а также рассказы вернувшихся из Ирана военнопленных, которые описывали иранскую жизнь беглецов «в обворожительном виде для солдата»¹.

Российско-иранская война 1826–1828 гг. Туркманчайский договор 1828 г.

Статьи Гюлистанского мирного договора 1813 г. иранская сторона сразу после подписания принялась оспаривать и требовать пересмотра. В немалой степени данному положению способствовало то обстоятельство, что полный текст договора на французском языке отличался от аналогичного текста на персидском языке. Так, например, статья VI договора предусматривала обязательное возвращение военнопленных на родину в течение трех месяцев после подписания соглашения, а беглецы и преступники возвращались по их желанию. В персидском варианте было ска-

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1866. Т. 6. Ч. 2. С. 348.

зано, что все, включая военнопленных, возвращаются по желанию, а не в обязательном порядке¹.

Первые дипломатические попытки вернуть русских солдат на родину были предприняты в 1817 г. полномочным послом России в Иране А. П. Ермоловым (1777–1861), но из-за противодействия иранцев окончились ничем. Подстрекаемый Великобританией, Фатх-Али-шах фактически отказал Ермолову в заключении антитурецкого союза, саботировал открытие русских консульств в Гиляне и Мазандеране. В том же году посольство Ермолова вернулось в Россию².

Николай I (1825–1855), желая сохранить условия Гюлистанского мира, пытался расположить к себе иранского монарха. В январе 1826 г. император всерьез озаботился состоянием отношений России с Ираном. В самых дружественных выражениях он написал Фатх-Али-шаху послание, где подтверждал желание России сохранять мирные отношения. С письмом был отправлен князь А. С. Меншиков (1787–1869), а вслед за ним с подарками для шаха откомандировали поручика Носкова. Кроме прочего, поручик вез шаху хрустальную кровать с фонтанами, сделанную на петербургском стеклянном заводе, – настоящее произведение искусства, вызывающее всеобщее удивление.

Миссия А. С. Меншикова, в задачу которой входило договориться с шахом по поводу спорных пограничных территорий, закончилась провалом. Фатх-Али-шах расценил посольство Меншикова и готовность России к переговорам, как и дар российского императора, привезенный поручиком Носковым, признаками страха северного соседа перед Ираном. Он даже отказался принять А. С. Меншикова при дворе.

¹ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. СПб. Гл. Архив, 1–9, 1813. Оп. 8. Д. 6. Ч. 1. Л. 14.

² Подробно см. [Ермолов А. П.] Журнал посольства в Персию генерала А. П. Ермолова // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 2. СПб., 1863.

Несмотря на все усилия российской стороны, реваншистские настроения Каджаров все же стали причиной новой русско-иранской войны 1826–1828 гг., начавшейся с нападения Ирана на форпосты русских войск в Армении, Карабахе и Талыше. Фатх-Али-шаха вдохновили на войну дошедшие в Иран сведения о восстании декабристов 14 декабря 1825 г., которое иранцы посчитали следствием междоусобной борьбы двух претендентов на престол и проявлением слабости российской стороны. Аббас-мирза, сформировавший новую армию с помощью европейских инструкторов и опробовавший ее в вышеупомянутой войне с Турцией 1821–1823 гг., решил воспользоваться удобным случаем и вернуть утраченные иранские земли. Весной 1826 г., провоцируя Иран к началу боевых действий против России, Великобритания начала выплачивать Ирану военную субсидию, предусмотренную ст. VI англо-иранского договора 1814 г.¹

31 июля 1826 г. 40-тысячная армия Аббас-мирзы вторглась в пределы южных областей России со стороны Эриванского ханства в районе Карабаха, заняла Ганджу, осадила Шушу.

15 сентября 1826 года произошло решающая битва у р. Шамхор в окрестностях Ганджи. Русская армия под командованием генерал-лейтенанта В. Г. Мадатова (1782–1829) разгромила лучшие силы иранской армии. 17 сентября отряд Мадатова освободил Ганджу и снял осаду с Шуши. Тем временем войска А. П. Ермолова полностью освободили от неприятеля Закавказье.

29 марта 1827 г. Ермолова сменил И. Ф. Паскевич (1782–1856).

25 сентября Отдельный Кавказский корпус Паскевича под Ганджой разгромил 50 тыс. иранскую армию, имея только 8 тыс. солдат и 24 орудия. К концу октября иранцы были отброшены за р. Аракс.

¹ Aitchison C. U. A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries. Calcutta, 1933. V.XIII. P.62.

В июне 1827 г. Паскевич двинулся на Эривань, 17 июля нанес поражение Аббас-мирзе у ручья Джаван-Булак, а 19 июля принудил к капитуляции крепость Сардар-Абад.

В начале августа 1827 г. Аббас-мирза, стремясь остановить дальнейшее наступление русских, вторгся в Эриванское ханство, 27 августа осадил Эчмиадзин, но, понеся поражение от генерал-майора А. И. Красовского (1781–1843) у с. Ушаган (Ошакан) на р. Касах, отступил в Иран.

13 октября Паскевич взял Эривань и вступил в Иранский Азербайджан. 26 октября отряд генерал-лейтенанта князя Г. Е. Эриванского (1769–1863) овладел Тебризом.

Военные неудачи заставили персов пойти на мирные переговоры. Туркманчайский мирный договор (в с. Туркманчай близ Тебриза), заключенный между Российской империей и Ираном, был подписан 22 февраля 1828 г. По нему подтверждались все условия Гюлистанского мира, признавался переход к России части Каспийского побережья до р. Астара и Восточной Армении. Подтверждалось исключительное право России иметь военный флот в Каспийском море (ст. 8). На территории Восточной Армении было создано особое административное образование – Армянская область, с переселением туда армян из Ирана. Границей между государствами стала р. Аракс.

По условиям мирного договора Фатх-Али-шах должен был выплатить России контрибуцию в 20 млн руб. серебром (ст. 6). Иранская сторона обязалась предоставить амнистию всем жителям Иранского Азербайджана, сотрудничавшим с русскими войсками (ст. 15), и позволить всем военнопленным и подданным другого государства вернуться на родину (ст. 13).

Следует подробно проанализировать статьи и подчеркнуть значение этого договора, поскольку он в течение длительного времени определял принципы двусторонних отношений.

Одновременно с мирным договором в Туркманчае был подписан и особый трактат о торговле, подтверждающий Гюлистан-

ский договор 1813 г. о предоставлении купцам обеих стран права свободной торговли и взимании единовременной пограничной пошлины в размере 5% от стоимости ввозимых товаров.

Потери русской армии убитыми в 1826–1828 гг. составили 1530 чел. Достоверных данных об иранских потерях нет, но, согласно оценкам того времени, они в несколько раз превышали русские. Как и в войне 1804–1813 гг., число умерших от болезней с обеих сторон было в несколько раз больше, чем число погибших в бою.

Истребление российского посольства А. С. Грибоедова в Тегеране (1829)

Самый трудный период русско-иранских отношений конца XVIII – первой трети XIX в., ознаменовавшийся походами Ага-Мухаммад-хана в Грузию и В. А. Зубова в Иран, двумя войнами, гибелью российских и иранских солдат, разорительной для Ирана послевоенной контрибуцией, падением престижа правящей династии и пр., начался с ареста М. И. Войновича в 1780 г. и разорения русского консульства в Энзели в 1793 г., а завершился погромом в Тегеране в феврале 1829 г., сделав посланника А. С. Грибоедова и почти всех членов миссии последними жертвами этой эпохи острейших противоречий между нашими странами.

Российское посольство во главе с А. С. Грибоедовым прибыло в Иран осенью 1828 г. Основная резиденция посольства находилась в пограничном с Россией Тебризе – столице иранского Азербайджана. Для встреч с Фатх-Али-шахом российский посол выезжал в Тегеран. Главной задачей А. С. Грибоедова было добиться безусловного выполнения статей Туркманчайского договора. Твердая и бескомпромиссная политика Грибоедова в вопросах выплаты контрибуции, организации консульств и торговых представительств (ст. 10), возвращения российских военнопленных и подданных вызывала противодействие со стороны иранских должностных лиц и придворных русофобов.

В январе 1829 г. Грибоедов вел тяжелые переговоры в Тегеране с шахом и его сановниками. После очередной неудачной аудиенции у шаха (она была прощальной) Грибоедов потребовал выплаты оставшейся части иранского долга и представил Фатх-Али-шаху списки находившихся в Иране лиц, которых надлежало вернуть России. Вслед за этим в его временную резиденцию на окраине города прибежали две женщины из гарема первого министра и зятя шаха Аллаяр-хана, а затем второй евнух шахского гарема, казначей и главный хранитель драгоценных камней иранского монарха армянин мирза Якуб Маркарян. Они просили посла отправить их на родину, ставшую после окончания войны частью Российской империи. Грибоедов знал, что покровительство им может иметь опасные последствия. Иранцы не допускали, что под статью 13 Туркманчайского трактата могут попасть их временные жены, наложницы и евнухи, которые считались по местным законам личной собственностью их владельцев. Кроме того, Якуб Маркарян, попавший в плен в ходе войны в 1804 г., оскотеленный и обращенный в ислам, успешно занимался торговлей, был богат, влиятелен и знал много тайн шахского двора. После продолжительной беседы с мирзой Якубом Грибоедов принял беглецов под свое покровительство и укрыл на территории российской резиденции.

Ответными действиями иранцев были арест всего обширного имущества мирзы Якуба и частые визиты в резиденцию посла с настойчивым требованием выдать беглого евнуха. Последнего немедленно обвинили в попытке покинуть Иран, чтобы не платить колоссальный долг шахской казне. Это не изменило решения Грибоедова, заявившего, что русский посол своего объявленного покровительства отменить не может.

Это было использовано врагами России как повод для открытого выступления против русского посольства. В мечетях и на базарах было объявлено, что русский посланник и его подчиненные дерзко нарушают законы ислама и предписания шариата.

Социально и укладно неорганизованные слои тегеранского населения (в Иране их называют *лут*) с готовностью восприняли призыв столичного духовного авторитета муджтахида хаджи мирзы Масиха (Моси, Муса) Астарабади напасть на российскую миссию и сурово покарать оскорбителей иранских традиций.

11 февраля 1829 г. разъяренная толпа тегеранской черни, возглавляемая муллами и людьми Аллаяра-хана, первой атакой ворвалась на территорию резиденции посольства, убила мирзу Якуба Маркаряна и вернула двух женщин хозяину. Затем многократно увеличившаяся и вооружившаяся толпа напала на дом, где остановился посол и члены миссии (7 членов посольства, 16 казаков, 30 человек прислуги). Оборонявшийся до конца А. С. Грибоедов принял смерть с оружием в руках. Он был изрублен до такой степени, что опознать его тело смогли только с большим трудом. Во время нападения весь казачий конвой выполнил свой последний воинский долг и был растерзан. Из всей миссии спаслись лишь двое слуг и сын богатого стеклопромышленника С. А. Мальцова (1771–1823) первый секретарь миссии И. С. Мальцов (1807–1880). Якобы предупрежденный одним из местных ханов, он сумел скрыться и переждал расправу. Шах был осведомлен о готовящемся нападении, но должных мер для охраны российского посланника предпринято не было.

А. С. Грибоедов (1790–1829)

Ряд исследователей, изучавших документы о погроме российской миссии, пришли к выводу, что трагедия походила скорее на преднамеренное политическое убийство российского посла¹.

К погрому российской миссии могли иметь отношение некоторые сотрудники английской миссии, которые, по мнению И. Ф. Паскевича, всячески противодействовали активной деятельности А. С. Грибоедова, рьяно отстаивавшего интересы России в Иране.

Надо признать, что действия британцев после тегеранской резни были недружественными по отношению к России. Сразу после гибели российской миссии Фатх-Али-шах по совету англичан приказал наследнику престола и главнокомандующему Аббас-мирзе выплатить солдатам деньги, собранные для уплаты контрибуции России, и готовиться к войне с русскими. Турки подбивали Иран на новую войну с Россией, тем более что британцы обещали шаху оружие и деньги на совместную ирано-турецкую военную кампанию против русских. В этой связи определенный интерес представляют донесения самого И. С. Мальцова, который первоначально обвинял в происшедшей трагедии шаха, англичан и подкупленных ими иранских вельмож (прежде всего нового каим-макама Абу-ль-Касима и муджтахид хаджи мирзу Масиха²), и лишь затем «холодная струя благоразумной осторожности» увлекла его до обвинения Грибоедова в излишнем усердии³.

По долгу службы А. С. Грибоедову пришлось бороться как с иностранными, так и с внутренними недругами, деятельность

¹ Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967. С. 244–255.

² Донесение И. С. Мальцова К. В. Нессельроде от 25 марта 1829 г. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. М., Международные отношения, 1995. С. 149–150.

³ Мальшинский А. Н. Подлинное дело о смерти Грибоедова // Русский вестник. 1890, июнь. С. 16.

которых на высоких постах зачастую не только не отвечала, но прямо противоречила национальным интересам, препятствовала проведению успешной политики России на Востоке. Последовавшие события в истории российско-иранских отношений показали, что А. С. Грибоедов выиграл эту войну на два фронта, хотя и заплатил за победу своей жизнью и жизнями своих товарищей.

С привлечением соответствующего учебно-методического материала, исторических документов и исследований отечественных и зарубежных исследователей преподаватель должен отметить, что после тегеранской трагедии руководство и дипломатия России в меньшей степени приводили основное направление своей восточной политики в соответствие с пожеланиями европейских союзников, в большей мере стали учитываться собственно российские цели и задачи в регионе.

Неизвестно, вспоминал ли Николай I гибель А. С. Грибоедова, когда в 1832 г. вызвал дипломатический скандал, наотрез отказавшись принять в России британского посла-русофоба Ч. Стратфорд-Каннинга (1786–1880), но «тегеранское происшествие»¹ заметно охладило отношения России и Великобритании, а также, вероятно, в некоторой степени развеяло иллюзии заинтересованных лиц относительно возможности проведения согласованной российско-британской политики на Среднем Востоке.

Преподавателю следует обратить внимание на то, что отказ от силового решения проблемы после истребления российского посольства в Тегеране и прием в Санкт-Петербурге иранской «искупительной миссии» Хосров-мирзы (1813–1875) позволили России в дальнейшем одержать важную дипломатическую победу над Великобританией, добившись похода иранцев на Герат в 1833 г. и в 1837–1838 гг. вопреки воле англичан. Иран, в свою очередь, сумел собраться с силами и доказать дееспособность

¹ Так убийство полного состава российского посольства в Тегеране охарактеризовал К. В. Нессельроде. См. *Нессельроде К. В. Указ. соч.* С. 223.

центральной власти в борьбе с сепаратистами и мятежниками в Йазде и Хорасане.

Иранские еретики в российской политике. Рост влияния России в Иране во второй половине XIX в.

Пристальное внимание, которое российские представители уделяли духовной сфере жизни иранцев, а также роли и значению шиитского духовенства в общественно-политической жизни страны, в скором времени пригодились для оценки вероучения сайида Али-Мухаммада Ширази (1820–1850), более известного как Баб, последователи которого мощно потрясли основы иранского общества и Каджарской государственности в ходе масштабных вооруженных восстаний 1848–1853 гг., вспыхнувших сразу после смерти Мухаммад-шаха.

От крайне негативного отношения к сектантам-революционерам, которых европейские дипломаты за лозунги обобществления имущества сравнивали с европейскими коммунистами, до поддержки и попыток использовать политический потенциал необабизма-бахаизма¹, ошибочно рассматриваемого в качестве переходной стадии от ислама к христианству, – таков был путь эволюции во взглядах россиян и британцев применительно к идеологии и организации иранских еретиков. Британские и российские дипломатические представители оперативно оценили возможность использования этого движения в своих политических интересах на Среднем Востоке².

¹ Подробно о бахаизме см. *Базиленко И. В.* Бахаизм: история вероучения (сер. XIX – нач. XX вв.). М., 1994; *Он же.* Краткий очерк истории и идеологии бахаитской международной общины (XIX–XX вв.). СПб., 1998.

² Об использовании бахаитов британской разведкой см. *Кузнецова Н. А.* К истории изучения бабизма и бахаизма в России // *Очерки по истории русского востоковедения.* Сб. 6. М., 1963. С. 106.

После подавления бабидских восстаний 1848–1853 гг. многие иранские бабиды нашли убежище в Британской Индии и России, в основном в среднеазиатских и закавказских владениях. Несколько десятков семей бабидов эмигрировали в Россию и обосновались в российском Туркестане. В 80-е гг. XIX в. в Ашхабад с одобрения вождя необабидов-бахаитов Баха-Аллаха (1817–1892) переехали крупные международные торговцы во главе с его зятем. При благожелательном отношении местных властей бахаи быстро богатели, и вскоре из Хорасана и Иранского Азербайджана в Ашхабад поспешили их единоверцы. Многие зажиточные бахаи вошли в городское правление и стали постоянными членами городского общественного собрания.

*Баха-Аллах
(мирза Хусайн-Али Нури,
1817–1892)*

Комфортное положение бывших подданных шаха, потрясавших основы иранской монархии в непосредственной близости от границ страны, вызвало неудовольствие шаха, которое он высказал российскому правительству. Российским властям пришлось заверить Насер ад-Дин-шаха в том, что они не намерены оказывать милости бахаитам¹.

К началу XX в. бахаитская международная община при поддержке российских властей сумела достичь определенных успехов в распространении бахаизма в мусульманских регионах России, частично – в крупных промышленных и культурных центрах Европейской России, а также упрочила свое положение в Иране.

¹ Nash G. Iran's Secret Pogrom. Sudbury, 1982. P. 28.

Оказывая покровительство иранским бабидам-бахаитам¹ на территории Российской империи и за ее пределами, российские власти и дипломатические представители России руководствовались соображениями гуманности по отношению к преследовавшимся на родине еретикам. В свою очередь, они были вправе рассчитывать на то, что бахаитская община и бахаитская идеология будут способствовать, с одной стороны, бесконфликтной аккумуляции мусульманских окраин и адаптации местного населения к реалиям общественно-политического и экономического развития империи; а с другой стороны, что бахаиты, оставаясь влиятельной политической силой в Иране, будучи тесно связанными, духовно и экономически, со своими единоверцами в России, будут содействовать укреплению влияния российского государства на различные сферы жизни иранского общества. При этом многие россияне исходили из ложного представления о бахаизме как переходной ступени от ислама к христианству, опираясь в своих выводах на декларативную веротерпимость вероучения бахаи.

Следует обратить внимание студентов на то, что, несмотря на некоторые выгоды и преимущества, полученные российской стороной вследствие взаимодействия с бахаи, конечные результаты этого сотрудничества оказались малополезными для России в силу трех существенных обстоятельств:

- во-первых, ухудшились отношения с иранскими властями, которые потребовали от России официальных объяснений в связи с российским покровительством опасным сектантам, представлявшим угрозу иранской государственности и традиционному вероисповеданию в непосредственной близости от иранских границ;

- во-вторых, кроме россиян, бахаитской организацией и ее потенциальными политическими возможностями заинтересо-

¹ В 60–70-е гг. XIX в. большинство бабидов стали бахаи – последователями Баха-Аллаха, а меньшинство – азали, т. е. приверженцами его единокровного брата Собх-е Азала.

лись представители Западной Европы и США, которые стремились использовать бахаи не только на мусульманском Востоке, но и в Европейской России, что противоречило стремлению большинства россиян;

– в-третьих, к концу XIX в. у бахаи уже была самостоятельная программа по распространению своего вероучения и усилению собственной социальной значимости, которую они искусно претворяли в жизнь, играя на противоречиях между христианским Западом и мусульманским Востоком, между православной Россией и протестантско-католической Западной Европой, между Россией и Ираном, между шиитским Ираном и суннитской Турцией и т. д.

Коммерческие операции между российскими и иранскими бахаи способствовали главным образом обогащению и укреплению бахаитской организации и ее членов. Значительная часть торговой прибыли отправлялась непосредственно в Палестину в распоряжение Баха-Аллаха и его семейства. Торговые успехи бахаи мало сказывались на развитии русско-иранских экономических связей.

Необходимо сделать особый акцент на том, что попытки использования третьей силы, своеобразной «пятой колонны», в интересах активной внешней политики в Иране приносили России гораздо меньше выгод, нежели ожидалось. Опора на собственные традиционные мировоззренческие ориентиры и национальные духовные ценности давала, как правило, более обнадеживающие и долговременные результаты, значительно укреплявшие престиж России в глазах большинства населения Ирана.

Выступив в шиитском Иране и суннитской Турции в роли силы, враждебно настроенной по отношению к мусульманскому духовенству и традиционным государственным институтам, бахаизм оказался объективно оппозиционен основному православному вероисповеданию и традициям русской государственности в Российской империи. Именно по этой причине бахаизм

позднее привлек самое пристальное внимание и вызвал живейший интерес среди представителей антиправославных, интернациональных нигилистических движений в Европейской России на рубеже XIX–XX вв. Неслучайно, что популяризатором бабидско-бахаитских идей в России на долгое время стали отлученный от православной церкви Л. Н. Толстой (1828–1910), его ученики и последователи, нашедшие сходство в космополитическом мировоззрении иранских еретиков и толстовцев.

При изложении темы надо подробно остановиться на том обстоятельстве, что во второй половине XIX в. влияние России на иранскую действительность значительно возросло благодаря развитию совместной торговли, экспорту российского капитала в Иран, активному освоению российскими промышленниками и предпринимателями Ирана, превратившегося к концу века почти полностью в зону жизненно важных интересов России, как экономических, так и политических. Русский язык занял первое место по распространению среди иностранных языков преимущественно в иранском торговом сословии. Во многом под влиянием российского высшего общества в шахском окружении распространился французский язык¹.

С появлением консульских учреждений России в различных городах Ирана, представлявших интересы российских подданных, увеличилось число путешественников, исследователей, врачей, инженеров, купцов из России, отправлявшихся в Иран с разными целями и задачами. По возвращении часть из них опубликовала свои отчеты, мемуары, путевые дневники, результаты проведенных исследований и пр. Среди наиболее известных – сочинения Ф. А. Бакулина, Г. Д. Батюшкова, И. Ф. Бларамберга, И. Н. Березина, В. А. Жуковского, В. А. Косаговского, П. И. Огородникова, С. И. Уманца, Н. В. Ханыкова.

¹ Заимствованное из французского «мерси» с этого времени стало на долгие годы обыденным эквивалентом устно высказанной благодарности среди всех слоев иранского населения. – И. Б.

Преподавателю следует отметить особую роль русских ученых, дипломатов, офицеров, литераторов в расширении представлений российской общественности об иранской действительности в рассматриваемый период (конец XIX в.).

Гораздо скромнее вклад иранской стороны в изучение северного соседа. Тем ценнее сохранившиеся мемуары главного иранского исследователя России и западноевропейских стран, который даже вошел в историю с прозвищем «шах-путешественник». Речь идет о Насер ад-Дин-шахе, предпринявшим три поездки в Европу в 1873, 1878 и 1889 гг. Самыми интересными по свежести впечатлений, безусловно, являются мемуары Насер ад-Дин-шаха, написанные во время первого путешествия в Европу. Россия оказалась первой чужеземной страной на пути иранского шаха, и пребыванию в ее пределах иранский государь уделил довольно много места в своем дневнике.

Все характеристики, которые шах дал российской действительности того времени, отличаются возвышенными эпитетами и сравнениями. Россия поразила иранцев своей чистотой, красотой, надежностью транспортных средств, совершенством техники, доброжелательностью населения, роскошью и изяществом дворцов, изобилием памятников старины, разнообразием средств досуга и многим другим.

Наблюдательный, чрезвычайно любознательный, спокойный, обходительный и приятный в общении человек – таким предстал перед русскими читателями иранский шах, мемуары которого были переведены в России и пользовались широкой популярностью среди читающей публики¹.

Из всех видов досуга Насер ад-Дин-шаху очень пришелся по душе русский балет. По возвращении на родину шах одел весь свой гарем в балетные пачки поверх традиционных шальвар.

¹ Пребывание шаха Насръ – Эддина в России во время первого путешествия Его Величества по Европе в 1873 году. (Извлечение из собственного Его Величества дневника). Пер. Э. Кориандер. СПб., 1889.

Насер ад-Дин-шах Каджар –
«шах-путешественник»
(1848–1896)

Примеру монарха последовали придворные, состоятельные люди, а затем и подавляющая часть иранского населения, так что наряд русских балерин превратился в повседневную одежду иранок. По сей день иранские женщины практически повсеместно (в сельской местности даже преимущественно. – И. Б.) носят нательную кофточку «йаль» и очень короткую пышную плиссированную юбку «шалите», нисколько не задумываясь о русском происхождении этих атрибутов национальной одежды персиянок.

В целом первое посещение России оставило у Насер ад-Дин-шаха самые добрые чувства и воспоминания, объективно способствовав улучшению русско-иранских отношений. Не менее удачными можно считать и его последующие визиты, которые коренным образом изменили былую враждебность и антирусские настроения первых шахов Каджарской династии. Увлечение шаха Россией способствовало возникновению интереса к русской истории и привело к появлению соответствующего раздела во всеобщей иранской истории «Роузат ас-Сафа», который написал придворный историограф Реза-кули-хана Хедаят (1800–1871).

Сравнив русскую армию с армиями европейских стран и признав ее лучшей среди прочих, шах решил переустроить иранские вооруженные силы по русскому образцу и подобию. По просьбе Насер ад-Дин-шаха русские офицеры должны были создать персидский казачий полк – первоначально для охраны шахской резиденции.

В ноябре 1878 г. способный офицер для особых поручений при штабе Кавказского военного округа подполковник А. И. Домонтович (1846–1908) был командирован в Иран, где совершил осмотр местных войск и составил предложения по усовершенствованию вооруженных сил страны. 7 февраля 1879 г. он подписал контракт с шахским правительством об условиях приглашения на постоянной основе русской военной миссии и об организации Персидского казачьего полка. Домонтович был назначен начальником миссии, в 1880 г. произведен в полковники и служил

*В. А. Косаговский
(1857–1918)*

первым командиром этого подразделения до 1882 г. Впоследствии он составил интересные записки о своей службе в Иране¹.

Персидская казачья бригада окончательно была сформирована к 1881 г., однако до середины 90-х гг. XIX в. российское правительство уделяло ей немного внимания, вспоминая только тогда, когда в этом была политическая необходимость.

Один из самых известных командиров бригады (в 1894–1903 гг.) полковник В. А. Косаговский (1857–1918), чьи дневниковые записки и воспоминания хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 30), подчеркивал особое значение этого подразделения для подготовки иранских офицеров.

Персидская казачья бригада превратилась в самую организованную боевую единицу иранской регулярной армии. Полковник

¹ Домонтович А. И. Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина № 1–4. 1908 г.

В. А. Косаговский приобрел чрезвычайное влияние при шахском дворе и принимал заметное участие во внутривосточной жизни Каджарского государства. К сентябрю 1899 г. численность бригады составляла около 1,5 тыс. казаков, которые занимались охраной шаха и высших должностных лиц, караульной службой при дипломатических миссиях, консульствах, министерствах, арсеналах, отделениях банков, подавлением беспорядков и взиманием налогов с населения.

Персидская казачья бригада в качестве самого боеспособного соединения иранской армии стала настоящей школой местных офицерских кадров, давшей Ирану первых представителей военной интеллигенции, включая основателя будущей правящей династии Пахлави (1925–1979).

Таким образом, русским офицерам удалось совершить то, в чем не добились успеха французские и английские военные инструкторы, неоднократно пытавшиеся создать регулярную иранскую армию европейского типа.

Благожелательное отношение Насер ад-Дин-шаха к России отчетливо проявилось в процессе подписания совместной Конвенции 1881 г., которая определила большую часть границы между российской Закаспийской областью и северо-восточными провинциями Ирана. В то время дальнейшему улучшению отношений между нашими странами всемерно препятствовала Великобритания, которая в лице своих официальных представителей без стеснения применяла любые средства для того, чтобы посеять вражду к России в иранской среде. Во многом из-за позиции англичан Конвенция 1881 г. получила отрицательную оценку в сознании последующих поколений иранцев, несмотря на то, что территориальная целостность Ирана не пострадала никоим образом. Британцы активно вмешивались в ход русско-иранских переговоров, неоднократно пытались их сорвать. Только ряд жестких заявлений России по этому поводу, включая ноту иранскому правительству, сумели охладить эмоции британских политиков и агентов, недо-

вольных российско-иранским согласием, достигнутым по ряду принципиальных вопросов.

Изучение динамики и структуры торговли между Ираном и Россией в сравнении этих показателей с торговлей Ирана со странами Западной Европы позволяет сделать достаточно аргументированный вывод о том, что торговля России с Ираном не носила характера торговой экспансии. Вывоз из Ирана в Россию почти на всем протяжении XIX в. превышал в 2–3 раза российский экспорт в Иран, и лишь к началу XX в. тенденция изменилась.

Экономические связи Ирана с Россией на севере страны были чрезвычайно выгодны иранской стороне. Россия развивала не только торговлю, но и иранскую промышленность.

При изложении учебного материала следует особо отметить, что из 61 иранской фабрики, имевшихся в Иране к началу XX в., 60 находились в «русской» зоне влияния на севере. Через построенный русскими порт Энзели на Каспии осуществлялась в основном вся торговля Ирана с Европой, что превратило Энзели в один из самых процветающих городов Ирана на рубеже XIX–XX вв.¹

Подводя итог данному историческому разделу, преподаватель должен подчеркнуть, что, соперничая в Иране с экономически развитыми западноевропейскими странами, Россия чаще одерживала верх, когда прибегала к своему богатейшему культурному наследию. Общеизвестные гибкость и широта приемлемости русского национального сознания, рациональная веротерпимость и уважительное отношение к инородным традициям выгодно отличали россиян в целом в глазах иранцев в сравнении с европейским прагматизмом. Многие из достижений российской внешней политики в Иране проистекали из национально-культурных особенностей и духовно-психологических корней, объединявших россиян и иранцев.

¹ Годс М. Р. Иран в XX веке. Политическая история / пер. с англ. М., 1994. С. 32.

Россия и иранская революция 1905–1911 гг.

В период 1905–1911 гг. в Иране происходила Конституционная революция. Корни революции находились не только внутри страны. Внешнеполитический курс Музаффар ад-Дин-шаха, который был ориентирован на Россию, вызывал крайнее недовольство Великобритании. Стремясь ослабить русское влияние в Иране, британцы не только заигрывали с конституционалистами и революционерами, но и предоставляли мощную финансовую и политическую поддержку духовным лидерам антикаджарского шиитского духовенства.

С привлечением соответствующего учебно-методического материала, исторических документов, трудов отечественных и зарубежных исследователей преподаватель должен осветить основные этапы и особенности российско-иранских отношений в ходе иранской революции.

Сотрудники российской дипломатической миссии тщательно следили за ходом иранской революции, регулярно готовили для МИД России обзоры событий и отслеживали все сколь-нибудь значимые изменения во внутривнутриполитической атмосфере в стране, в особенности в северных областях Ирана, граничивших с Россией.

Дабы оказать на правительство давление и заставить его поторопиться с уступками, революционный меджлис после долгих прений решил вызвать беспорядки не в самом Тегеране, где у правительства были войска, а в Тебризе, где почва была хорошо подготовлена. По указанию из Тегерана жители Тебриза закрыли лавки, заняли все правительственные учреждения, почту, телеграф, таможню. Подобные беспорядки революционеры грозили вызвать и в самом Тегеране.

Постепенно революционный хаос, начавшийся в столице и крупных городах, перекинулся в сельскую местность, где зачастую принимал формы крестьянских бунтов, выражавшихся не

только в отказе от уплаты налогов и податей, но и в насилиях и убийствах противников конституции.

В 1907 г. было заключено британско-российское соглашение о разделе Ирана на сферы влияния, согласно которому Иран делился на три части: Северный Иран (российская), Центральный Иран (нейтральная и открытая для соперничества) и Южный Иран (британская).

Российские дипломаты свидетельствовали, что начало 1908 г. (январь-февраль) по всей стране ознаменовалось значительной радикализацией революционных беспорядков, увеличением уголовных преступлений, вплоть до зверских убийств состоятельных иранцев, сборщиков налогов и иностранцев.

Весной 1908 г. обстановка на границе Ирана с Россией осложнилась настолько, что потребовала временного вмешательства российской армии для наказания распоясавшихся уголовников за нападения на российские пограничные посты и селения, поскольку местные иранские власти были не способны навести порядок на своей территории.

Следует обратить особое внимание учащихся на то, что российским войскам в Иране приходилось действовать в основном против воинственных кочевников, с которыми не могла справиться шахская армия. За каждый случай грабежа и разбойного нападения с племенных вождей российскими войсками взыскивалась денежная сумма в пользу потерпевшей стороны. Убийства подданных Российской империи карались смертными приговорами, которые выносил российский военно-полевой суд¹. Все сношения войсковых начальников в занимаемых русскими войсками городах с местными властями и населением должны были производиться через российских дипломатов. Категорически запрещалось совместное с русскими войсками пребывание

¹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. 5. СПб., 1912. С. 48–2.

в населенных пунктах и передвижение по охраняемым русскими войсками дорогам каких-либо вооруженных отрядов и партий, деятельность которых носила разбойничий характер¹.

По мере углубления революционного кризиса, противостояния сторонников и противников монархии страна скатывалась в социальный хаос. Пришедший к власти законный престолонаследник Мухаммад-Али-шах, как и его предшественники, в большей степени ориентировался на Россию. Англичане готовили его свержение и приход к власти Зилл ас-Султана – старшего сына покойного шаха, рожденного наложницей. Радикально настроенные депутаты иранского парламента-меджлиса, зачастую укрывавшиеся от преследований властей на территории британской миссии, приступили к вооружению огнестрельным оружием всех революционеров и криминальных элементов столицы. Дальнейшее промедление грозило фатальными последствиями для будущего страны и ее народонаселения.

24 июня 1908 г. Мухаммад-Али-шах разогнал меджлис, отказавшийся разоружиться и приостановить свои полномочия, при помощи Персидской казачьей бригады под командованием полковника В. П. Ляхова (1869–1920), назначенного военным губернатором Тегерана. При этом шах не отказал своему народу в праве иметь конституцию, ограничивающую права монарха, однако предложил ее новую редакцию. Непосредственным автором второго варианта иранской конституции оказался А. Р. Барановский – переводчик русской миссии, находившийся в ее составе с 1898 г. и зарекомендовавший себя чрезвычайно способным и деятельным сотрудником².

Из предъявленных требований наиболее опасным казалось шаху объявление Ирана страной конституционной и учреждение

¹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. 2. СПб., 1911. С. 139–40.

² АВ ИВР РАН. Ф. 17. Оп. 2. Письма А. Р. Барановского В. А. Жуковскому. Л. 106.

провинциальных меджлисов¹, которые разнесли бы анархию по всей стране. В конце концов Мухаммад-Али-шах признал форму правления в стране конституционной, но это не остановило распространение революционного хаоса.

16 июля 1909 г. после захвата революционерами столицы собрался чрезвычайный национальный совет, который объявил о низложении шаха и передаче власти его несовершеннолетнему сыну Султан-Ахмаду (1898–1930)². Мухаммад-Али-шах был вынужден скрыться в российской миссии, а затем уехать в изгнание в Россию. В 1911 г. он вернулся в Астрабад с военным отрядом роялистов и туркменов, которых нанял на пенсию иранского правительства, и попытался восстановить свою власть.

*Мухаммад-Али-шах Каджар
(1907–1909)*

Преподавателю следует объяснить студентам, что, судя по сообщениям российских представителей, попытка переворота была предпринята шахом по инициативе его брата Шоа ас-Салтане втайне от России, без помощи с ее стороны³.

¹ Имеются в виду анджоманы – революционные комитеты того времени. Первый анджоман (энджумен) был создан в Тегеране в сентябре 1906 г.

² Регентом стал старейший каджарский принц Азад ал-Молк.

³ Из копии секретного донесения № 29 российского императорского консула в Астрабаде К. Иванова в российскую императорскую миссию в Персии от 20 июля 1911 г. Из копии секретного рапорта № 461 начальника Красноводского уезда на имя начальника Закаспийской области от 30 августа 1911 г. Цит. по: Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 274–275.

Авантюра шаха, предпринятая на свой страх и риск, закончилась провалом: все его сторонники были разбиты правительственными войсками. Шах бежал в Россию и в Иран больше не возвращался¹.

После небольшого периода затишья ситуация вновь обострилась осенью 1911 г., когда произошли нападения многочисленных вооруженных групп на российский отряд в Тебризе, участились случаи обстрела российских консульских учреждений и конвоев в Реште. Кочевники нападали на торговые караваны. В вылазках против российских войск участвовали отряды протурецки настроенных губернаторов западных провинций, а также представители революционных группировок российского Закавказья.

В Тегеране глава американской финансовой миссии, занимавший пост главного финансового советника и казначея Ирана, У. М. Шустер (William Morgan Shuster, 1877–1960) принял решение о конфискации имущества Шоа ас-Салтане как главного зачинщика реставрации власти Мухаммад-Али-шаха. Поскольку все имущество Шоа ас-Салтане было заложено в Русском учетно-ссудном банке и фактически ему не принадлежало, возник закономерный конфликт интересов, который Шустер всемерно постарался раздуть до размеров вопроса о политической независимости Ирана. 11 ноября 1911 г. в Тегеране посол России вручил иранскому правительству ультиматум с требованиями восстановления порядка в стране и обеспечения защиты экономических интересов России. Радикально настроенные иранские парламентарии отвергли ультиматум в резкой форме.

По истечении срока ультиматума войска России перешли границу и заняли Казвин. 23 ноября в Тегеране шахское правительство согласилось удовлетворить все российские требования².

¹ Умер 5 апреля 1925 г. в Италии. Похоронен в Кербеле близ гробницы Хусайна ибн Али (Имама Хусайна, 626–680).

² Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. 7. СПб., 1911–1913. С. 287–90, 371–72.

При изъятии российскими войсками крупных партий оружия в Тебризе и Реште вспыхнули беспорядки, которые привели к жертвам среди мирного населения. В западные приграничные земли Ирана вступили турецкие войска, которые взяли под свой контроль проходы на горных перевалах между Хоем и Дильманом.

Российские войска начали операции по вытеснению турецких войск с иранской территории. Подразделения подходили на рассвете к турецким бивакам и, выставив пушки и пулеметы на высотах, требовали от них покинуть территорию Ирана. Турки сопротивления не оказывали.

Командир 11-го турецкого корпуса Джабир-паша в присутствии иностранных консулов заявил, что, убедившись на деле, что такое иранская конституция и какая анархия царит в стране, считает приход русских войск в Иран проявлением человечности и гуманности, а не результатом каких-либо агрессивных намерений. Русские, по мнению Джабир-паши, поступали в Иране очень умело и осторожно, а потому симпатии почти всего местного населения были на их стороне¹.

При изложении данного лекционного материала следует отметить, что, несмотря на распространенное в мировой историографии мнение о том, что Россия подавила иранскую революцию 1905–1911 гг. и уничтожила все завоевания конституционного движения, многие из нововведений сохранились в стране. К их числу относятся: введение конституционной формы правления, учреждение парламента-меджлиса, реформа образования и упорядочение деятельности партий, профсоюзов, выпуск частных газет, выход на политическую арену новых социальных сил и упразднение многих средневековых общественных институтов.

¹ Нетесов А. Миротворческая миссия за Араксом. Как русские войска нормализовали обстановку в Персии в начале XX века // Независимое военное обозрение. 2009, июль, 3. Эл. версия: URL: http://nvo.ng.ru/history/2009-07-03/12_persia.html (дата доступа 21.03.2011).

А. Р. Барановский свидетельствовал, что даже в кризисном 1909 г. после свержения Мухаммад-Али-шаха российские официальные представители вели достаточно тактичную политику в отношении тех иранских конституционалистов, которые соблюдали законодательство и не были замешаны в уголовных преступлениях: «...посланник долго (по 5–6 часов) беседует с персами, но дело не подвигается, а приналежь и припугнуть персов не позволяет наше конституционное воспитание»¹.

После обеспечения стабильности большая часть российских войск покинула Иран, однако отдельные подразделения находились на иранской территории вплоть до начала Первой мировой войны.

В феврале 1912 г. иранское правительство официально признало англо-российское соглашение 1907 г. о разделе Ирана на сферы влияния и немедленно обратилось к России и Великобритании за новыми займами на содержание ослабленной революционными событиями страны. В 1911–1914 гг. Иран получил от России 14 млн рублей, от Великобритании – 2 млн ф. ст.

Россия и Иран в годы Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. Иран в силу важного стратегического положения попал в сферу борьбы двух противоборствующих блоков. В отличие от Германии и Турции, которые стремились вовлечь Иран в войну на своей стороне, Россия и Великобритания хотели лишь нейтралитета Ирана. Официально Иран заявил о своем нейтралитете 2 ноября 1914 г., что, впрочем, не помешало противоборствующим силам превратить страну в арену ожесточенных военных столкновений.

¹ АВ ИВР РАН. Ф. 17. Оп. 2. Письма А. Р. Барановского В. А. Жуковскому. Л. 5.

В начале ноября 1914 г. турецкие войска вторглись в Северо-Западный Иран и напали на левый фланг Кавказской армии России. По приказу командования российская армия отступила к границе вместе с несколькими тысячами иранских христиан-беженцев. В январе 1915 г. отряды под командованием генерал-майора Ф. Г. Чернозубова (1863–1919) разгромили турецкую армию и без боя освободили Тебриз. Весной 1915 г. российско-турецкое военное противоборство переместилось из Иранского Азербайджана в район оз. Ван и Иранский Курдистан.

*Н. Н. Баратов
(Бараташвили, 1865–1932)*

В марте 1915 г. британская дипломатия добилась признания почти всей «нейтральной зоны»¹ из договора 1907 г. сферой влияния Великобритании в обмен на обещание по завершении мировой войны отдать России все черноморско-средиземноморские проливы.

Для противодействия активности Германии и Турции в Иране Великобритания и Россия договорились о создании войскового заслона вдоль восточной границы. В октябре 1915 г. в Энзели высадился и направился в Казвин экспедиционный корпус под началом генерала Н. Н. Баратова (Бараташвили, 1865–1932). Одновременно из Казвина на Тегеран выступил отряд генерала Золотарева. В декабре 1915 г. корпус Баратова вступил в Хамадан и Кум. В марте 1916 г. российские войска заняли Исфахан. В мае 1916 г. после сдачи англичанами Кут ал-Амары турецкая армия

¹ За исключением округов Исфахана, Йазда и небольшого участка на стыке российско-ирано-афганской границы.

захватила Каср-Ширин, Керманшах и Хамадан, северо-западнее которого была остановлена российской армией.

Летом 1916 г. для борьбы с отрядами «дженгелийцев» из местных панисламистов (созданными на севере Ирана австро-германо-турецкой агентурой) и для обеспечения порядка в стране шахское правительство дало разрешение на преобразование Персидской казачьей бригады в дивизию, увеличив ее численность до 11 тыс. человек. Одновременно англичане получили право создания воинских частей «Южно-персидских стрелков».

При анализе развития российско-иранских экономических отношений в указанный период преподавателю следует подчеркнуть, что Первая мировая война нарушила внешние и внутренние экономические связи, но дала ощутимый толчок развитию железнодорожного транспорта в Иране при поддержке союзников по Антанте. В то же время сократившиеся в военное время таможенные сборы не покрывали сумм погашения по займам России и Великобритании. Иранская финансовая комиссия была преобразована в англо-русско-бельгийско-иранскую, которая стремилась выправить экономическое положение, ухудшавшееся из-за военных действий, эпидемий и нехватки продовольствия.

Подводя итог освещению данного периода, необходимо констатировать, что к 1917 г. Северный Иран вплоть до Исфахана находился под контролем российской армии; Западный Иран, включая Хамадан, удерживала турецкая армия, а Южный Иран занимали британские оккупационные войска.

Советско-иранские отношения после крушения Российской империи

Февральская революция 1917 г. и падение российской монархии привели к усилению роли Великобритании и ослаблению роли России в Иране. Наведение внутреннего порядка и закон-

ности в стране стало прерогативой англичан. Российские войска получили подкрепление и, освободив после упорных боев Хамадан и Керманшах, продолжили наступление на турецкой территории. С марта 1917 г. в российских войсках под влиянием социал-демократической пропаганды стали возникать солдатские и солдатско-офицерские комитеты, рабоче-крестьянские советы, ячейки марксистских партий, деятельность которых разлагала боеспособность армии. Были налажены связи между социал-демократическими организациями России и Ирана.

После прихода к власти в России большевиков в октябре 1917 г. Советское правительство обнародовало все секретные соглашения между царским и Временным правительствами и другими европейскими державами, в том числе англо-российское соглашение по Ирану от 1915 г.

При анализе истории советско-иранских отношений после 1917 г. преподаватель должен стремиться к объективной подаче учебного материала, представляя на рассмотрение позиции обеих сторон.

3 декабря 1917 г. в «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» Совнарком заявил об отмене всех прежних договоренностей с другими странами.

После сепаратного советско-германского договора в Брест-Литовске от 15 декабря 1917 г., который исключил Россию из числа стран-победительниц в Первой мировой войне, был предусмотрен вывод всех российских войск из Ирана.

В декабре 1917 г. в ответ на отказ советской власти от всех аннексий и контрибуций по итогам войны Иран официально признал Советскую Россию. Вывод войск начался в январе и в целом закончился в марте 1918 г. В Иране остались не признавшие Советскую власть отряды российской армии под командованием генерала Н. Н. Баратова и полковника Л. Ф. Бичерахова (Бичерахти, 1882–1952), которых англичане взяли на свое довольствие.

*Реза-шах Пахлави
(1925–1941)*

В январе 1918 г. Советская Россия в ноте Ирану отказывалась от всех прежних договоров и соглашений, которые ущемляли права иранского народа. Великобритания от своих привилегий не отказалась и в отсутствие российского соперничества перевела весь Иран в свою сферу влияния к середине 1918 г. Англо-иранский договор от 9 августа 1919 г. призван был превратить Иран в подмандатную территорию Великобритании. Осуществлению британ-

ского плана по Ирану среди прочих факторов помешала политика Советской России.

Вместе с усилением антианглийских выступлений иранцев часть московских коммунистических лидеров поддержала идею экспорта социалистической революции в Иран как составной части мировой революции. 8 мая 1920 г. в Энзели высадился десант бойцов РККА, который оперативно овладел городом-портом и крепостью. Были налажены связи с главой «дженгелийцев» мирзой Кучек-ханом (1880–1921), отправившим от имени иранского народа приветственную телеграмму председателю Совнаркома В. И. Ленину (Ульянов, 1870–1924). Гилянская провинция была объявлена Советской республикой с временным революционным правительством и реввоенсоветом во главе с Кучек-ханом. В июле-августе из-за левацких авантур иранских коммунистов единый фронт Гиляна распался, и Решт был занят персидскими казаками.

После организованного англичанами государственного переворота 21 февраля 1921 г. военным министром стал бывший офицер Персидской казачьей дивизии полковник Реза-хан Савадкухи (1878–1944). Шедшие параллельно переговоры завер-

шились подписанием в Москве 26 февраля 1921 г. первого советско-иранского договора. Отказ от попыток установить советскую власть на севере страны и укрепление центральной власти способствовали улучшению отношений между Советской Россией и Ираном. По договору 1921 г. Советская Россия отказывалась от всех прав, привилегий и концессий россиян в Иране, прощала Ирану многомиллионные долги по займам, безвозмездно передавала иранской стороне все недвижимое и движимое имущество россиян, включая банки, железные и шоссейные дороги, здания и складские помещения, телеграфные линии, пароходы и пароходные компании, порт Энзели, российские острова в Каспийском море и т. д. Желая обезопасить себя от возможной вооруженной интервенции белогвардейских отрядов или англичан, советская сторона согласно статьям 5 и 6 договора получила право ввести войска на территорию Ирана и устранить угрозу в случае, если иранцы сами не смогут справиться с деятельностью таких групп или организаций.

После падения династии Каджаров Реза-хан Савадкухи стал первым шахом (1925–1941) новой династии Пахлави (1925–1979). Мировой кризис 1928–1932 гг. выдвигал сильных авторитарных лидеров в различных странах Востока и Запада. В конце 20-х – начале 30-х гг. Реза-шаху импонировал И. В. Сталин (Джугашвили, 1878–1953). Несмотря на неприятие коммунистической идеологии, Реза-шах, служивший под началом русских офицеров и бегло говоривший по-русски, развивал сотрудничество с СССР, который способствовал укреплению иранского суверенитета и строил важные промышленные объекты в Иране.

После прихода к власти в Германии А. Гитлера (1889–1945) симпатии Реза-шаха стали принадлежать ему. В 1938 г. шах отказался подписать новый торговый договор с СССР, что привело к значительному сокращению совместной торговли, а Германия заняла первое место во внешней торговле Ирана.

СССР и Иран в годы Второй мировой войны

Иранская составляющая политики союзников по антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. сводится к дипломатической предыстории и совместной военной операции по вводу войск в Иран. Оккупация страны британскими и советскими войсками была осуществлена в августе-сентябре 1941 г. по инициативе Великобритании под предлогом устранения немецкой агентурной сети с территории Ирана. Участники успешной операции руководствовались различными мотивами. Приоритеты Великобритании в регионе сводились к стремлению сохранить под контролем нефтеносные районы Юго-Западного Ирана, входившие в концессионную зону Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК).

Для Советского Союза жизненно важным было создание транспортного коридора с использованием мощностей Трансиранской железной дороги, соединявшей Персидский залив с Каспийским морем. Это было необходимо для организации поставок военной и экономической помощи СССР со стороны союзников по антигитлеровской коалиции после неудач с Арктическими конвоями, а также для повышения стратегической устойчивости южных рубежей обороны страны. Реза-шах, стремившийся любыми силами сохранить нейтралитет своей страны, отказался предоставить Трансиранскую железную дорогу для перевозки оружия и военной техники в качестве помощи Советскому Союзу по Ленд-лизу. В результате оккупация союзниками Ирана стала неизбежной. Договор, регламентирующий оккупацию, был подписан 29 января 1942 г. между Великобританией, Ираном и СССР.

В годы войны СССР оказывал Ирану значительную помощь поставками промышленных, продовольственных товаров, борьбой с эпидемиями. в 1943 г., когда иранской столице угрожал голод, СССР прислал в Тегеран 25 тыс. тонн пшеницы.

*Главы союзнических держав
на Тегеранской конференции 1943 г.*

В ноябре-декабре 1943 г. в Тегеране прошла встреча глав союзнических держав – Тегеранская конференция, на которой были обрисованы контуры будущего послевоенного мира. Среди прочих документов была принята «Декларация об Иране», содержащая стремление участников сохранить независимость, суверенитет и территориальную целостность Ирана.

К концу войны усилилось противостояние Великобритании, СССР и США¹ в Иране. СССР и США стремились получить концессии на добычу и переработку нефти за пределами зоны действия АИНК, в основном на севере Ирана.

После победы над фашистской Германией встал вопрос о выводе иностранных войск из Ирана. К этому времени в Иран-

¹ Не связывая себя соглашениями с Ираном, США ввели в страну свыше 50 тыс. солдат и офицеров под предлогом защиты грузов, следовавших по Транс-иранской железной дороге.

ском Азербайджане и Иранском Курдистане при помощи СССР были созданы просоветские организации, прокоммунистические партии. С 1941 г. в зоне советской ответственности действовала Иранская народная партия «Туде», являвшаяся, по сути, наследницей Иранской коммунистической партии (ИКП) 20-х гг. и ставшая самой массовой партией страны.

После нескольких обращений в СБ ООН с требованием заставить вывести войска из Северного Ирана и открытого шантажа ядерным оружием со стороны США Советская армия в конце апреля – начале мая 1946 г. покинула Иран. После ухода советских войск все леводемократическое движение на севере и северо-западе Ирана было разгромлено. Сотням активистов были вынесены смертные приговоры военно-полевыми судами, тысячи были убиты без суда и следствия. Более 9 тыс. человек нашли убежище на территории СССР, который временно открыл границу для эмигрантов.

После ухода СССР из Ирана США заняли первенствующее положение в стране, потеснив Великобританию.

Советско-иранские и российско-иранские отношения во второй половине XX в.

Государственный переворот, осуществленный в 1953 г. ЦРУ США, лишил иранцев возможности самостоятельно распоряжаться своими нефтяными ресурсами и убедил Мухаммад-Реза-шаха Пахлави (1941–1979) во всеилии американцев в Иране. По указке США Иран подписал Багдадский пакт, стал членом блока СЕНТО, первым из мусульманских государств признал Израиль. Несмотря на посещение шахом Советского Союза с дружественным визитом в 1956 г.¹, советско-иранские переговоры

¹ Также посещал в 1965 и 1972 гг.

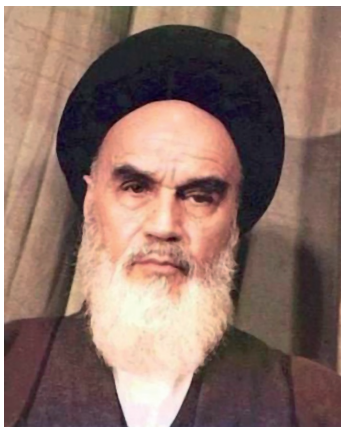
1959 г. с целью заключения договора о дружбе и ненападении закончились безрезультатно.

В годы «холодной войны» США зачастую использовали воздушное пространство и аэродромы сопредельных с СССР стран (в том числе Ирана) для осуществления разведывательных полетов вдоль границ Советского Союза. 15 сентября 1962 г. СССР и Иран обменялись нотами. Иранская сторона дала гарантии советской стороне, что на территории Ирана не будет иностранных ракетных баз и Иран не станет орудием агрессии против СССР.

Необходимо сделать акцент на конкретных экономических проектах, которые заложили базу для продолжения двустороннего сотрудничества в данный период.

Некоторое расширение сотрудничества с СССР и странами СЭВ в 1960–1970-е гг. было обусловлено амбициями шаха и нежеланием США и стран Западной Европы помогать Ирану в строительстве базовых отраслей промышленности, создании тяжелой индустрии. В 1963, 1966 и 1972 гг. между СССР и Ираном были заключены соглашения о сотрудничестве в экономической и технической сферах, строительстве различных промышленных объектов. Основным объектом сотрудничества стал Исфahanский металлургический комбинат. Важное значение для СССР и Ирана имело соглашение о поставках по Трансиранскому газопроводу иранского газа в Закавказье и сибирского газа в Западную Европу по ирано-европейским контрактам.

Исламская революция 1978–1979 гг., сокрушившая монархию Пахлави, стала во многом неожиданностью для США и СССР. Революция носила острый антиамериканский характер. После заявления Л. И. Брежнева (1906–1982) в конце 1979 г. о том, что СССР даст адекватный ответ на американскую интервенцию в Иран, планы США изменились. В то же время потепления советско-иранских отношений не произошло вследствие неприятия правящими кругами Ирана, стремившимися к экспорту исламской революции в другие страны, атеистической идеоло-

*Сайид Р. М. Хомейни
(1902–1989)*

гии СССР, ввода советских войск в Афганистан в 1979 г., советской военной помощи соседнему Ираку.

Здесь следует показать разнообразие подходов к освещению двустороннего идеологического противостояния в рассматриваемый период.

Иранской стороной были закрыты: советское консульство в Реште, представительство «Ингосстраха» в Мешхеде, советская больница в Тегеране, отделения Русско-иранского банка, который сущест-

вовал с 1923 г. для кредитно-расчетного обслуживания торговли с СССР и содействия развитию сельского хозяйства и промышленности Ирана. В годовщину ввода войск в Афганистан, 27 декабря 1980 г. около 3 тыс. иранцев ворвались на территорию посольства СССР в Тегеране и устроили погром. В Исфахане была предпринята попытка захвата советского консульства местными жителями и афганскими эмигрантами.

Официальный внешнеполитический лозунг исламской революции «Ни Запад, ни Восток – только исламская революция!» сводился к тому, что иранское духовное руководство старательно ограждало себя от влияния как США, так и Советского Союза и выбирало независимый путь развития страны, хотя он и сопровождался некоторыми эксцессами. Лидер исламской революции и руководитель Исламской Республики Иран имам Хомейни (1979–1989) был противником безбожного социализма, но принадлежал к русофильской семье и с уважением относился к северному соседу.

После распада СССР и образования суверенных государств из бывших союзных республик у Ирана появились новые воз-

возможности для усиления своего влияния в Средней Азии и на Кавказе, что привело к заметному потеплению отношений Российской Федерации и Ирана в конце XX в.

Этот этап в развитии российско-иранских отношений должен быть представлен в ходе лекционных и семинарских занятий как качественно новый период в истории двусторонних связей.

СПббгу

Зачет.

Итоговый опрос/тест

Перечень примерных контрольных заданий для самостоятельной работы

1. Самостоятельное чтение источников и исследований по истории взаимоотношений России, стран Ближнего и Среднего Востока (*представленных в ридерах/хрестоматии*), а также по Новой и Новейшей истории, культуре, этнографии, социально-экономическим и политическим процессам в странах Ближнего и Среднего Востока в переводах с восточных языков на русский язык с последующим их разбором и обсуждением в аудитории.

2. Ознакомление с основными исследованиями в области истории отношений России со странами Ближнего и Среднего Востока в Новое и Новейшее время в соответствии со списком основной и дополнительной литературы (с последующей проверкой в аудитории в форме устного опроса или теста).

3. Реферирование источников и исследований по истории отношений России со странами данного региона в рамках подготовки к зачету, самостоятельной работы в соответствии со списком обязательной литературы, составление библиографии по избранной тематике в соответствии с перечнем тем лекционных занятий.

Примерные темы рефератов и курсовых работ

В рамках самостоятельной и внеаудиторной работы предлагаются следующие темы рефератов (требования к рефератам:

объем от 0,5 до 1 а. л., *архитектоника*: введение, основная часть, заключение, список использованных источников и исследований, приложения):

1. Древняя Русь и Халифат в VIII–XIII вв. Торгово-экономические и культурные связи.
2. Содержание понятия «Восточный вопрос» в Новой истории России.
3. Значение войны 1768–1774 гг. в истории русско-турецких отношений и в истории русской культуры.
4. Создание в России собственной школы переводчиков для дипломатической службы на Востоке.
5. Арабистика и исламоведение в России на рубеже XVIII–XIX вв.
6. «Зубовский поход» и российско-иранские войны 1804–1813 и 1826–28 гг.
7. Посольство А. С. Грибоедова в Персию и его судьба.
8. Путешествия в Россию Насер ад-Дин-шаха Каджара (1848–1896)
9. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.
10. Российско-арабские культурные связи и деятельность Императорского православного палестинского общества (ИППО) на рубеже XIX–XX вв.
11. Арабский мир глазами российских путешественников, литераторов, дипломатов в XIX – начале XX в.
12. Россия и Иран в годы Первой мировой войны.
13. Советско-турецкие связи в 1920–1930-е гг.
14. Советско-турецкие отношения в годы Второй мировой войны.
15. Советско-арабские отношения после Второй мировой войны. Военно-политические, экономические и культурные связи.
16. Новые тенденции в политике РФ на Ближнем Востоке после распада СССР (Турция, арабские страны, Иран).

**Примерный перечень вопросов
к зачету/экзамену по всему курсу¹**

1. Начальный этап развития отношений между народами России и мусульманским Ближним Востоком. Эпоха Халифата (VIII–XIII вв.)

2. Начало официальных отношений между Московским государством и Османской империей (1492 г.).

3. Торговые связи между Россией и странами Ближнего Востока в XV–XVII вв.

4. Обмен посольствами между Москвой и Стамбулом в XVI–XVII вв.

5. Дипломатические связи между Московской Русью и Сафавидским Ираном.

6. Русские паломники в Святой земле в XII–XVII вв.

7. Восточная политика Российской империи от Петра I до Екатерины Великой.

8. Персидский поход Петра I.

9. Русско-турецкие войны XVIII в. (Прутский поход Петра I в 1711 г.; русско-турецкая война 1735–1739 гг.; война 1768–1774 гг. и Кючук-Кайнарджийский мирный договор).

10. Присоединение к России Крыма и Восточной Грузии в 1783 г. Русско-турецкий торговый договор 1783 г. Русско-турецкая война 1787–1791 гг.

11. Уровень информированности российского общества о жизни Османской империи в конце XVIII в.

12. Русско-турецкие войны в 1-й трети XIX в. (1806–1812 гг.; 1828–1829 гг.). Ункяр-Искелесийский союзный оборонительный договор 1833 г.

¹ Вопросы могут быть изменены в случае изменения объема лекционных занятий. Формулировка вопросов в экзаменационных билетах может отличаться от приведенных в списке.

13. Российско-иранские войны 1804–1813 и 1826–1828 гг. Гюлистанский (1813) и Туркманчайский (1828) трактаты.

14. Гибель посольства А. С. Грибоедова и иранская искупительная миссия 1829 г.

15. Становление российской арабистики и исламоведения в XVIII – начале XIX в. Создание школы переводчиков для дипломатической службы на Востоке.

16. Русско-турецкие войны 2-й половины XIX в. Крымская война (1853–1856); Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

17. Русско-турецкие экономические и культурные связи в XIX – начале XX в.

18. Российские путешественники, ученые, предприниматели в Иране второй половины XIX в.

19. Русские путешественники, ученые, дипломаты об арабском Востоке в XIX – начале XX в.

20. Иран в годы Первой мировой войны.

21. Советско-турецкие связи в 1920–1930 е гг.: «Золотой век» советско-турецких отношений.

22. Советско-иранские отношения в 20–30 гг. XX вв.

23. Советско-арабские отношения в период между двумя мировыми войнами (1918–1939).

24. Советско-турецкие отношения в период и после Второй мировой войны.

25. Иран в годы Второй мировой войны.

26. Советско-арабские военно-политические и торгово-экономические связи после Второй мировой войны.

27. Новые тенденции в политике России на Ближнем Востоке после распада СССР (Турция, арабские страны, Иран).

28. Евразийское соперничество и сотрудничество между РФ и Турцией.

29. Политические, торгово-экономические и культурные связи РФ с Арабским миром на современном этапе.

30. Российско-иранские отношения после распада СССР в конце XX в.

Информационное обеспечение дисциплины

Основная литература

Общие работы

- Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. Л., 1925; Соч. Т. 9. М., 1977.
- Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9: Работы по истории востоковедения. М., 1977.
- Батунский М. А. Россия и ислам. Т. 1–3. М., 2003.
- Васильев А. М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993.
- Васильев А. М., Петров Н. И. Рецепты арабской весны. Русская версия. М., 2012.
- Введение в востоковедение. Общий курс. Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011.
- Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978.
- Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973.
- Данциг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.
- Дьяков Н. Н. А. К. Казембек и преподавание истории Востока в Санкт-Петербургском ун-те. (К 150-летию кафедры исто-

- рии Востока) // Наследие Мирзы Казем-Бека: история и современность. Доклады и сообщения. Междун. научная конференция. Казань. 20–21 ноября 2015. Казань–СПб.–Баку: Фолиант. 2015. С. 71–86.
- Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX вв.; критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1–2. М., 1896.
- Изучение и преподавание ислама в Евразии.* М., 2010.
- Исаев В. А.* К вопросу о политике России на Ближнем Востоке // Ближний Восток и современность. ИИИБВ. М., 2001.
- Ислам на территории бывшей Российской империи.* Энциклопедический словарь. Т. 1–4. М., 1998–2003.
- Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-Восточной Африки /* отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М., 2015.
- История Востока. Восток в Новое время.* Т. 4. М., 2005.
- История Востока. Восток в Новейшее время. 1914–1945 гг.* Т. 5. М., 2006.
- История отечественного востоковедения до середины XIX в.* М., 1990.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* М., 1997.
- Ихсаноглу Э.* (ред.). История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1–2. М., 2006.
- Кириллина С. А.* Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.
- Кудрявцев А. В.* Исламский мир и палестинская проблема. М., 1990.
- Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995.
- Ланда Р. Г.* Россия и мир российского ислама. М., 2011.
- Левин З. И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988.

- Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007.
- Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца. М., 1980.
- Милославский Г. В. Интеграционные процессы в арабском мире. М., 1991.
- Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2002.
- Наумкин В. В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. М., 2013.
- Панченко К. А. Османская империя и судьбы православия на арабском Востоке (XVI – начало XIX века). М., 1998.
- Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства. М., ИИИБВ, 2001.
- Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
- Примаков Е. М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (2-я половина XX – начало XXI века). М., 2012.
- Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.
- Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008.
- Россия, Запад и мусульманский Восток в Новое время. СПб., 1994.
- Россия и Восток / под ред. С. М. Иванова. Б. Н. Мельниченко. СПб., 2000.
- Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова и Н. А. Самойлова. СПб., 2011.
- Российские интересы на Ближнем Востоке и в Турции // Информационно-аналитический бюллетень. № 17. М., 2005.
- Русские военные востоковеды // Библиографический справочник. М., 2005.
- Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX в. М., 1995.
- Смилянская И. М. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. Вып. 5. 1995.

- Татищев С. С. Внешняя политика Николая Первого. Введение в историю внешних сношений с Россией в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.
- Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.
- Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000.
- Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.
- Meyer M., Zhukov K. The Present State of the Ottoman Studies in Saint Petersburg and Moscow // Turkish Historical Review (Leiden: Brill), 2014. Vol. 5/1.

Россия и арабские страны

- Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. Хрестоматия. Т. 3. М., 2009.
- Жерлицына Н. А. Российско-туниссские отношения. 1780–1991. М., 2014.
- Житенев С. Ю. История русского православного паломничества в X–XVII вв. М., 2007.
- Карцев А. А. О культурных и экономических связях России с Арабским Востоком в первой половине XIX века // Краткие сообщения Института народов Азии и Африки. XVIII. Арабские страны. М., 1961.
- Кириллина С. А. «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. Изд-во ИСАА МГУ. М.: «Ключ-С», 2010.
- Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. М.; Л., 1948.
- Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избр. соч. Т. 5. М.; Л., 1958.

- Ланда Р. Г.* История арабских стран. М., 2005.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Св. Земле и на Ближнем Востоке. М., 2006.
- Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1965.
- Мелкумян Е. С.* Саудовско-российские отношения в контексте глобальных изменений в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». № 1 (6). М., 2006.
- Мусатова Т. Л.* Россия–Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990.
- Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Новейшая история арабских стран Азии.* М., 1988.
- Новейшая история арабских стран Африки.* М., 1990.
- Панова М. А.* Русские в Тунисе. М., 2008.
- Подгорнова Н. П.* (автор и составитель). Россия и Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. М., 1999.
- Поляков К. И.* Арабские страны и ислам в России. (90-е годы XX в.) М., 2001.
- Поляков К. И.* Арабский Восток и Россия. Проблема исламского фундаментализма. М., 2014.
- Сипенкова Т. М.* Россия и арабский Восток // Россия и Восток / под ред. С. М. Иванова. Б. Н. Мельниченко. СПб., 2000.

Россия и Турция

- Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата, 1922–1923. М., 1960.
- Базили К. М.* Очерки Константинополя. Босфор и новые очерки Константинополя. М., 2006.

- Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
- Густерин П. В.* Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М., 2008.
- Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.
- Еремеев Д. Е.* Становление Республиканской Турции (1918–1939). М., 2004.
- Еремеев Д. Е.* Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.
- Еремеев Д. Е.* Турция на рубеже XX и XXI веков (1991–2007). М., 2007.
- Желтяков А. Д.* Русско-турецкие культурные связи // Россия и Восток. СПб., 2000.
- Жуков К. А.* Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006.
- Жуков К. А. И. А. Зиновьев (1835–1917): магистр восточной словесности и российский посол в Константинополе* // Россия и турецкий мир. Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. СПб., 5–7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. СПб., 2007.
- Жуков К. А.* Вестернизация османского общества глазами польского ренегата: «Турецкие анекдоты» Михаила Чайковского (Садык-паши) // Христианство и русская литература. Сборник 6-й. СПб. 2010.
- Жуков К. А.* Отношения России и Османской Турции в конце XV – начале XX в. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПб., 2011.
- Жуков К. А.* Формирование представлений об Османской империи в России в XVIII – начале XX в. // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 1.

- Жуков К. А., Фетисенко О. Л. Русские, турки и греки в 1834 г. (по материалам путевого дневника М. П. Вронченко «Записки русского путешественника в Малой Азии») // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб., 2013. – («Россия – Запад – Восток»: Литературные и культурные связи; вып. 1).
- Жуков К. А., Жевелева А. В. Образ Европы и России в произведениях османских авторов XVIII в. СПб., 2014 (учебно-методическое пособие).
- Зиганишин М. К. Россия и Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству (2001–2006). Бишкек, 2007.
- Зиганишина Г. М. Ислам во внешнеполитической жизни Турции (1980–2000-е гг.). Москва–Бишкек, 2007.
- Иванов С. М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху Средневековья и Новое Время) // Россия и Восток. СПб., 2000.
- Иванов С. М. Из истории русско-турецкой торговли в XVII – начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. Сб. ст. М., 2000.
- Кантемир Д. Книга Систима или состояние мухаммеданския религии / Cantemir D. Opere complete. Т. 8/2. București, 1987.
- Кизюков С. В. Внешнеполитические концепции Республиканской Турции: экспансионизм или самоизоляция. Бишкек, 2006
- Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007.
- Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982. 2-е изд.
- Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.
- Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

- Мейер М. С. Из истории российско-турецких политических и культурных отношений: смена этапов и принципов // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996.
- Мейер М. С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.
- [Муравьев Н. Н.] Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н. Н. Муравьева (Карсского). М., 1869.
- Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.; Л., 1937.
- Новичев А. Д. История Турции. Т. 1. Л., 1963. 314 с. Т. 2. Л., 1968. 280 с. Т. 3. Л., 1973. 205 с. Т. 4. Л., 1978.
- Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3.
- Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006.
- Орешкова С. Ф. Немировский конгресс. От двусторонних османороссийских отношений к восточному вопросу. М., 2015.
- Павленко П. Стамбул и Турция (1927). М., 1932.
- Петросян Ю. А. Русские на берегах Босфора (исторические очерки). СПб., 1998.
- Петросян Ю. А. Российская историография Османской империи. XVIII–XX вв. СПб., 2012.
- Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003.
- Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.
- Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М., 1985.
- Сенюткина О. Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1–2. М., 1946.

- Сок достопримечательного. Записки Ресми-Ахмед-Эфендия, турецкого министра иностранных дел, о сущности, начале и важнейших событиях войны, проходившей между Высокою Портою и Россией от 1182 по 1190 год гиджры (1769–1776). Пер. с турецкого / Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 6. СПб., 1859.
- Стегний П. Посол III класса: Хроники «времен Очаковских и покоренья Крыма». М., 2009.
- Теплов В. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. СПб., 1891.
- Тверитинова А. С. К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. 1949. Т. 6.
- Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014.
- Утургаури С. Н. Белые русские на Босфоре: 1919–1929. М., 2013.
- Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). М., 1985.
- Цибенко (Иванова) В. В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (нурджулар) // Сектоведение. Минск, 2014.
- Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
- Aksan V. H. An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783. Leiden, 1995.
- Forsén B., Zhukov K. War and peace: some rarely used Russian and Finnish sources for the history of Russo-Turkish relations in the nineteenth century // Saint-Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2012. Vol. 1.
- Ortaylı I. XVIII. Yüzyıl Türk-Rus ilişkileri // Türk-Rus ilişkilerinde 500 yıl 1491–1992. Ankara, 1999.
- Ortaylı I. Reforms of Petrine Russia and the Ottoman Mind // Ortaylı I. Ottoman Studies. Istanbul, 2004.

- Osmanlı-Rus ilişkileri tarihi* (Ahmed Câvid Bey'in Müntehabâtı). Hazırlayan A. Baycar. İstanbul, 2004.
- Türk-Rus ilişkilerinde 500 yıl 1491–1992*. Ankara, 1999.

Россия и Иран

- Абдуллаев З. З. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX в. Баку, 1963.
- Абрамов А. Е. Русские концессии в Прикаспийском Иране в конце XIX века: к проблеме путей и методов проникновения российского капитала в Иран. Актуальные проблемы юриспруденции // Сборник научных трудов. Вып. 3. Владимир, ВГПУ, 2002. С. 164–170.
- Августин (Никитин), архим. О Ризе Господней. Официальный сайт Московского Патриархата РПЦ. Дата обновления: 30.11.2007 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/330913.html> (дата обращения: 11.10.2010).
- Адамова А. Т., Принцева Г. А. Панорама Персии П. Я. Пясецкого: от Энзели до Тегерана. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015.
- Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004.
- Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М., Наука, 1991. 391 с.
- Базиленко И. В. Бахаизм: история вероучения (сер. XIX – нач. XX в.). М., 1994.
- Базиленко И. В. Историография, религиоведение и культурология Востока: учеб. пособие. СПб., 2011.
- Базиленко И. В. Краткий очерк истории и идеологии бахаитской международной общины (XIX–XX вв.). СПб., 1998.
- Базиленко И. В. О влиянии идей бахаизма на мировоззрение Л. Н. Толстого (1828–1910) // Христианское Чтение. Научно-богословский журнал СПбДА. № 7–8, СПб., 2009.

- Базиленко И. В. Российский дезертир Самсон Макинцев в истории Ирана XIX в. (Самсон-хан и расстрел Баба). Исламские страны и регионы: История и современность. Центральная, Западная, Южная Азия, Северная Африка в XVII–XX вв. М., 1994.
- Базиленко И. В. Россия – Иран: история отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI – нач. XX в.). Saarbrucken, 2012.
- Балаян Б. П. Кровь на алмазе «Шах»: Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван, 1983.
- Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967.
- Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей. М., 1836. Ч. 2.
- Белокуров С. Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Феодоровичу в 1625 году. СПб., 1891.
- Берже Ад. П. А. С. Грибоедов. Деятельность его как дипломата (1827–1829). Русская старина. Т. 2. СПб., 1874.
- Берже Ад. П. История России, изложенная персиянином. Русская старина. Т. 24. СПб., 1879.
- Берже Ад. П. Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии. Русская старина. Т. 15. СПб., 1876.
- Бернасовский Н., свящ. Бабизм: История возникновения. Его развитие. Догматические и нравственные начала. Тифлис, 1909.
- Брачев В. С. Масоны и власть в России. М., 2003.
- Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Зубов Валериан Александрович. Т. 24. СПб., 1894.
- Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987.
- Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: товарищество И. В. Сытина, 1911–1915. Т. 9.

- Годс М. Р. Иран в XX веке. Политическая история. Пер. с англ. М., 1994.
- Густерин П. В. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М., 2008.
- Иванов М. С. Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М., Наука, 1982.
- Ивановский Н. Граф Лев Николаевич Толстой и его учение. СПб., 1903.
- Ислам как фактор формирования российской государственности и культуры. Антология. Учебное издание / сост., вступ. статья И. В. Базиленко, О. А. Воднева. СПб.: РХГА, 2012.
- Исмаил Раин. Хокукбегиран-е инглис дар Иран. (перс. яз.) Тегеран, 1969.
- История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. СПб. 1836.
- История Ирана. Киев–Москва, 2003.
- История Ирана. М., 1977.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринт 5-го изд. М., 1988.
- Касрави А. Тарих-е машруте-йе Иран. [перс. яз.]. Тегеран, б/г. Т. 1–3.
- Крашенинников А. Ф. О реальности основы сюжета повести Н. В. Гоголя «Нос» // Вопросы литературы, 2001, №5.
- Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983.
- Кузнецова Н. А. К истории изучения бабизма и бахаизма в России. Очерки по истории русского востоковедения. Т. 7. М., 1963.
- Куканова Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX века. Саранск, 1977.
- Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М., 1981.
- Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. М., 1978.

- Мальшинский А. Н.* Подлинное дело о смерти Грибоедова. Русский вестник, июнь 1890.
- Маркарян С. А.* История Ирана в средние века – от Сасанидов до Каджаров (с III в. н. э. до первой трети XIX в.). Курс лекций. Учебное издание. – Ростов н/Д, 2010.
- Махди Бамдад.* Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар горун-е 12 ва 13 ва 14 хеджри. Тегеран, 1969. Т. 2.
- Махдиян М. Х.* История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XXI в.) М., ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2014.
- Мясников В. С.* Новые данные о подготовке посольства Ф. И. Байкова в Китай. Квадратура китайского круга. Кн. 1. М., Вост. лит., 2006.
- Нетесов А.* Миротворческая миссия за Араксом. Как русские войска нормализовали обстановку в Персии в начале XX века. http://nvo.ng.ru/history/2009-07-03/12_persia.html
- Новая история Ирана.* Хрестоматия. М., 1988.
- Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII–XV вв. Л., 1966.
- Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т-х. Тип. Е. Евдокимова. СПб., 1887–1889.
- Розанов М.* Персидское посольство в России 1829 года. По бумагам графа П. П. Сухтелена // Русский архив. 1889. Кн. 2. № 2.
- Россия и Восток: Учеб. пособие / под ред. С М. Иванова, Б. Н. Мельниченко.* СПб., 2000.
- Строева Л. В.* Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Л., Наука, 1963.
- Туманович Н. Н.* Европейские державы в Персидском заливе в XVI–XIX вв. М., Наука, 1982. 190 с.
- Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. генерал-*

- майора В. А. Потто. Типография штаба Кавказского военного округа. Т. 2. Тифлис, 1902.
- Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг. СПб., 1836. Т. 2.
- Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20–30-е годы XIX века. М., МГУ, 1958.
- Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., АН СССР, 1960.
- Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., АН СССР, 1960.
- Ханыков Н. В. Очерк служебной деятельности генерала Альбрехта. Тифлис, 1850.
- Цветков П. Ислам и его секты. Т. 4. Ашхабад, 1913.
- Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2005.
- Ша'бани Р. Краткая история Ирана. СПб., 2008.
- Широкорад А. Б. Русско-турецкие войны (1676–1918). Минск – Москва, 2000.
- Шишов А. В. Схватка за Кавказ. М., 2007.
- Шостакович С. Д. Дипломатическая деятельность Грибоедова. М., 1960.
- Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке (от Французской буржуазной революции до Второй мировой войны). М., 1951.
- Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. М., Международные отношения, 1966.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Т. 22.
- Amanat A. Resurrection and Renewal. The Making of the Babi Movement in Iran, 1844–1850. New York, 1989.
- Andreas F. C. Die Babi's im Persien. Ihre Geschichte und Lehre quellen massing und nach eigne Anschauung dargestellt. Leipzig, 1896.
- Andreeva E. Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboyedov and Imperial Russia's Mission to the Shah of Persia by Laurence Kelly. Iranian Studies. 2003. Vol. 36, No. 3. P. 413–417.

- Bayley J.* Stormy life, beautiful end (Review: Diplomacy and murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the Shah of Persia by Laurence Kelly). *The Sunday Times*. 2002. 25 January.
- Bournoutian G. A.* From Tabriz to St.Petersburg. Iran's Mission of Apology to Russia in 1829. Costa Mesa, 2014.
- Costello D. P.* Griboedov in Persia in 1820: Two Diplomatic Notes. *Oxford Slavonic Papers*. London, 1954. Vol. 5. P. 81–92.
- Costello D. P.* The Murder of Griboedov. *Oxford Slavonic Papers*. London, 1958. Vol. 8. P. 34–42.
- Costello D. P.* A Note on "The Diplomatic Activity of A. S. Griboedov" by S.V. Shostakovich. *The Slavonic and East European Review*. London, 1961. Vol. 40. No. 94. P. 235–244.
- Ellison J.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the Shah of Persia by Laurence Kelly. *The Slavic and East European Journal*. 2007. Vol. 51. No. 4. P. 791–792.
- Harden E. J.* Griboedov and the Willock Affair. *Slavic Review*. 1971. Vol.30. No.1. P. 74–92.
- Harden E. J.* Griboedov in Persia: December 1828. *The Slavonic and East European Review*. London, 1979. Vol. 57. No. 2. P. 255–267.
- Harden E. J.* The Murder of Griboedov – New Materials. *Birmingham Slavonic monographs*. Birmingham, 1979. No.6. 96 p.
- Harden E. J.* An Unpublished Letter of Nina Aleksandrovna Griboedova. *The Slavonic and East European Review*. 1971. Vol. 49. No. 116. P. 437–449.
- Jones M. V.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the Shah of Persia by Laurence Kelly. *The Slavonic and East European Review*. 2002. Vol. 80. No. 4. P. 748–750.
- Katouzian H.* Diplomacy and murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the Shah of Persia by L. Kelly. *Journal of Islamic Studies*. Oxford, 2006. Vol. 17. No. 1. P. 93–95.

- Kelly L.* Diplomacy and Murder in Tehran. Alexander Griboyedov and Imperial Russia's mission to the Shah of Persia. London, 2002.
- Lang D. M.* Griboedov's last years in Persia. American Slavic and East European Review. Cambridge, 1948. Vol. 7. No. 4. P. 317–339.
- Mirsky D. S.* Centenary of the Death of Griboyedov (1829 – January – 1929). The Slavonic and East European Review. 1929. Vol. 8. No. 22. P. 140–143.
- Nash G.* Iran's Secret Pogrom. Sudbury, 1982.
- Rayfield D.* The Murder of Griboedov: New Materials by Evelyn J. Harden. The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. No. 2. P. 289–290.

Интернет-ресурсы

- <http://www.egypt.mid.ru/relations/> Посольство РФ в Египте.
- http://www.marocco.mid.ru/Ross_Marocc.html // Посольство РФ в Королевстве Марокко.
- http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Egipet/XIX/1880–1900/Russ_egip_svjayzi/text2.htm Из истории русско-египетских отношений в начале XX в.
- www.ottomanhistorians.com
- http://www.turkey.mid.ru/hron_r.html // Посольство РФ в Турции.
- Текущая хроника двусторонних отношений России и Турции.
- <http://sirani.ru/>
- <http://www.iran.ru/news/>
- <http://www.risos.ru/>
- <http://www.delovoiiran.ru/>

Дополнительная литература

- Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки* / под ред. Б. Г. Доронина, Н. Н. Дьякова, В. Н. Колотова. СПб., 2013.

- Базиленко И. В. Бахаизм в современной России // Христианское чтение. Журнал Санкт-Петербургской православной духовной академии. № 23. СПб., 2004.
- Базиленко И. В. Православная Россия и шиитский Иран: по страницам истории отношений // Христианское Чтение. Научно-богословский журнал СПбПДА. № 2 (37), СПб., 2011.
- Базиленко И. В. Русская государственность в изложении иранского историографа XIX в. Российская государственность: история и современность. СПбГУ. СПб., 2003.
- Васильев А. М. Египет и египтяне. М., 2005.
- Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008.
- Вяземский К. А. Путешествие в Марокко. Ученый Архив РГО. Разряд 98. Рукописи трудов членов Географического общества. Оп. 1, 16.16.
- Гессе А. По югу Алжирии // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911.
- [Григорьев В. В.] Изафети-Маклуб. Поездка в Константинополь // Одесский альманах на 1840 год. Одесса, 1839.
- Данциг Б. М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Ближний Восток. М., 1976.
- Дмитриевский А. А. Деятели Русской Палестины. М., 2010
- Дьяков Н. Н. Магриб–Машрик–Россия. Материалы по историографии и истории арабского мира. СПб., 2014.
- Дьяков Н. Н. Александрия Египетская в отечественной историографии и материалах Русского Географического общества 2-й пол. XIX в. // Актуальные проблемы мировой политики. Восток в мировой политике. Вып. 4. СПб. 2009.
- Дьяков Н. Н. Шейх Мухаммад Аййад ат-Тантави (1810–1861) – профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета // Россия и Арабский мир. К 200-летию профессора СПУ Шейха ат-Тантави. Материалы конференции. 2–3 ноября, 2010. СПбГУ, 2010.

- Дьяков Н. Н.* Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время // Россия и Восток. Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / под ред. Н. Н. Дьякова, Н. А. Самойлова. СПб.: НП-Принт, 2011.
- Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки* / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб., 2013.
- Елисеев А. В.* Путь к Синаю в 1881 году. СПб., 1883.
- Жуков К. А.* Хива в российской и османской публицистике 1873 г. (В. В. Григорьев и Али Суави) // X Плехановские чтения: «Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций» (30 мая – 1 июня 2012 г., Дом Плеханова РНБ). Материалы конференции. СПб, 2012.
- Жуков К. А.* Изафети Маклуб – ученик Барона Брамбеуса: В. В. Григорьев и становление классического отечественного востоковедения / Христианство и русская литература. Сборник седьмой. СПб., 2012.
- Кардини Ф.* Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007.
- Кессельбреннер Г. Л.* Хроника одной дипломатической карьеры (дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев и его время). М., 1987.
- Коковцов М. Г.* Описание Архипелага и Варварийского берега, изъ-являющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории и с тремя чертежами. СПб., 1786.
- Куропаткин А. Н.* Алжирия. СПб., 1877.
- Ланда Р. Г.* Политический ислам. Предварительные итоги. М., 2005.
- Малашенко А. В.* Ислам для России. М., 2007.
- Мейер М. С., Фаизов С. Ф.* Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношений. М., 2008.

- Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976, 2008.
- Мусатова Т. Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990.
- Немирович-Данченко В. И. Базар в Танжере // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. С. 22–27.
- Немирович-Данченко В. И. Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания. СПб., 1896.
- Печуров С. Л. Арабский Восток: от «весны» к хаосу? М., 2013.
- Родионов А. А. Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. М., 2006.
- Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Сейранян Б. Г., Исаев В. А., Филоник А. О. Становление государственности аравийских монархий. М., 2013.
- Фролова О. Б. С перелетными птицами в Африку. Избранные статьи. СПб., 2008.
- Хевролина В. М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н. П. Игнатьев // Новая и Новейшая история. 2003. № 3.
- Шеремет В. И. К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII – начале XIX в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2. Л., 1968.
- Шерих Д. Ю. Турецкий Петербург. Из истории российско-турецких отношений. СПб., 2012.
- Чихачев П. А. Испания, Алжир и Тунис. М., 1975.
- Эйхвальд Э. И. Отрывки из путешествия в Алжир. 1847.
- Armağan M. Petersburg'da Osmanlı izleri. İstanbul, 2006. 2-ci baskı.
- Armstrong K. Jerusalem. One City, Three Faiths. New York, 1996.
- The Cambridge History of Turkey. Vol. 1-4. Cambridge, 2006–2012.

Dyakov N. Some Documents From St. Petersburg Archives on the History of Cultural & Human Contacts Between Russia and the States of the Arabian Peninsula in the 19th – 1st Half of the 20th CC. // “Al-Watheekah”. Issue No.41. Jan. 2002.

Hitti Ph. K. A History of the Arabs. L., 1937. 1st Ed. and o.

Hourani A. A History of the Arab Peoples. 1st Ed. L., 1991; 2nd Ed. L., 2005.

The Ottoman State and its Place in World History. Leiden. 1974.

Учебное издание

**Игорь Вадимович Базиленко,
Николай Николаевич Дьяков,
Константин Александрович Жуков**

**Россия и мусульманский
Ближний Восток
(арабские страны, Турция, Иран)**

Учебно-методическое пособие

Разработка и дизайн обложки: Ю. В. Гребнева

Редактор: А. А. Липинская

Корректор: Л. Н. Анастасиади

Техническое редактирование

и компьютерная верстка: Н. П. Дмитриева

Подписано в печать 00.12.2015. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,5.
Зак. № 150. Тираж 320 экз.

ISBN 978-5-905273-74-2

9 785905 273742

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

www.prilib.ru